

Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Проблемы становления гражданского общества

*VIII Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 20 марта 2020 года

Часть III

Иркутск, 2020

**Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации**

**Проблемы становления
гражданского общества**

*VIII Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 20 марта 2020 года

Часть III

Иркутск, 2020

УДК 340
П 78

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. Протокол от 18 марта 2020 года № 2.

П 78 Проблемы становления гражданского общества : сборник статей VIII Международной научной студенческой конференции, Иркутск, 20 марта 2020 г. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – Часть III. – 253 с.

В настоящий сборник помещены статьи участников VIII Международной научной студенческой конференции «Проблемы становления гражданского общества» (Иркутск, 20 марта 2020 г.) по актуальным вопросам теории и истории государства и права, гражданского, уголовного, конституционного, трудового, семейного, экологического права, уголовного и гражданского процесса и др.

Материалы предназначены для студентов юридических вузов.

УДК 340

© Университет прокуратуры
Российской Федерации, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовное право

Банищикова В. А. Сравнительный анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи с банковского счета	8
Барабаш А. С. Анализ международного законодательства в области провокации преступления	11
Батманова Л. А. Актуальные проблемы определения причинной связи в уголовно-правовой практике Российской Федерации.....	15
Берчанский К. А. Уголовно-правовое обеспечение безопасности эксплуатации объектов ядерной энергетики	18
Бомбела Ю. И. Отграничение злоупотребления должностными полномочиями от превышения должностных полномочий	22
Бубенова Д. Р. Гендерное равенство в нормах Уголовного кодекса как условие становления гражданского общества.....	26
Винокуров М. В. Ответственность за фальсификацию лекарственных средств в уголовном законодательстве советского периода	28
Власов Я. О. Проблемы института содержания в дисциплинарной воинской части.....	32
Воронин А. А. Некоторые вопросы квалификации контрабанды алкогольной продукции и табачных изделий, совершенной должностным лицом с использованием своего служебного положения	34
Вохмянина А. Д. К вопросу уголовной ответственности за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов и страховых взносов	37
Ганюшкина С. Д. Организация занятия проституцией организованными преступными формированиями	41
Горошко А. А. Нормативное регулирование деятельности по защите и реабилитации жертв торговли людьми в Российской Федерации.....	44
Дорофеева А. С. Проблемы квалификации деяний, предусмотренных статьей 106 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	48
Ефимушкина К. Э. Примечание к уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: значение и несовершенства	51

Заиграева Е. И. Проблемные вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения	54
Золоторёва М. М. Мировоззренческие основы религиозного экстремизма в современном мире	57
Калашникова А. С. Проблемы признания маломерных судов транспортными средствами при исполнении дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определённой деятельностью: на примере практики Свободненской городской прокуратуры Амурской области.....	61
Козулина Д. В. О необходимости дополнения главы 8 УК РФ новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния.....	64
Кузнецов Р. Д. Вопросы квалификации действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды в уголовном праве России.....	68
Кузьмин И. П. Перспективы внедрения институтов гражданского общества в систему профилактики преступности несовершеннолетних.....	72
Маранц М. С., Севостьянова С. В. Нравственные начала в уголовном праве Российской Федерации.....	75
Мирошниченко А. Г. О проблеме определения момента окончания преступления с административной преюдицией на примере ст. 212 ¹ УК РФ	78
Москалев Г. А. Проблемы назначения наказания в виде ограничения свободы.....	81
Никифоров Е. И. Некоторые вопросы квалификации легализации доходов, полученных преступным путем	85
Николайчук Д. Е. Право человека на жизнь и эвтаназия	88
Носырев Р. В. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию	92
Перевезенцева Н. Д. Некоторые проблемы применения статьи 210 ¹ УК РФ.....	95
Радов В. В. Особенности деяния в ятрогенном преступлении	97
Румянцева И. В. Проблемы субъективной стороны хищения предметов, имеющих особую ценность	101
Санукевич А. А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство исключающее преступность деяния: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации	104
Серов А. П. Может ли преступление с двойной формой вины быть неоконченным?	108

Тищенко М. С. Уголовно-правовая норма об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии: анализ и проблемы применения	110
Токарчук А. Р. Вопросы квалификации применения участниками массовых беспорядков «Коктейлей Молотова» в отношении сотрудников, обеспечивающих правопорядок.....	113
Трофимова Д. А. Актуальные проблемы уголовного законодательства в сфере жестокого обращения с животными в Республики Беларусь.....	117
Чичёв А. А. Предикатное преступление в рамках легализации преступных доходов: вопросы теории и практики.....	119
Чупрова К. А. Присвоение или растрата: понятие, спорные вопросы квалификации ст. 160 УК РФ.....	123
Шупрунов С. И. Отграничения мошенничества в сфере кредитования (ст. 159 ¹ УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) и проблемы квалификации	126

Уголовный процесс

Бураева Е. А. Общая характеристика уголовно-процессуальной формы.....	130
Бурзалова А. О., Воробьёва Е. Ю. Проблемы сохранения имущества лица, заключенного под стражу.....	132
Головатинская И. А. К вопросу о роли прокурора на стадии возбуждения уголовного дела.....	135
Гуров В. А. Процессуальное руководство расследованием как функция прокурора в досудебном производстве по уголовным делам	138
Гурулёва М. В. Проблемы следственного действия – предъявления для опознания	142
Довбня А. И. Научные и законодательные подходы к классификации оснований прекращения уголовного дела	145
Дугарова Б. З. Проблемы процессуального регулирования производства эксгумации	149
Жигулина Д. М., Кротов М. С. К вопросу о способах преодоления преюдиции и пути их развития.....	151
Заворотний А. С. К вопросу об эффективности залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве	154
Каргин Р. О. Вопросы, связанные с реализацией прокурором полномочий при избрании отдельных мер пресечения.....	157

Князева Я. П. Актуальные вопросы прекращения уголовного дела (преследования) в отношении лиц, впервые совершивших преступление, по основаниям, предусмотренным ст. 25, 25 ¹ , 28, 28 ¹ УПК РФ	161
Малышева А. А. Сравнительно-правовой анализ правового статуса потерпевшего в Российской Федерации и за рубежом	165
Нарышкин П. А. Особенности доказывания в суде с участием присяжных заседателей	168
Неговора Е. А. О некоторых проблемах применения института досудебного соглашения о сотрудничестве	171
Немеров А. В. К вопросу о понятии и сущности досудебного соглашения о сотрудничестве	174
Полякова Н. Д. Разграничение компетенций эксперта и специалиста в уголовном процессе: исторический, теоретико-правовой и процессуальный аспекты	178
Попова Н. О. Некоторые аспекты прокурорского надзора за исполнением законов при прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия.....	181
Степанова И. А. Принцип публичности в уголовном судопроизводстве ...	183
Шуплецов Н. С. Некоторые проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства	186

Криминалистика и юридическая психология

Авдеева Д. Д. Проблема определения признаков фальсификации папиллярных узоров.....	189
Адяева В. А. Исследование обликовых характеристик по фонограммам речи	192
Аксёнова А. А. К вопросу о портретной идентификации лица по видеоизображению	195
Анпилогова Е. Е. К вопросу об инструментальной ольфактронике	198
Башкова П. С. Личность пожизненно заключенного: психолого-социальный аспект	201
Бессмертных Е. Э. Использование знаний психологии при осуществлении прокурорского надзора в сфере предпринимательской деятельности	205
Дохно Е. А. Способы фиксации и изъятия запаховых следов.....	208

Коваленко А. В. Социально-психологический портрет серийного убийцы.	212
Кузьмина А. О. Отдельные вопросы привлечения специалиста к осмотру места происшествия по факту совершения преступления экстремистской и террористической направленности	215
Матвеева Е. С. Криминалистические версии о совершении преступлений лицами, страдающими психическими аномалиями, не исключающими вменяемости.....	218
Муратова С. С. Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики взяточничества	221
Николаева Т. Ю. Некоторые проблемы проведения исследования на полиграфе при раскрытии и расследовании преступлений.....	225
Обухова Т. Н., Сотникова Е. С. Неправомерное психологическое воздействие на стадии предварительного расследования.....	227
Пахомов С. С. Психологические особенности судебной речи государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей...	231
Пиншина К. В. К вопросу о применении графологического анализа для диагностики предрасположенности человека к нервным и психическим расстройствам	234
Стрелков Е. Н. Криминалистическое учение о розыске: эволюция взглядов	237
Хунг Т. В. К вопросу о способе преступления в структуре криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Социалистической Республике Вьетнаме.....	240
Халиманенков К. В. К вопросу о введении обязательной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации	244
Шаракшинова С. Ч. Криминалистическая характеристика вовлечения в занятие проституцией	247
Шибалкина Х. В. Мотивы преступного поведения личности при совершении преступлений террористической направленности	250

УДК 343.7
Б 23

В. А. Банщикова,
*студентка 4 курса
ИИ (ф) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

Сравнительный анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи с банковского счета

В статье рассматривается сравнительный анализ мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи с банковского счета. Анализируются признаки элементов данных составов преступлений с целью выявления наиболее проблемных моментов квалификации.

Ключевые слова: мошенничество, кража, электронные средства платежа, банковский счет, хищение.

Мошенничество является одним из самых распространенных общественно опасных деяний, посягающих на право собственности. Уголовный Кодекс Российской Федерации закрепляет квалифицированные составы мошенничества, среди которых особое место занимает состав, предусмотренный ст. 159³ УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа».

Диспозиция пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ прямо указывает на смежность таких преступлений как кража с банковского счета, а равно тайное хищение электронных денежных средств и мошенничество с использованием электронных средств платежа. Такая смежность проявляется при оценке объекта и предмета данных составов преступления.

Так, родовым объектом данных преступлений является экономика. В данном случае под экономикой следует понимать общественные отношения по изготовлению, перераспределению, а так же потреблению материальных и нематериальных благ¹. Видовым же объектом рассматриваемых нами деяний является собственность. Собственность определяется как отношение лица к принадлежащей ему вещи как к своей, которое выражено во владении, пользовании и распоряжении ею, а так же в возможности устранения вмешательства третьих лиц в правомочия собственника².

Признаки преступления, закрепленные в пункте «г» части 3 статьи 158 УК РФ, указывают на хищение с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

¹ Олейник Е. Н. Проблематика отграничения кражи имущества с банковского счета от мошенничества с использованием электронных средств платежа // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 403–406.

² Чесноков М. В. Непосредственный объект мошенничества в сфере кредитования // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 285–288.

В силу ст. 845 Гражданского кодекса Российской Федерации³ субъектами договора банковского счета являются банки, а также физические и юридические лица. Предметом договора, согласно ст. 128 ГК РФ, выступают денежные средства.

Согласно Федеральному закону от 27 июня 2011 года за № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», сторонами правоотношений с использованием электронных средств платежа выступают физические и юридические лица. Исходя из этого можно сделать вывод, что при тайном хищении денежных средств с банковского счета, а равно в отношении электронных средств платежа, ущерб причиняется как физическим, так и юридическим лицам.

Предметом мошенничества, закрепленного в ст. 159³ УК РФ, являются денежные средства, так как обман или злоупотребление доверием используется совместно с электронным средством платежа⁴. А электронное средство платежа является средством (способом), который дает право клиенту оператора по переводу денежных средств распоряжаться денежными средствами, путем безналичных расчетов с помощью платежных карт, а так же иных информационно-коммуникационных технологий⁵. Исходя из этого использование электронных средств платежа нацелено на оборот денежных средств между субъектами гражданских правоотношений.

Таким образом, можно сделать вывод, что непосредственным объектом кражи с банковского счета и мошенничества с использованием электронных средств платежа является собственность конкретных физических и юридических лиц.

Так, рассмотрев данные составы общественно опасных деяний, можно сделать выводы об их смежности, в силу того, что родовым объектом данных преступлений является экономика, видовым объектом – собственность, непосредственным объектом – собственность конкретных физических и юридических лиц, а предметом преступления – денежные средства и электронные денежные средства.

При этом не способствует выявлению отличительных признаков правовой анализ субъектов. Субъектом данных преступлений является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, установленного УК РФ без дополнительных специальных признаков. Также у данных составов преступлений субъектом может являться лицо использовавшее свое служебное положение, то есть специальный субъект. Например, сотрудник кредитной организации совершает хищение денежных средств со счетов клиентов, с помощью вверенных ему кредитных или дебетовых карт посредством банкомата. В данном случае можно говорить о присвоении или растра-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 : Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. С. 410.

⁴ Олейник Е. Н. Указ. соч. С. 403–406.

⁵ О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27. С. 3872.

те вверенного имущества, но данное деяние является кражей, так как сотруднику вверялись платежные карты, а не денежные средства⁶. Таким образом, рассматриваемые деяния могут совершаться как общим, так и специальным субъектом.

При этом ст. 158 УК РФ не предусматривает совершение преступления лицом с использованием своего служебного положения.

Сравнение объективной стороны рассматриваемых преступлений позволяет найти как общие признаки, так и специфичные признаки свойственные каждому из них.

Мошенничество и кража по своей сути хищение, что и будет являться их общим признаком объективной стороны. При хищении преступник противоправно безвозмездно изымает или обращает чужое имущество в свою пользу, тем самым причиняя ущерб собственнику похищенного имущества.

Отличие кражи с банковского счета и мошенничества с использованием электронных средств платежа кроется в деянии и способе совершения преступления.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 158 УК РФ кража есть тайное хищение чужого имущества. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняет, что под тайным хищением чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, которое совершило незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного лица в случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, а сам виновный полагает, что действует тайно⁷.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отмечает, что снятие наличных денежных средств с использованием похищенной или поддельной платежной карты посредством банкомата и иных технических устройств и средств без участия человека квалифицируется как кража⁸.

Мошенничество же совершается с использованием обмана или злоупотребление доверием. Верховный Суд РФ определяет обман как сознательное сообщение (представление) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что при использовании способа хищения как мошенничество преступник непосредственно свя-

⁶ Олейник Е. Н. Указ. соч. С. 403–406.

⁷ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

зан с потерпевшим, воздействует на сознание и волю этого лица, в силу чего тайность действий отсутствует. Целью мошенничества является введение в заблуждение и понуждение потерпевшего добровольно предать похищаемое имущество преступнику или осуществить добровольные действия способствующие изъятию имущества.

Проанализировав нормы мошенничества с использованием электронных средств платежа и кражи имущества с банковского счета, можно сделать вывод, что отграничение данных составов возможно лишь при тщательном анализе объективной стороны совершенного преступления, так как при краже действия виновного должны быть тайными, а при совершении мошенничества преступник действует открыто, общается с потерпевшим, так же при краже потерпевший не участвует в процессе хищения имущества, а при мошенничестве преступник понуждает потерпевшего путем обмана передать похищаемое имущество.

Информация об авторе

Банищикова Виктория Александровна – студентка 4 курса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (ИИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)). 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. Электронный адрес: vikab1998@bk.ru.

УДК 343.3/7:341.64

Б 24

А. С. Барабаш,

*студент 1 курса магистратуры
ЮИ ИГУ*

Анализ международного законодательства в области провокации преступления

В статье рассмотрены различные подходы к криминализации провокации преступления исходя из анализа зарубежного опыта интерпретации и применения данной уголовно-правовой категории, что в свою очередь актуализирует проблему отсутствия должного урегулирования указанного вопроса в действующем уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: уголовное право, провокация преступления, международное законодательство, практика применения уголовного закона, криминализация.

Изучение зарубежного опыта уголовно-правовой борьбы с провокацией преступлений может послужить основой для установления сущности данной уголовно-правовой категории. В рамках исследования рассматривается две группы законодательных актов: законодательство англо-саксонской системы права, ярким примером которого выступает уголовное законодательст-

во США; и нормативные правовые акты романо-германской системы права, где в качестве примера изучается уголовный закон Франции.

Уголовная ответственность в США предусмотрена как федеральным законодательством, где основным источником выступает Свод законов США, так и уголовными кодексами штатов. В Примерном уголовном кодексе США, разработанным институтом американского права в качестве рекомендуемой модели для составления уголовных кодексов штатов, закреплено достаточно четкое правовое определение провокации преступления: «Публичное лицо, которое осуществляет исполнение законодательного акта, или лицо, действующее совместно с должностным лицом, осуществляет провокацию, если в целях получения доказательств совершения преступного посягательства оно поощряет или иным образом побуждает иное лицо к поведению, образующее преступление, при помощи методов побуждения или убеждения, формирующих значительный риск того, что данное преступное посягательство будет совершено другими лицами помимо тех, которые готовы его совершить»¹. Различая правомерную и неправомерную провокацию, Уголовным кодексом штата Нью-Йорк в § 40.05 ст. 40 установлено, что «при преследовании за любое преступное посягательство существенным для защиты является то, что обвиняемым фактически было совершено запрещенное действие в связи с тем, что его подстрекал или побудил к данному действию публичный служащий либо лицо, действующее совместно с данным публичным служащим, стремящимся сформировать доказательства против провоцируемого для дальнейшего уголовного преследования и, в случае если способы получения доказательств создавали существенный риск того, что данное посягательство было бы совершено провоцируемым лицом, не обладающего умыслом на его совершение». Под провокацией к совершению преступления следует понимать сугубо активное побуждение или подстрекательство². Таким образом, определяя систему критериев правомерности провокации, законодательством США регламентирована возможность провоцировать тех лиц, которые предрасположены к совершению того или иного преступления. Отсутствие четкой границы между правомерной и неправомерной провокацией в уголовном праве США влечет определенные трудности в процессе судебного разбирательства стороне защиты подсудимого, доказывающей факт наличия «вовлечения в ловушку». Сослаться на неправомерную провокацию можно лишь в том случае, если будет достоверно известно, что сотрудником спецслужбы было оказано давление, оказываемое с целью побудить обвиняемого совершить данное преступление. Вместе с тем, провоцируемый обязан доказать факт того, что при отсутствии такого давления он не совершил бы правонарушение. В случае установления неправомерной провокации потерпевшее лицо освобождается от уголовной ответственности.

¹ Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учеб. пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. Москва, 2003. С. 335.

² Радачинский С. Н. О видах провокации преступления в уголовном законодательстве России и зарубежных стран // Философия права. 2011. № 3. С. 37.

Достаточно серьезно к законодательному определению провокации преступления подходит Франция. Прежде всего стоит отметить, что французское уголовное законодательство упоминает о провокации лишь тогда, когда описывает институт соучастия³. Согласно абз. 2 ст. 121-7 Уголовного кодекса (далее — УК Франции) подстрекательство может быть реализовано в двух формах: посредством провокации или дачи указаний. Примечательно, что провокация будет являться одной из форм соучастия только при наличии следующих условий. Во-первых, провокация должна быть осуществлена способами, установленными ст. 121-7 УК Франции (угрозы, обещания, требования), или же с предоставлением предметов, указанных в данной статье (к примеру, подарков). Во-вторых, обязательным является факт того, что провокация прямым образом должна быть адресована исполнителю и побуждать его к совершению преступления. В-третьих, провокация, так или иначе, должна привести к преступному результату.

Также представляется важным отметить особый подход французского законодателя, в соответствии с которым в определенных составах преступлений был применен несколько дифференцированный подход к регламентации уголовной ответственности за провокацию в зависимости от той стадии, на которой была завершена провокационная деятельность, иными словами были ли достигнут итоговый преступный результат путем провокации или же по определенным причинам результат достигнут не был. К примеру, согласно ст. 412-8 УК Франции уголовное наказание за провокацию самовооружения против государственной власти или части населения может быть назначено, обязательному установлению при этом подлежит, достигла ли результатов провокация. В том случае, если провокация не привела к преступному результату, то уголовное наказание назначается в виде пяти лет тюремного заключения в совокупности со штрафом в размере 500 000 франков, если же достигла, необходимо избрать уголовное наказание в виде тринадцати лет уголовного заточения и 3 000 000 франков штрафа. На основе анализа указанного состава преступления очевидно, что при наступлении преступного результата в результате совершения провокационных действий степень общественной опасности преступного деяния существенным образом повышается. Схожий алгоритм дифференциации уголовной ответственности можно наблюдать и, в некоторых иных содержащихся в УК Франции составах преступлений, например, в ст. 431-6 УК Франции⁴. Согласно содержанию указанной статьи, если прямая провокация вооруженного сборища, выраженная или в публичных выступлениях, или в распространенных, расклеенных листовках, а также иным другим способом передачи речи, текста или изображения, привело к преступному результату — уголовное наказание увеличивается с одного года до семи лет тюремного заключения и штраф, соответствен-

³ Дударенко В. В. Юридическая природа провокации преступления в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 12.

⁴ Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учеб. пособие / под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. Москва, 2003. С. 337.

но, увеличивается со 100 000 до 700 000 франков. Вместе с тем из данного правила есть некоторые исключения. Так, например, составам преступления, содержащимся в гл. I УК Франции «Об измене и шпионаже», характерно то, что в случае совершения данных преступных деяний уголовное наказание не зависит от достижения или не достижения преступного результата в результате совершения провокационных действий⁵.

Весьма своеобразно урегулирован вопрос установления ответственности за провокацию преступления законодательство Германии. Конкретной статьи, содержащей положение о недопустимости провокационных действий, в немецком уголовном законе не имеется. Понятие «провокация преступления» закреплено в некоторых ведомственных нормативных актах, регулирующих деятельность полиции. Данная категория понимается как стремление понудить готовящегося к преступлению фигуранта действовать в невыгодных для себя условиях и тем самым облегчить задачу по изобличению и дальнейшему задержанию правонарушителя⁶. По общему правилу агент не подлежит уголовной ответственности, ввиду того что его умысел направлен не на конечный преступный результат, а на попытку совершить преступление с целью предотвратить более опасные последствия. В отношении спровоцированного на совершение преступления лица вопрос об ответственности решается следующим образом: к уголовной ответственности лицо не будет привлечено лишь в том случае, если агент-провокатор «путем длительных, многократных уговоров, упорного и интенсивного влияния так сильно воздействовал на лицо, что на фоне этого провоцирующего поведения агента собственный вклад преступника в дело отходит на задний план»⁷.

Таким образом, анализ законодательства иностранных государств иллюстрирует с одной стороны многогранность провокации преступления и разнообразие подходов к ее пониманию и определению, и с другой стороны наличие устоявшегося механизма привлечения к уголовной ответственности за неправомерные провокационные действия со стороны сотрудников правоохранительных органов. Однозначно, положительный международный опыт применения норм о провокации преступления должен учитываться отечественным законодателем при решении вопроса о возможности криминализации провокации преступления, учитывая использование данной категории применительно лишь к ст. 304 УК РФ и отсутствие возможности применять уголовно-правовые санкции в тех случаях, когда провоцируется совершение иных преступлений.

⁵ Уголовное право буржуазных стран. Общая часть : сб. законодательных актов / под ред. А. Н. Игнатова, И. Д. Козочкина. Москва : Изд-во УДН, 1990. С. 176.

⁶ Харевич Д. Д. Негласное расследование в Германии : монография. Минск : Акад. МВД, 2010. С. 98.

⁷ Шабанов В. Б., Харевич Д. Л. Провокация преступления в ФРГ: проблемы теории и практики // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 3 (28). С. 54.

Информация об авторе

Барабаш Андрей Сергеевич – студент 1 курса магистратуры, Юридический институт Иркутского государственного университета (ЮИ ИГУ).

УДК 343.2

Б 28

Л. А. Батманова,

студентка 2 курса СГЮА

**Актуальные проблемы определения причинной связи
в уголовно-правовой практике Российской Федерации**

Статья посвящена проблеме установления причинной связи в современной уголовно-правовой практике. Автор определяет понятие причинной связи и формулирует правила ее установления, а также иллюстрирует теоретические положения, анализируя оправдательные приговоры.

Ключевые слова: состав преступления, объективная сторона, причинная связь.

С проблемой установления причинной связи по уголовным делам следственные и судебные органы сталкиваются повсеместно. Вопрос остается не осмысленным до конца и требует изучения применительно к конкретным видам преступлений. Отсутствие единого способа установления причинно-следственной связи зачастую способствует неправильному применению уголовного закона¹, хотя единый подход необходим не только правоприменителю, но и законодателю². На значимость данного вопроса не раз обращал внимание Верховный Суд РФ³.

Уголовный кодекс РФ не содержит понятия причинной связи и принципов ее определения, в то время как ряд стран бывшего СССР законодательно их закрепил⁴. В итоге, в теории и практике отечественного уголовного права сложились различные интерпретации понятия причинной связи. Эту проблему нельзя недооценивать, так как причинная связь является обязательным признаком материальных составов преступлений и входит в предмет доказывания по соответствующим уголовным делам.

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». Москва, 2007. С. 10.

² См.: Побегайло Э. Ф. Исследование проблемы причинности и причинной связи как признака объективной стороны преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 407.

³ См.: О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 // Российская газета. 2018. 05 дек.

⁴ См.: Расторопов С. В., Гудимов А. С. Причинная связь в преступлениях против здоровья человека // Вестник АЭБ МВД России. 2009. № 2. С. 120.

По нашему мнению, основанному на трудах М. И. Бажанова и Т. В. Церетели, для современного уголовного права единственно верна идея о различии причин и условий и применению подлежит теория необходимой причинной связи, дополненная рядом положений⁵. В связи с этим под причинной связью нами понимается объективно существующая последовательная и закономерная связь между деянием и последствием, при которой в качестве причины выступает необходимое условие, достаточное для наступления последствия и порождающее его. Значение правильного установления причинной связи ярко иллюстрируют два оправдательных приговора, где подробно обосновано отсутствие причинной связи между действием подсудимого и наступившими последствиями.

В 2016 г. врач-терапевт Л. обвинялась в причинении смерти по неосторожности пациенту Н. вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей⁶. Н. поступил в больницу с пневмонией, Л. стала его лечащим врачом. Через несколько часов после диагностики и начала лечения состояние Н. резко ухудшилось, еще через несколько часов он умер от сердечной болезни. Суд установил, что при оказании медицинской помощи Л. допустила дефекты: недооценку тяжести состояния Н., недостаточный контроль за жизненно-важными функциями, Л. не организовала консилиум, не перевела Н. в другое отделение. Но основные мероприятия Л. соответствовали стандарту. Суд установил, что оказание Л. иной медицинской помощи Н. не гарантировало благоприятного исхода в силу тяжести имевшейся у Н. патологии. Сомнение в том, что дефекты в оказании помощи врачом Л. были безусловной причиной смерти Н., устранено не было, и суд оправдал Л., заключив следующее: указанные недостатки оказания помощи Н. находятся в косвенной (непрямой) причинной связи с его смертью. Прямая связь устанавливается, если надлежащее оказание медицинской помощи однозначно позволило бы избежать смерти пациента.

Второй случай⁷: Н. обвинялся в нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности смерть человека. Управляя автомобилем, он превысил скорость до 50 км/ч при ограничении в 40 км/ч, выехал с второй степени дороги на нерегулируемый перекресток, произвел контакт с автомобилем, управляемым Р. После этого автомобиль Р. проехал значительное расстояние, выехал на тротуар, наехал на К. и М., К. погиб. Суд установил, что автомобиль Р., двигаясь со скоростью 80 км/ч, по размерам превосходя автомобиль Н., после касания машин проехал 50 м, после чего сбил людей. Суд сделал вывод: причина наезда на людей – существенное превышение скорости

⁵ См.: Бажанов М. И. Уголовное право Украины. Общая часть : учебник. Днепропетровск, 1992. С. 39.

⁶ См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Рязани от 18 января 2019 г. в отношении Л. // Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Рязани. URL: https://oktiabrsky-riz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=16376683&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.02.2020).

⁷ См.: Приговор Железнодорожного районного суда г. Рязани от 17 февраля 2015 г. в отношении Н. // Gcourts.ru. URL: <http://www.gcourts.ru/case/33212322> (дата обращения: 13.02.2020).

водителем Р. Причинная связь между действиями Н. и наступившими последствиями в виде смерти К. под колесами автомобиля Р. является случайной. Суд определил: деяние Н., хотя и было нарушением Правил дорожного движения, но не продуцировало смерть пешехода. Н. был оправдан. Логика судьи соответствует постановлению Пленума Верховного Суда РФ⁸. Судья исследовал объективную связь отдельно от субъективной, верно применил правило *condition sine qua non* как этап в установлении причинной связи, после чего определив, что деяние Н. было условием, но не причиной последствий.

На основе работ М. И. Бажанова, В. С. Комиссарова, Н. С. Таганцева и других ученых нами сформулированы правила установления причинной связи. Следуя им, можно избежать ошибок при определении наличия состава преступления.

1. Причина исследуется не среднестатистически, не абстрактно, а применительно к конкретному случаю. Так, причиной смерти может быть и выстрел в сердце, и легкий удар по голове.

2. Причинную связь исследуют в направлении от общественно опасного последствия в прошлое, причина не формируется позже следствия.

3. В. Б. Малинин отождествлял причинную связь с причинением, но это различные понятия⁹. Причинение – это действие, причина – событие¹⁰.

4. Правоприменитель должен изолировать деяние и наступивший результат от сопутствующих фактов (принцип изолирования).

5. Бездействие, как и действие, обладает причиняющей способностью. Если утверждать, что у бездействия ее нет, то его нужно исключить из видов общественно опасного деяния¹¹. При бездействии лицо создает причинную связь, позволяя иным силам причинять последствия.

6. Следственно-судебные органы и судебно-медицинские эксперты устанавливают различную причинную связь. Эксперты определяют причинную связь между повреждениями организма и вредом здоровью, следственно-судебные органы – между деянием и вредом здоровью¹².

7. Объективность причинно-следственной связи предполагает исследование ее независимо от вины – лишь после констатации наличия причинной связи устанавливается вина.

8. Применение правила *conditio sine qua non* (условие, без которого нет) – необходимый этап в установлении причинной связи. Деяние мысленно вы-

⁸ См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 09 декабря 2008 г. № 25 : с изм. и доп. от 24 мая 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. № 2.

⁹ См.: Нагаева Т. И. Теоретические аспекты установления причинной связи при преступном бездействии // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2013. № 1. С. 244.

¹⁰ См.: Балашов С. К. Логико-правовой анализ содержания понятия «причинная связь» // Философия права. 2009. № 5. С. 52.

¹¹ См.: Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизического в уголовном праве. Москва, 2003. С. 6.

¹² См.: Расторопов С. В., Гудимов А. С. Причинная связь в преступлениях против здоровья человека // Вестник АЭБ МВД России. 2009. № 2. С. 116.

членяется из цепи событий, и если события будут развиваться так же, то деяние не являлось необходимым условием наступления последствий.

9. Необходимо различать причины и условия. Причина продуцирует последствие, а условия лишь способствуют появлению причин.

10. Причинная связь может устанавливаться, если наступлению последствий способствовали приводящие силы. «Причинная связь не прекращается, как скоро приводящие силы были вызваны или направлены действием виновного»¹³.

Выделенные правила установления причинной связи позволяют определить конкретную причину, отделить её от условия, отражают причину как действие или бездействие. Оправдательные приговоры являются редким примером верных рассуждений и свидетельствуют о том, что судебные органы иногда (если говорить осторожно) ошибаются в установлении причинно-следственной связи и, следовательно, в наличии состава преступления. Отечественная уголовно-правовая наука необходимо в ближайшее время создать единую концепцию причинной связи и алгоритм уголовно-правовой оценки механизма причинения общественно опасных последствий, удовлетворяющие современным потребностям юриспруденции. Их создание приблизит доктрину уголовного права к поиску формулы, позволяющей определить содержание и пределы той меры правоограничений, которая допускается ч. 3 ст. 55 Конституции РФ¹⁴.

Информация об авторе

Батманова Любовь Александровна – студентка 2 курса, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия»,

(8452) 29-92-48, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, дом 1.

Электронный адрес: *l.batmanova.62@mail.ru*

УДК 343.34

Б 52

К. А. Берчанский,

аспирант 2 курса

СПб ЮИ (ф) УП РФ

Уголовно-правовое обеспечение безопасности эксплуатации объектов ядерной энергетики

В статье анализируются обстоятельства уголовного дела, возбужденного по факту аварии на атомной электростанции «Фукусима-Дайичи» 3 марта 2011 года в префектуре Фукусима, Япония. Автор исследует реле-

¹³ См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. Тула, 2001. С. 512.

¹⁴ См.: Кобзева Е. В. Идеологические и правовые границы российского уголовного закона: о необходимости их выделения и соблюдения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5. С. 75.

вантные положения японского уголовного законодательства, судебной практики и позиции прокуратуры Японии. Выделив правовые обстоятельства, послужившие причиной непринятия руководством станции необходимых мер, автор делает вывод о необходимости пересмотра отечественного законодательства об экспертной деятельности с целью недопущения подобных аварий на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное право, Япония, Фукусима, общественная безопасность, безопасность на объектах атомной энергетики.

Авария на атомной электростанции «Фукусима-Дайичи», последовавшая за землетрясением и цунами 3 марта 2011 г., стала самым крупным ядерным инцидентом со времен аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Официальная статистика префектуры Фукусима указывает, что на 5 марта 2019 года количество смертей, ассоциирующихся с этими событиями, на территории одной только префектуры составляет 4, 097 тыс. человек¹.

Несмотря на то, что Чернобыльская трагедия часто сравнивается с Фукусимской, уголовно-правовые последствия данных событий разительно отличаются. В то время как 29 июля 1987 года 6 сотрудников Чернобыльской АЭС были осуждены по статьям 220 (нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах), 165 (злоупотребление властью или служебным положением) и 167 УК УССР (халатность), 8-летняя судебная тяжба по обвинению трех сотрудников компании ТЕРСО, по сей день осуществляющей эксплуатацию Фукусимской АЭС, окончилась вынесением оправдательного приговора в сентябре 2019 года.

Первые попытки осуществить уголовное преследование лиц, по мнению японской общественности ответственных за аварию, начались в 2012 году с созданием инициативной организации «Требующие уголовного преследования виновных в Фукусимской ядерной катастрофе». 1324 члена данной группы, являющихся непосредственными жертвами катастрофы, 11 июня 2012 года направили в прокуратуру Фукусимы материалы с требованием привлечь к уголовной ответственности 33 членов японского правительства и руководителей компании ТЕРСО. Впоследствии, 15 ноября, такое же требование направили 13,119 непосредственных пострадавших и 143 иных члена инициативной группы.

Данные материалы были переданы из окружной прокуратуры Фукусимы в окружную прокуратуру Токио, которая 9 сентября 2013 года отказала в возбуждении дела. 16 октября 2013 года «Требующие» обжаловали данное решение в Токийскую комиссию по надзору за уголовным преследованием². 31 июля 2014 года Комиссия постановила, что уголовное преследование оп-

¹См.: Damage caused by the 2011 – earthquake and tsunami. URL: <http://www.pref.fukushima.lg.jp/site/portal-english/en03-01.html> (дата обращения: 25.12.2019). Указанные показателями отражают количество погибших от причин, связанных с землетрясением, таких как стресс в связи с эвакуацией и более тяжелыми условиями труда.

²Fukurai H. Japan's prosecutorial review commissions: Lay oversight of the government's discretion of prosecution // E. Asia L. Rev. 2011. 6 (1). С. 1–42.

равдано в отношении 4 бывших руководителей компании ТЕРСО. 22 января 2015 года, сразу же после того, как Токийская прокуратура повторно отказала в возбуждении уголовного дела, ее решение было снова обжаловано в Комиссию, 31 июля 2015 окончательно постановившую о необходимости уголовного преследования в отношении 3 бывших сотрудников ТЕРСО: Цунехисы Кацумато, Сакая Муто и Ихиро Такекуро, признанных обвиняемыми 29 февраля 2016 года³.

В отличие от российского уголовного законодательства, Уголовный кодекс Японии не содержит специальной нормы для преступлений, связанных с нарушением правил эксплуатации и строительства объектов атомной энергетики. Ст. 211 УК Японии («Неосторожность при осуществлении социальной деятельности, повлекшая смерть или причинение вреда здоровью») предусматривает ответственность за неосуществление должной осмотрительности в ходе профессиональной деятельности, которое повлекло смерть человека или причинение вреда здоровью⁴.

Другой случай, имеющий определенные сходства с Фукусимской катастрофой и который, несомненно, будет сравниваться с ней в будущем, – это Трагедия в Минамата, случившаяся в 1956 году. В ходе данных событий, точно неустановленное до сих пор число граждан пострадало от отравления ртутью, которая выбрасывалась в воды залива местным промышленным предприятием. Руководители регионального отделения компании «Чиссо», признанные виновными в преступной неосторожности, были предупреждены о негативных последствиях загрязнения прибрежных вод, однако продолжили сброс химикатов, имея возможность его прекратить⁵.

Согласно версии обвинения, 3 марта 2011 года в результате землетрясения атомная электростанция «Фукусима-Дайичи» была лишена источников внешнего электроснабжения. Последовавшее цунами преодолело возведенные защитные барьеры и залило нижние помещения станции, что привело к потере внутренних источников энергии, от которых зависело охлаждение реактора. Повышение температуры в активной зоне вызвало несколько взрывов водорода, что повлекло ее разрушение и выброс радиоактивных веществ атмосферу и прибрежные воды.

Представители «Требующих» указали, что поскольку Япония является одним из самых сейсмоопасных регионов планеты, строительство и эксплуатация атомной электростанции на ее территории сопряжены со значительными рисками, что влечет обязанность их предвидеть и предотвращать. Как уже было указано выше, для того, чтобы удовлетворить критерий предсказуемости последствий, не обязательно предвидеть специфические последствия

³ Herber E. The 2011 Fukushima Nuclear Disaster–Japanese Citizens’ Role in the Pursuit of Criminal Responsibility // Zeitschrift für japanisches Recht. 2016. Т. 21. №. 42. С. 87–109.

⁴ Cleary W. B. The Law of Criminal Negligence in Contemporary Japan-Part One // Artes liberales. 2005. Т. 77. С. 51–64.

⁵ Cleary W. B. The Law of Criminal Negligence in Contemporary Japan-Part Two // Artes liberales. 2006. Т. 78. С. 153–170.

своих действий – достаточно абстрактной опасности их наступления. В данном случае, руководство компании ТЕРСО определенно понимало возможную опасность строительства станции на морском побережье Японии, и даже проводило исследования, необходимые для оценки возможности наступления подобных последствий. Однако именно эти исследования и стали камнем преткновения в уголовном деле.

Так, согласно исследованию, проведенному компанией ТЕРСО в 2008 г., в свою очередь основанному на докладе Управления по содействию исследованиям землетрясений при Министерстве образования Японии от 2002 г., в ближайшие 30 лет существует 20% вероятность землетрясения у берегов Фукусимы, которое вызовет цунами высотой от 13,7 до 15,7 метров, тогда как системы защиты станции рассчитаны на 5,7 метров. Наличие данного документа, казалось бы, подтверждает осознание компанией ТЕРСО возможности наступления общественно опасных последствий, которое должно было повлечь принятие экстренных мер для их предотвращения: как минимум, защиты имеющихся систем энергообеспечения станции и создания дополнительных.

Тем не менее, Токийская окружная прокуратура постановила в 2013 году, что возможность цунами подобного масштаба не могла быть и не была предсказана ни одним научным исследованием. В отношении исследования 2008 года было указано, что подобные результаты не были достигнуты ни в одном исследовании – ни до, ни после; некоторые эксперты считали его эмпирическую основу достаточно слабой, а само исследование содержало ремарку о том, что имеющихся данных недостаточно, чтобы поддержать его выводы.

Комиссия по надзору за уголовным преследованием в 2014 году не согласилась позицией прокуратуры и указала, в полном соответствии с выводами Верховного суда по делу о святилище Ияхико, что конкретного характера происшествия предсказать не возможно, однако сама опасность наступления подобных последствий вполне ожидаема, и необходимые меры к их предотвращению должны быть предприняты. Одновременно комиссию постановила, что несмотря на ограничения, которые содержал доклад 2002 г., он был составлен заслуживающей доверия государственной организацией и не должен был быть проигнорирован.

Комиссия также приняла во внимание выводы Независимой исследовательской комиссии Фукусимской атомной аварии Национального парламента Японии, которая указала, что данные сведения действительно были доведены до руководства компании, однако исходя из финансовых соображений, они предпочли не имплементировать требующиеся меры⁶.

Описанная ситуация ставит проблему, необычайно важную как для японского, так и для российского уголовного права – противоречивость экспертных заключений и методов их оценки. В связи с этим считаем необходи-

⁶ Herber E. «A crime called nuclear power»: The role of criminal law in addressing post-Fukushima damages // International Journal of Law, Crime and Justice. 2015. Т. 43. №. 2. С. 129–150.

мым разработать Постановление Правительства Российской Федерации, регулирующее порядок и стандарты разрешения конфликтов, возникающих при наличии противоречивых экспертных оценок.

Информация об авторе

Берчанский Кирилл Алексеевич – аспирант 2 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ). 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., д.44, тел.: (812)272-51-40, факс: (812)579-80-21. Электронный адрес: *cyrillbears@gmail.com*

УДК 343.35

Б 80

Ю. И. Бомбела,

*студентка 1 курса магистратуры
СПб ЮИ (ф) УП РФ*

**Отграничение злоупотребления должностными полномочиями
от превышения должностных полномочий**

В статье анализируются критерии отграничения злоупотребления должностными полномочиями от должностного превышения. Исследуются вопросы соотношения данных составов, а также рассматривается влияние установления корыстного мотива на квалификацию.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, вопросы разграничения.

Несмотря на то, что о проблеме разграничения злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 Уголовного кодекса РФ – далее УК РФ) и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) написано достаточно много работ, к единому мнению до сих пор не пришли ни учёные, ни практические работники.

Многие ждали, что с принятием нового постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (далее – постановление Пленума ВС РФ) в 2009 году Верховный Суд РФ разрешит поставленный вопрос, однако этого не произошло, в связи с чем до сих пор в судебной-следственной практике не выработаны единые критерии для разграничения данных составов.

Говоря о соотношении данных норм, Б. В Волженкин превышение должностных полномочий считал специальной нормой по отношению к злоупотреблению, а само превышение относил к виду злоупотребления полно-

мочиями¹, таким образом, сравнивая их по объективной стороне.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» трактуя Уголовный кодекс, придерживается аналогичного подхода и также разграничивает данные составы по объективной стороне. К основным видам действий должностного лица, в которых может проявляться превышение должностных полномочий отнесены действия, которые: 1) относятся к полномочиям другого должностного лица; 2) совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с установленным законом порядком; 3) никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать; 4) а так же могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте².

И если в первых трех случаях сомнений относительно выбора нормы ни у теоретиков, ни у правоприменителей не возникает, и действия лица квалифицируются по ст. 286 УК РФ, поскольку явно выходят за пределы представленных полномочий, то последний пункт фактически идентичен закрепленному в п. 15 постановления Пленума ВС РФ понятию должностного злоупотребления, где говорится, что к злоупотреблению относятся, «входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения»³. Возникает вопрос: как в этом случае отграничить должностное злоупотребление и превышение должностных полномочий?

Профессор П. С. Яни отмечает, что в таких случаях разграничение должно производиться по субъективной стороне, а критерием разграничения будет являться мотив преступного поведения. «Это означает, что если должностное лицо совершает входящие в круг его должностных полномочий действия без обязательных условий или оснований для их совершения (п. 15 Постановления от 16 октября 2009 г.) или, что то же самое, совершает при исполнении служебных обязанностей действия, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (п. 19 Постановления от 16 октября 2009 г.), и эти действия влекут наступление общественно опасных последствий, указанных как в ст. 285, так и в ст. 286 УК, то содеянное квалифицируется как злоупотребление должностными полномочиями либо как превышение должностных полномочий в зависимости от наличия, в первом случае, либо отсутствия, во втором, мотива корыстной либо иной личной заинтересованности»⁴. Таким образом, отграничивая эти составы и по объективной, и по субъективной стороне.

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления. Москва : Юристъ, 2000. С. 154.

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 16 октября 2009 г. № 19. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ Яни П. С. Должностное злоупотребление – частный случай превышения полномочий // Законность. 2011. № 12. С. 12–16.

Кроме того, ст. 286 УК РФ не может быть совершена бездействием, что прямо вытекает из текста уголовного закона. Таким образом, получается, что все деяния, совершенные в форме бездействия, при наличии к тому оснований должны быть квалифицированы по ст. 285 УК РФ, разумеется, в том случае, если в действиях должностного лица будет установлен корыстный мотив.

Весьма интересную точку зрения высказал В. Н. Борков, который считает, что отграничивать данные составы нужно лишь по объективной стороне. Точку зрения П. С. Яни Виктор Николаевич считает «компромиссной» и при этом незаконной, указывая, что «деяние, содержащее признаки объективной стороны должностного злоупотребления, квалифицируется как превышение только по причине неустановления присущего преступлению, предусмотренному ст. 285 УК РФ, специального мотива»⁵. Здесь нужно отметить, что правоприменителю не всегда удается установить или доказать данный мотив, в связи с чем происходит искусственная перекалфикация на ст. 286 УК РФ как общую по субъективной стороне.

Разница между злоупотреблением и превышением видится им в порождении юридических последствий для других лиц в случае злоупотребления, и отсутствие таких последствий для превышения. В таком случае из перечисленных в постановлении Пленума четырех случаях превышения должностных полномочий, под непосредственное превышение подпадают только три. А действия лица в рамках своей компетенции, но при отсутствии необходимых для принятия соответствующих решений оснований, нельзя рассматривать как явное превышение должностных полномочий. «При превышении должностных полномочий осуществление виновным властных, организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций характеризует только обстановку преступления, в то время как должностное злоупотребление совершается путем их необоснованной реализации»⁶. Все остальные случаи, в том числе и бездействие, будут относиться к злоупотреблению должностными полномочиями и квалифицироваться по ст. 285 УК РФ.

В таком случае встает вопрос: для чего нужно указание в законе корыстного мотива при злоупотреблении должностными полномочиями?

С точки зрения В. Н. Боркова, к совершению данных преступлений лицо всегда побуждают корыстная или иная личная заинтересованность, поскольку «иной мотивации деяние, заведомо ущербное для граждан и общества, иметь не может»⁷. А указание на такой мотив в законе сделано с целью отграничения данного состава от халатности, которая в целом совершается

⁵ Борков В. Н. Отграничение злоупотребления должностными полномочиями от их превышения в России и Казахстане // Современное право. 2019. № 3. С. 138–141.

⁶ Векленко В. В., Борков В. Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. 2019. № 6. С. 48–51.

⁷ Борков В. Н. Установление мотива злоупотребления должностными полномочиями // Законность. 2019. № 5. С. 29–34.

неосторожно.

Одно дело теория, другое – практика, которая идет порой по разному пути. Рассмотрим два случая.

Так в первом дознаватель, не желая выполнять свои должностные обязанности, совершила служебный подлог путем внесения в протокол осмотра места происшествия заведомо ложных сведений. Таким образом, преступление было укрыто от учета из иной личной заинтересованности в целях недопущения ухудшения показателей раскрываемости преступлений на обслуживаемой ей территории.

При квалификации действий подсудимой по ч. 1 ст. 286 УК РФ суд указал что «Никонина М. И., будучи должностным лицом органов внутренних дел и осуществляя функции представителя власти, нарушив положения ФЗ РФ «О полиции» и УПК РФ, умышленно совершила действия, направленные на сокрытие преступления путем убеждения потерпевшего написать заявление, содержащее заведомо ложные сведения, и внесения заведомо ложных сведений в объяснение Потерпевшей и протокол осмотра места происшествия. Данные действия Никонина М. И. явно выходят за пределы её полномочий»⁸.

В другом случае участковый уполномоченный полиции «являясь должностным лицом, используя свои служебные полномочия вопреки интересам службы, преследуя иную личную заинтересованность, получив сведения о совершении в отношении Иванова И. В. тяжкого корыстного преступления, не оформил эти сведения в качестве сообщения и т. д., внес в официальный документ /постановление об отказе в возбуждении уголовного дела/ заведомо ложные сведения, на основании которых принял заведомо незаконное процессуальное решение». Оставляя решение суда первой инстанции в силе, суд указал: «Квалификацию действий Бугрова А. А. по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 2 ст. 292 УК РФ, нахожу правильной. <...> С учетом изложенного, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу, что иная личная заинтересованность Бугрова А. А. заключалась в нежелании принимать меры к раскрытию неочевидного преступления, желании избежать неблагоприятной оценки своей деятельности со стороны руководства, создать видимое благополучие служебной деятельности по числу зарегистрированных и раскрытых преступлений»⁹.

В данных практически идентичных случаях суды приходят к разному решению. Это говорит о том, что существующая сейчас система норм, закрепленных в Уголовном кодексе РФ и разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, недостаточно полно раскрывает необходимые понятия. При таком раскладе, с одной стороны, точка зрения В. Н. Боркова видится более предпочтительной, поскольку не допускает двойного толкования, позволяя провести

⁸ Приговор Ленинский районный суд г. Саратова Саратовской области от 16 июня 2017 г. по делу № 1-132/2017 // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 25.12.2019).

⁹ Апелляционное постановление г. Иваново Ивановской области от 18 сентября 2013 г. по делу № 22-2211/2013. Там же.

четкую грань между двумя данными составами. Однако она в меньшей мере согласуется с действующими ныне разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ. В этом плане позиция П. С. Яни более подходит под действующее законодательство, однако не дает окончательного ответа в вопросе разграничения, поскольку все упирается в установление корыстного мотива в конкретных жизненных обстоятельствах.

Информация об авторе

Бомбела Юлия Игоревна – студентка 1 курса магистратуры, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ). 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44. Электронный адрес: *bombelay@mail.ru*

УДК 343.2
Б 90

Д. Р. Бубенова,
*студентка 2 курса
СИУ РАНХиГС*

Гендерное равенство в нормах Уголовного кодекса как условие становления гражданского общества

В статье анализируются предпосылки становления гражданского общества. Констатируется факт имеющегося гендерного неравенства в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации. Автор аргументирует значимость пересмотра некоторых формулировок статей Уголовного кодекса для построения гражданского общества и правового государства.

Ключевые слова: гражданское общество, гендерное равенство, Уголовный Кодекс.

Гражданское общество – это, прежде всего, общество, в котором преобладают нормы права, а право занимает главенствующее положение и в полной мере регулирует все сферы общественной жизни. В гражданском обществе каждый человек чувствует себя защищённым и услышанным, знает, какими он обладает правами и свободами, умеет их защищать и отстаивать.

Гражданское общество направлено на эффективную защиту интересов всех социальных групп вне зависимости от их пола, положения в обществе, расы и прочих признаков, которые могут стать причиной дискриминации.

Члены гражданского общества выступают в защиту прав всех социальных групп и могут быть основоположниками законодательных инициатив. Главный вопрос заключается в том, будет ли общество защищать права тех, кого законодатель не посчитал равными другим группам?

Конституция Российской Федерации гарантирует в ст. 19 равенство прав и свобод человека и гражданина, а также равные возможности для их реализации вне зависимости от пола.

Уголовный кодекс Российской Федерации является одним из главных регуляторов общественной жизни россиян. Тем не менее, в нем можно обнаружить дискриминацию по гендерному признаку в целом ряде статей.

При составлении той или иной правовой нормы, безусловно, нужно принимать во внимание и учитывать особенности каждого из полов. Например, ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ делает исключение в виде не назначения наказания в форме исправительных работ и обязательных работ для женщин, пребывающих в состоянии беременности и для женщин, которые имеют детей младше трёх лет. Однако, законодатель, сделав исключение для женщин, имеющих детей в возрасте до трёх лет, почему-то упустил из виду отцов, которые также могут воспитывать детей до трёх лет, и ущемил тем самым мужчин в правах.

Исходя из принципов гуманизма, освободить от данного вида наказания женщину, находящуюся в состоянии беременности, это правильно, так как данный вид наказания может пагубно повлиять на жизнь и здоровье будущей матери и нерожденного ребёнка. Сомнений в том, чтобы делать исключение ввиду особого положения, в котором может пребывать лишь женщина, нет и дискриминацией по гендерному признаку это быть не может.

Если обратить внимание на ст. 145 УК РФ, то также можно заметить дискриминацию, которой подвергаются мужчины по гендерному признаку. Данная статья предусматривает наказание за немотивированный отказ женщине при приёме на работу или за необоснованное увольнение женщины, имеющей ребёнка младше трёх лет. Мужчины, являющиеся отцами детей младше трёх лет, однако, остаются без внимания уголовного закона.

Ещё интереснее дела обстоят с некоторыми наказаниями, предусмотренными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, которые по каким-то причинам не назначаются женщинам, ввиду их принадлежности к женскому полу.

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит в себе нормы, по которой женщинам в России могут назначить пожизненное лишение свободы (ч. 2 ст. 57) или смертную казнь (ч. 2 ст. 59). При этом данное наказание вполне могут получить мужчины, исключение для них делается лишь в случае, если мужчина на момент приговора старше 65 лет (ч. 2 ст. 59). Можно ли считать, что в данном случае закон делает исключение для женщин, следуя принципу гуманизма?

Международный пакт о гражданских и политических правах запрещает выносить смертный приговор лишь для женщин, находящихся в состоянии беременности, но не для женщин вообще. Таким образом, Уголовный кодекс Российской Федерации делает довольно серьёзное снисхождение в области назначения наказания лицам женского пола.

Также стоит отметить тот факт, что в ст. 58 УК РФ для женщин режимом отбывания наказания обозначен лишь единственный режим – общий. Тогда как для лиц мужского пола помимо общего режима существуют еще особый и строгий.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что несмотря на закрепленное в Конституции Российской Федерации гендерное равенство, остается ряд правовых норм, требующих корректировки со стороны законодателя для устранения юридических пробелов и учёта правовых интересов каждой отдельной личности. Гражданское общество – это, прежде всего, уверенное в поддержке со стороны закона и государства общество. Общество, где люди могут быть уверены в соблюдении своих прав и опоре на закон в случае какого-то нарушения или дискриминации. Без проработанного законодательства, учитывающего все ситуации, которые могут сложиться при взаимодействии между людьми, невозможно достигнуть общества, которое готово отстаивать не только свои интересы, но и интересы других групп населения.

Гражданское общество предполагает высокий уровень правовой культуры и равенство законов для всех, а достичь данной цели возможно лишь пересмотрев некоторые существующие нормы закона, и внося в них изменения. В настоящий момент необходим чёткий правовой механизм защиты и реализации личности, поскольку с правовой защиты личности начинается формирование и правовой активности личности, а как следствие – правовой защиты и интересов государства.

Информация об авторе

Бубенова Дарья Романовна – студентка 2 курса, Сибирский Институт Управления – (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС). г. Новосибирск, улица Нижегородская, б. Номер телефона: 8913-980-59-03. Электронный адрес: d.bubenova@yandex.ru

УДК 343.52
В 49

М. В. Винокуров,

*аспирант 3 года обучения
Университета прокуратуры
Российской Федерации, помощник
прокурора Куйбышевского района
г. Иркутска, юрист 1 класса*

Ответственность за фальсификацию лекарственных средств в уголовном законодательстве советского периода

В статье рассматриваются особенности формирования института уголовной ответственности за фальсификацию лекарственных средств в советском периоде развития уголовного права, анализируются положения отечественных уголовных законов советского периода.

Ключевые слова: здоровье населения, фальсифицированные лекарственные средства, уголовная ответственность.

Здоровье населения во все времена имело важную роль в развитии государства. Любое лечение предполагает употребление лекарственных средств или использование медицинских изделий. Следовательно, качество выпускаемой лекарственной продукции в любом периоде развития страны находится на особом контроле государства.

Как известно любой контроль нежизнеспособен в случае, если при отступлении от правил не предусмотрена ответственность. Наиболее суровой является уголовная ответственность, в связи с этим важно проследить развитие уголовной ответственности за оборот фальсифицированных лекарственных средств для понимания того, как государством регулировалось качество лекарственной продукции и медицинских изделий, в том числе и с помощью уголовно-правовых средств.

Из истории известно, что случившаяся в 1917 году революция фактически перевернула власть и отменила действие всех законов. Вместе с тем до конца 1918 года в соответствии с декретами о суде № 1 от 24 ноября 1917 года и № 2 от 7 марта 1918 года судами могли применяться Уголовные уложения 1845 и 1903 года, как и другое дореволюционное законодательство, «если оно не отменялось революцией и не противоречило революционной совести»¹. Поэтому Уложение 1845 года в части не противоречащей декретам применялось до принятия Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.).

Ответственность за оборот фальсифицированных лекарственных средств была включена в ст. 190 УК РСФСР 1922 г. «Фальсификация, т. е. обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, а равно самый сбыт таких предметов» и ст. 191 УК РСФСР 1922 г. «Фальсификация предметов потребления, которая имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов»².

При этом ст. 190 УК РСФСР 1922 г. больше направлена на пресечение корыстной фальсификации товаров, то есть по своей сути ближе к нынешней 159 УК РФ – мошенничеству. Статья 191 УК РСФСР 1922 г. больше направлена на защиту от вреда здоровью, при этом деяние является преступным в случае поправки в опасность, и по своей сути является прототипом современной ст. 238 УК РФ. Следует также обратить внимание, что обе эти статьи находятся в 6 главе УК РСФСР 1922 г., посвященной имущественным преступлениям.

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва, 2002. С. 24.

² О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

Появление Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.) прямо не закрепило среди преступлений незаконное обращение фальсифицированных лекарственных средств. Рассмотренные выше ст. 190 и 191 УК РСФСР 1922 г. в новом кодексе были объединены в одно преступление, предусмотренное ст. 171 УК РСФСР 1926 г. «Обманное изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если это имело или могло иметь последствием причинение вреда здоровью, а равно сбыт таких предметов»³.

Существенно важным является появление ст. 180 УК РСФСР 1926 г. «Занятие врачеванием, как профессией, лицами, не имеющими надлежаще удостоверенного медицинского образования, а равно занятие медицинским работником такого рода медицинской практикой, на которую он не имеет права», поскольку это свидетельствует о повышении внимания государства к качественному оказанию медицинской помощи. Также появление данной нормы имеет существенное отношение к обороту фальсифицированных лекарственных средств, поскольку в период действия настоящего кодекса множество лекарств изготавливаются непосредственно врачами или работниками медицинской практики.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР 1960 г.) также не содержал специальной нормы, предусматривающей ответственность за оборот фальсифицированных лекарственных средств. Ранее изложенные нормы были заменены ст. 157 УК РСФСР 1960 г. «Неоднократный или в крупных размерах выпуск в продажу в торговых предприятиях заведомо недоброкачественных, нестандартных или некомплектных товаров заведующим магазином, базой, складом, секцией, а равно товароведом или бракером»⁴.

В связи с принятием Закона РФ от 01.07.1993 № 5304-1 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю» название и диспозиция ст. 157 УК РСФСР 1960 г. были изменены: «Выпуск или продажа товаров, оказание услуг, заведомо не отвечающих требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей, клиентов, повлекшие причинение вреда здоровью людей либо создание угрозы причинения такого вреда»⁵.

Также близкой по смыслу являлась ст. 152 УК РСФСР 1960 г., устанавливающая ответственность за «неоднократный или в крупных размерах выпуск из промышленного предприятия недоброкачественной, или несоответствующей стандартам либо техническим условиям, или некомплектной продукции директором, главным инженером или начальником отдела техниче-

³ О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

⁵ Уголовный кодекс РСФСР : в ред. от 30 июня 1996 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ского контроля, а также лицами, занимающими другие должности»⁶. Данная норма могла быть применена и в случаях производства недоброкачественной лекарственной и медицинской продукции.

Таким образом, анализ советского уголовного законодательства свидетельствует об отсутствии норм, прямо предусматривающих уголовную ответственность за оборот фальсифицированных лекарственных средств. Вместе с тем, данный факт не свидетельствует об отсутствии уголовной ответственности за данные деяния, очевидно, что в случае выявления подобных фактов ответственность наступала по общим нормам, о которых шла речь в настоящей работе.

Однозначно ответить на вопрос о том, почему в советском периоде не была прямо закреплена ответственность за оборот фальсифицированных лекарственных средств сложно. Мнение о том, что советские власти не следили за качеством лекарственных средств, однозначно является неверным. Предположение о том, что в СССР не было фальсифицированных лекарственных средств является маловероятным. Хотя в этом периоде все лекарства производились государственными предприятиями и закупались под контролем государства, лекарства были дешевыми и экономически не интересными для подделки. Возможно поэтому уровень фальсификата и был ниже. А поскольку уровень фальсификации лекарственных средств был низким, то и вводить специальные нормы об уголовной ответственности было на тот период нецелесообразно.

Наиболее правильным представляется мнение о том, что в советском периоде в уголовно-правовом аспекте лекарственные средства не отделялись от прочих товаров потребления, ответственность за подделку которых была предусмотрена, и поэтому оборот фальсифицированных лекарственных средств не выделялся в отдельную статью.

Информация об авторе

Винокуров Максим Владимирович – аспирант 3 года обучения, Университет прокуратуры Российской Федерации, помощник прокурора Куйбышевского района г. Иркутска, юрист 1 класса, адрес университета: г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, адрес Иркутского филиала университета: г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. Контактная информация:

*e-mail: Rayndl@bk.ru, тел. 8-983-400-1552. Адрес места работы:
г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная 14.*

⁶ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

УДК 343.343 : 355.253.7
В 58

Я. О. Власов,
студент 4 курса
ВГУЭС

Проблемы института содержания в дисциплинарной воинской части

В статье проводится исследование проблематики теоретических аспектов применения наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части.

На основании исследования нормативно-правовых актов, регламентирующих применение этой меры наказания, делается вывод о наличии проблем в институте содержания в дисциплинарной воинской части.

Ключевые слова: военнослужащий, военный суд, дисциплинарная воинская часть, наказание.

Одним из видов специальных наказаний, которое может быть применено исключительно к военнослужащим, является содержание в дисциплинарной воинской части. Данная мера закреплена в ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ). Суть его заключается в помещении военнослужащего в специализированное учреждение за совершение преступления небольшой или средней тяжести на срок не более 2 лет.

В последнее десятилетие отчетливо обозначались несколько проблем, имеющих в институте содержания в дисциплинарной воинской части. Ввиду этого ведутся дискуссии о его дальнейшей судьбе: одни высказывают точку зрения о необходимости ликвидации института этой меры наказания полностью, другие же считают допустимым его реформировать. Так, мнение о целесообразности упразднения института содержания в дисциплинарной воинской части высказывала О. В. Шарыкина², так как по её мнению данное наказание не применяется и только имеет закрепление в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Нельзя в полной мере согласиться с автором, так как ограниченность применения этой меры наказания продиктована одним существенным обстоятельством – на всей территории России дисциплинарные воинские части существует лишь две дисциплинарные воинские части – в п. Мулино Нижегородской области Центрального военного округа и в п. Каштак Забайкальского края Восточного военного округа. Военные суды, расположенные в субъектах, удаленных от данных регионов, избегают назначения данной меры наказания ввиду невозможности транспортировки осужденных военнослужащих к местам отбытия наказания.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 27 декабря 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Шарыкина О. В. О ликвидации дисциплинарных воинских частей // Право в Вооруженных силах. 2007. № 6. С. 69–70.

Из этого можно сделать вывод о том, что положение военнослужащего при назначении наказания может существенно измениться. Отсутствие возможности назначить соответствующую и справедливую меру наказания в виде содержания в дисциплинарной воинской части военный суд будет вынужден назначить иную меру – штраф или же лишение свободы, независимо от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Из этого можно сделать вывод о том, что положение военнослужащего при назначении наказания может существенно измениться. Тем самым будет нарушен закрепленный ст. 6 Уголовного кодекса России принцип справедливости.

Остро стоит вопрос и о выполнении осужденными трудовой деятельности. Закрепленная в ст. 164 Уголовно-исполнительного кодекса России³ обязанность осужденных военнослужащих трудиться не всегда ими выполняется. Д. Е. Манелов⁴ указывает на тот факт, что для большинства осужденных военнослужащих нежелание трудиться и повышать уровень боевой подготовки являются осмысленными. Это вытекает из того, что содержащиеся лица не имеют возможности самостоятельного выбора трудовой деятельности. Однако в то же время труд осужденных является одним из важнейших элементов воспитательной работы, выполняя задачу исправления привлеченных к ответственности лиц, обеспечивает их постоянную и полную занятость.

Кроме этого институт содержания в дисциплинарной воинской части в том виде, в котором он существует на сегодняшний день, не соответствует Конституции России. При назначении в качестве меры наказания содержания в дисциплинарной воинской части военный суд применяет два карательных элемента – содержание в специализированном учреждении и зачет срока проведенного в таком учреждении в счет военной службы. Но в то же самое время ч. 3 ст. 171 УИК РФ и приказом Минобороны РФ № 680⁵ по решению начальника Главного управления военной полиции Министерства обороны России имеется возможность смягчения приговора военного суда и зачет в срок военной службы периода пребывания в дисциплинарной воинской части. Таким образом, имеет место нарушение ч. 1 ст. 118 Конституции России⁶, которой установлено, что правосудие в Российской Федерации осуществля-

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ : в ред. от 27 декабря 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Манелов Д. Е. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных военнослужащих, отбывающих наказание в дисциплинарной воинской части // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 2 (19). С. 84–87.

⁵ Об утверждении Правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими : приказ Министра обороны Российской Федерации от 20 октября 2016 г. № 680. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ется только судом. Кроме этого в пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁷ установлено, что содержание в дисциплинарной части применяется не только в случаях, которые прямо предусмотрены соответствующими статьями УК РФ, то есть за совершение преступлений против военной службы, но и в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием в дисциплинарной воинской части на тот же срок. Далее в этом же пункте содержится еще одно важное замечание – замена лишения свободы на содержание в дисциплинарной воинской части возможна и в том случае, когда в соответствии со статьей 64 УК РФ назначено лишение свободы ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что законодатель, вводя в качестве одного из видов наказания данную меру, поставил субъектов, к которым она применима в лучшее положение по сравнению с иными лицами, в случае, когда ими совершаются однотипные преступления. Тем самым нарушается и п. 1 ст. 19 Конституции России, которой установлено, что все равны перед законом и судом.

Информация об авторе

Власов Ярослав Олегович – студент 4 курса, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС). 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 4. Электронный адрес: vlasov_yaroslav_23_06_98@mail.ru

УДК 343.37:343.35

В 75

А. А. Воронин,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые вопросы квалификации контрабанды алкогольной продукции и табачных изделий, совершенной должностным лицом с использованием своего служебного положения

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы конкуренции квалифицирующего признака контрабанды, закрепленного в п. «б» ч. 2 ст. 200² УК РФ со ст. 285 и ст. 286 УК РФ. Автором анализируется Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в части применения квалифицирующих признаков в экологических преступлениях. Рассматривается вопрос о соотношении ст. 285 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 200² УК РФ как общей и специальной норм.

⁷ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : в ред. от 18 декабря 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: контрабанда, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, вопросы квалификации.

Общеизвестно, что субъект преступления, предусмотренного п. б ч. 2 ст. 200² Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) является специальным и признаки такого субъекта определены в ст. 285 УК РФ. Однако на сегодняшний день не до конца разрешен вопрос о квалификации контрабанды в случае конкуренции квалифицирующего признака «с использованием своего служебного положения» в ст. 200² УК РФ и отдельной статьи «злоупотребление должностными полномочиями», закрепленной в ст. 285 УК РФ. Таким образом, необходимо применять данные нормы по совокупности или же выбрать какую-то одну из норм? При этом важно отметить: если речь идет о совокупности, то только о реальной (совершение двух и более преступных деяний), поскольку применительно к одним и тем же действиям, содеянное не может быть дважды оценено и по ст. 200², и ст. 285 УК РФ. Проблема соотношения квалифицирующего признака ст. 200² УК РФ со ст. 285 УК РФ, решается с применением положений ч. 3 ст. 17 УК РФ, которая закрепляет, что при конкуренции общей и специальной нормы, применению подлежит специальная. Если речь идет о злоупотреблении должностными полномочиями, то частным случаем злоупотребления должностными полномочиями является квалифицирующий признак ст. 200² УК РФ, а поскольку в ст. 285 УК РФ речь идет о любых случаях злоупотребления, то квалифицирующий признак ст. 200² УК РФ сводит любые случаи до конкретного.

Для наглядности следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», который описывает случай применения аналогичных квалифицирующих признаков только в экологических преступлениях. Так, из п. 3 данного Постановления Пленума следует, что в связи с тем, что в нормах специально предусмотрена ответственность за деяния, совершенные с использованием служебного положения, содеянное квалифицируется только по тем статьям, которые закрепляют данный квалифицирующий признак, то есть без совокупности с преступлениями, предусмотренными статьями 285 или 286 УК РФ. Помимо этого в Постановлении Пленума закрепляется, что ст. 285 и ст. 286 УК РФ могут быть применены лишь в случаях реальной совокупности, то есть тогда, когда оценка деяний дается по соответствующим статьям главы 26 УК РФ не тем же действиям, а другим самостоятельным действиям, связанным с вышеназванными. Иначе будет нарушен принцип справедливости, который закрепляет, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же

преступление¹.

Однако такой подход в квалификации приемлем лишь в части тогда, когда например использование служебного положения в ст. 200² УК РФ выражено в злоупотреблении должностными полномочиями. Если же использование служебного положения, закрепленного в ст. 200² УК РФ, выражено не в использовании служебных полномочий, а в использовании иного влияния на других должностных лиц, то в этом случае может возникать либо конкуренция анализируемой статьи со ст. 286 УК РФ, либо данная норма (ст. 200² УК РФ) будет являться специальной по отношению к общему пониманию подстрекательства в уголовном праве. Важно отметить, что при содействии в таком преступлении должностное лицо как соучастник получает незаконное вознаграждение имущественного характера, ответственность наступает по совокупности за соучастие в контрабанде алкогольной продукции и за получение взятки по ст. 290 УК РФ.

В чем вообще заключается использование служебного положения путем использования влияния по службе в отношении других должностных лиц? Оно заключается в оказании воздействия на другое должностное лицо, это воздействие выражается в склонении, а частным случаем склонения является подстрекательство к совершению действий указанных в ст. 200² УК РФ. Поэтому следует говорить о том, что данный квалифицирующий признак охватывает использование служебных полномочий (специальная норма по отношению к ст. 285 УК РФ) и подстрекательства к совершению действий предусмотренных ст. 200² УК РФ, где в данном случае норма может быть специальной по отношению к общему пониманию подстрекательства в уголовном праве (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

В науке уголовного права высказывается позиция, согласно которой такие действия руководителя по склонению следует квалифицировать как превышение должностных полномочий, то есть по ст. 286 УК РФ. Обосновывается это тем, что, например, руководитель при склонении совершает такие действия, которые ни одно должностное лицо ни при каких обстоятельствах не вправе совершать. Однако в таком случае квалифицировать деяния руководителя по ст. 286 УК РФ, в которой обязательным признаком является существенное нарушение правоохраняемых интересов, наступившее в результате таких действий, не представляется возможным, поскольку само склонение должностного лица таких последствий как существенное нарушение правоохраняемых интересов не влечет, так как данные последствия наступают в результате самостоятельных действий склоненного должностного лица, выразившихся в злоупотреблении должностными полномочиями, то есть по ст. 285 УК РФ. Поскольку для самого склоненного незаконные действия, которые он совершил, связаны с должностными полномочиями, то при квалификации деяний руководителя, склонившего к совершению, будет возникать

¹ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 18 октября 2012 г. № 21. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

вопрос о причинно-следственной связи между теми действиями, которые были совершены склоненным и действиями руководителя. Логично предположить, что правильная квалификация будет звучать так: действия лица, склоненного к совершению преступления, должны квалифицироваться по ст. 285 УК РФ, а действия руководителя, склонившего лицо к совершению преступления, фактически являются действиями подстрекателя и подлежат уголовно правовой оценке по ст. 285 УК РФ.

Информация об авторе

Воронин Андрей Александрович – магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: soklov38irk@outlook.com

УДК 343.7

В 61

А. Д. Вохмянина,

студентка 4 курса,

*Иркутский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

**К вопросу уголовной ответственности за сокрытие денежных средств
либо имущества организации или индивидуального предпринимателя,
за счет которых должно производиться взыскание налогов,
сборов и страховых взносов**

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы об уголовной ответственности за совершенные преступления, которые предусмотрены в статье 199² Уголовным Кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ). Особое внимание будет уделено разъяснению термина «сокрытие», а также будет проведен анализ и разграничение уголовно-правовой и гражданско-правовой аспектов, в рамках, выше указанной, статьи УК РФ. Рассматриваются обстоятельства, которые исключают уголовную ответственность за сокрытие денежных средств или имущества организации, или индивидуального предпринимателя.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; сокрытие денежных средств или имущества организации; взыскание налогов, взыскание сборов; взыскание страховых взносов.

За сокрытие денежных средств либо (или) имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов и страховых взносов, предусмотрела уголовная ответственность по статье 199² УК РФ. Данные деяния предусмотрены в гла-

ве 22 УК РФ и относятся к преступлениям в сфере экономической деятельности.

Принимая во внимания основные тенденции развития уголовно-правовой политики в отношении преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ, т. е. деяния, относящиеся к сфере экономической деятельности, а также поручений Президента Российской Федерации (далее – РФ), которые касаются недопущения давления на субъектов, которые осуществляют предпринимательскую деятельность с использованием уголовно-правовых средств, а также с учётом отнесения тех или иных действий, которые носят гражданско-правовой аспект и совершаемых между контрагентами, к уголовно-правовым деяниям, а также необходимо учитывать обстоятельства, которые исключают в последующем уголовную ответственность.

В диспозиции статьи 199² УК РФ законодатель выделяет общественное опасное (уголовное) деяние как «сокрытие», но при этом не делает акцент на раскрытие данного понятия, а также не указывает способы его совершения¹.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации под сокрытием денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199² УК РФ), следует понимать деяние, направленное на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам и сборам в крупном размере².

Но, также, Верховный Суд Российской Федерации не конкретизирует понятие сокрытия. Отсутствие содержательного определения категории «сокрытие» порождает неоднозначность правоприменения.

На практике имеют место случаи, когда действия, совершаемые в ходе осуществления предпринимательской деятельности в рамках гражданско-правового оборота, правоохранительными органами необоснованно относятся к сокрытию денежных средств и имущества. Кроме того, не учитываются обстоятельства, исключющие уголовную ответственность.

Однако, принимая во внимание многоплановость гражданско-правовых сделок, нецелесообразно определять дефиницию сокрытия путем указания на способы совершения данного деяния и формирования закрытого перечня способов его совершения.

В связи с этим обратимся к типичным случаям, когда состав преступления, предусмотренный ст. 199² УК РФ, отсутствует, однако данный факт редко учитывается при расследовании уголовных дел, и соответствующие перекосы правоприменения связаны, в первую очередь, с не учетом положений Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; Российская газета. 2019. № 166. 31 июля.

² О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, прежде всего, необходимо учитывать, что сокрытие имущества или денежных средств осуществляется, как правило, легальным способом, имеет место совершение различных гражданско-правовых сделок, открытие новых расчетных счетов в банках, что не запрещено законом, соответственно, данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом, направленным именно на воспрепятствование принудительному взысканию недоимки по налогам, сборам и страховым взносам.

Задолженность по налогам, сборам и страховым взносам у субъектов бизнеса может возникнуть в силу разных причин — как объективных, так и субъективных³.

Кроме того, могут приниматься различные меры к погашению имеющейся задолженности. Соответственно, при установлении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 199² УК РФ целесообразно установить, скрывало ли лицо сложившуюся финансово-экономическую ситуацию на предприятии, задолженность по налогам и сборам, страховым взносам, или, напротив, на протяжении всего времени предпринимало меры по исправлению ситуации, частично погашало имеющуюся задолженность. Например, лицо обращалось в налоговый орган с заявлением о предоставлении рассрочки по погашению задолженности по налогам, однако в удовлетворении заявления было отказано.

Анализ судебной практики показывает, что в качестве сокрытия рассматривается направление одним субъектом предпринимательской деятельности распорядительных писем в адрес другого субъекта бизнеса с указанием о производстве оплаты за него по расчетным счетам данной организации, минуя поступление денежных средств на расчетный счет последнего. В указанном случае, с целью недопущения необоснованного уголовного преследования, необходимо проводить анализ структуры произведенных по распорядительным письмам платежей.

В частности, производство отдельных платежей может свидетельствовать о крайней необходимости и, соответственно, исключается уголовная ответственность. Например, платежи были направлены на приобретение вакцины для животных, оплату коммунальных платежей, налоговых платежей и осуществление иных платежей, направленных на обеспечение деятельности субъекта предпринимательской деятельности.

В своей производственной деятельности субъект бизнеса может эксплуатировать опасные производственные объекты, что также необходимо учитывать при решении вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 199² УК РФ. Например, предприятие эксплуатирует опасные производственные объекты, отнесенные к различным классам опасности; деятельность по эксплуатации взрывопожароопасных производственных объектов разрешена на основании выданной лицензии.

³ Грузинская Е. И., Грибов А. С. Сокрытие денежных средств либо имущества хозяйствующего субъекта, за счет которых должно производиться взыскание налогов (ст. 199.2 УК РФ): анализ признаков состава и проблемы квалификации // Юридическая наука. 2015. № 3. С. 50–54.

Аналогично, целью данных действий является не сокрытие имущества предприятия от принудительного взыскания задолженности по налогам и сборам, а поддержание бесперебойного производственного цикла, остановка которого в связи с отсутствием сырья для литейного оборудования, либо в связи с отключением снабжающими компаниями энергоресурсов, вызванным неуплатой, может привести к техногенной аварии, масштаб которой может быть существенным.

Кроме того, необходимо учитывать, что самостоятельно прекратить предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность предприятия исполнительный орган юридического лица не вправе, так как, это может привести к остановке работы опасных производственных объектов, созданию угрозы техногенной аварии, а также утрате рабочих мест, что в итоге наносит ущерб, как правило, значительно превышающий размер денежных средств, в сокрытии которых субъекты обвиняются⁴.

Таким образом, нужно оценивать, какой вред предотвращен.

В частности, уголовная ответственность должна отсутствовать, если не допущен более существенный вред охраняемым уголовным законом интересам общества и государства, и данные действия по направлению распорядительных писем выполняются лицом в интересах сохранения работоспособности крупного предприятия, рабочих мест для значительного количества граждан.

Соответственно, в силу положений ст. 39 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т. к. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

Таким образом, если опасность остановки производства на предприятии является реальной, обусловленной отсутствием сырья и иных материалов, возможным отключением электроэнергии, эксплуатацией опасных производственных объектов (иных объектов), для штатного прекращения работы некоторых из которых необходима длительная и дорогостоящая подготовка, отсутствует возможность устранения данной опасности иным способом и другими средствами (отказано в предоставлении отсрочки, рассрочки и т. д.), то имеет место крайняя необходимость; уголовная ответственность за сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов, не наступает.

⁴ Апелляционное постановление Свердловского обл. суда от 14 декабря 2017 г. по делу № 22-8028/2017. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Вохмянина Анастасия Денисовна – студентка 4 курса, Иркутский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: vohtyanina.98.ru@mail.ru).

УДК 343.54:343.91

Г 19

С. Д. Ганюшкина,

студентка 2 курса
МГЮА им. О. Е. Кутафина

**Организация занятия проституцией
организованными преступными формированиями**

В статье рассматривается одно из преступных направлений организованной преступности. Дается уголовно-правовая оценка вовлечению в занятие проституцией. Автор аргументирует общественную опасность организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, проституция, вовлечение, экономическая направленность.

Криминологи выделяют множество видов преступности – это и насильственная, и корыстная, и экономическая. Но есть один из самых наиболее опасных видов преступности – организованная.

Как отмечает американский криминолог Г. Абадински, организованная преступность – это не идеологическое объединение с вовлечением большого числа людей, находящихся в тесном социальном взаимодействии, организованной на иерархической основе, созданное ради получения прибыли и достижения власти, проводящее как незаконные, так и легальные операции¹. Данное определение легко применить как к организованной преступности за рубежом, так и к организованной преступности в России. Предтечей отечественной организованной преступности явилась преступность профессиональная – т. е. та, которая для субъекта является источником средств существования, требующего необходимые знаки и навыки, а также обуславливающего контакты с антиобщественной средой². В обществе данную среду принято называть «криминальным миром».

Важно понять, что основная цель организованной преступной деятельности – извлечение финансовой и любой иной материальной выгоды. И если раньше, в 90-е г.г. XX столетия, прибыль можно было «добыть» общеуголовным способом – рэкет, вымогательство, то теперь явно прослеживается тен-

¹ Мирзорин М. Л. Борьба с организованной преступностью : учебное пособие. Таганрог, 2016. С. 5.

² Шеслер А. В. Криминологическая характеристика и профилактика профессиональной преступности : учеб. пособие. Тюмень, 2004. С. 7.

денция перехода организованных преступных формирований (ОПФ) в сферу экономической деятельности. При этом можно наблюдать и следующие криминогенные тенденции³.

1. Сращивание участников ОПФ с коррумпированной частью системы органов государственной власти до уровня сложного соучастия.

2. Переход значительной части лидеров ОПФ в сферу легальной предпринимательской деятельности и политики.

3. Повышение уровня специализации преступной деятельности.

4. Интеграция российских ОПФ в транснациональную организованную преступность, в том числе использование механизмов инвестирования и «отмывания» (легализации) преступных доходов.

Однако какой и как именно гражданскому обществу наносится вред?

Если понимать под гражданским обществом совокупность общественных отношений вне рамок властно-государственных и коммерческих структур, то мы понимаем, что, по сути, гражданское общество – это совокупность всех людей, которые объединяются для удовлетворения своих потребностей, и все эти группы в совокупности и есть гражданское общество.

Как организованная преступность влияет на гражданское общество, а точнее, замедляет его развитие? Как уже упоминалось выше, основная цель организованной преступной деятельности – это получение прибыли. Один из способов её получения можно назвать организацию занятием проституцией, и вовлечение в занятие ею. Тогда как цель многих организаций, из которых и состоит гражданское общество – это повышение нравственности, защита прав женщин, а также сексуальное просвещение населения, направленное на снижение распространение венерических заболеваний, криминальных абортов и т. д. Получается, что то, с чем борется гражданское общество, разбивается о деятельность организованных групп, которые благодаря сильным ресурсам (в материальной и политической сферах за счёт коррупционных связей) всегда будут в более выгодном положении. Стоит отметить, что на современном этапе проституция находит своё широкое распространение посредством сети Интернет, причём сайты, предоставляющие интим услуги есть не только в darknet'e, но и в clean net'e. Что облегчает доступ получения интимных услуг.

В настоящее время в российском уголовном законе предусмотрены следующие нормы, устанавливающие ответственность за создание, а также деятельность организованных преступных формирований.

Во-первых, это часть 4 статьи 35 УК РФ. В данном случае при квалификации любого деяния, законодатель даёт правоприменителю возможность квалифицировать содеянное как совершенное преступным сообществом (преступной организацией). Даже если в отдельной статье в качестве квалифицирующего признака не указано совершение именно преступной органи-

³ Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2011. С. 13.

защитой.

Во-вторых, законодатель в ст. 210 УК РФ предусматривает ответственность не только за совершение какого-либо деяния организованным преступным сообществом/организацией (ОПС/ОПГ), но за сам факт существования такого формирования. В данном случае состав данного преступления – формальный, для привлечения к ответственности не требуется наступления преступных последствий.

Говоря о таком конкретном виде деятельности ОПС как организация занятием проституцией, а также вовлечение в занятие проституцией, следует отметить, что УК РФ в ст. 240, 241 также установил ответственность за эти деяния.

Но что из себя представляет организация занятием проституцией и почему данная норма упоминается в контексте организованной преступности?

Под организацией можно понимать любые действия, направленные на обеспечение доступа клиентов к услугам проституток, если такая деятельность приобретает организованный характер⁴. Причём действия могут выражаться в различной форме: подыскание помещений, лиц, которые будут предоставлять «услуги», ведение финансово-хозяйственной деятельности, а также транспортировка проституток к клиентам, обеспечение им сопровождения (т. н. «диспетчер»). Особенно хотелось остановить внимание на организацию притонов под видом легальных модельных агентств. «Что ни агентство – то бордель, что ни модель – то проститутка» – под таким заголовком в свет вышла статья⁵, в которой настоящие модельные агентства пытались отстоять свою репутацию в связи с тем, что нижегородское агентство под легальным видом деятельности предоставляла сексуальные услуги несовершеннолетних, а также порнографические материалы.

Логично, что в виду организационной сложности к совершению такого рода деяния не может быть причастен всего один человек. У подобного рода «организаций» помимо лиц, непосредственно занимающихся проституцией (а само по себе занятие проституции находится в рамках административной ответственности – ст. 6.11 КоАП РФ), должны быть: администратор («диспетчер»), ведающий организацией деятельности притона, бухгалтер, способный легализовать доход, полученный незаконным путём, а также человек, вовлекающий лиц в занятие проституций и непосредственный руководитель. Стоит также учитывать, что часто «исполнители» интимных заказов не достигают возраста совершеннолетия или принуждаются к данному занятию путём насилия или угроз.

Из предложенного примера видно – данные действия подходят под совершения деяние ОПС. А именно: в случае квалификации содеянного по ч. 2 ст. 241 УК РФ данное преступление признаётся тяжким, на лицо наличие

⁴ Бимбинов А. А., Боженко С. А., Грачева Ю. В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник. Москва : Проспект, 2020. С. 382–384.

⁵ Красильникова Т. Что ни агентство – то бордель, что ни модель – то проститутка // Коммерсантъ. 2004. № 230.

структурированной группы, каждый из участников которой осведомлен о природе происходящего, все они действуют под единым руководством в целях получения финансовой выгоды.

Ответ о влиянии подобного рода деяния на гражданское общество очевиден – пагубно. Проблема заключается не столько в нравственном аспекте, сколько в аспекте медицинского и социального характера.

Множество некоммерческих организаций осуществляют помощь женщинам, среди них и петербургский фонд «Гуманитарное действие»⁶, микроавтобус фонда вечерами курсирует по городу, где проститутки могут получить средства контрацепции, чистые шприцы и прочие средства личной гигиены в целях снижения риска заболевания венерическими заболеваниями. На лицо пример того, как гражданское общество пытается помочь самому себе, чтобы улучшить положение всех граждан.

Каковы же в данном случае действия законодателя, кроме как криминализация организации проституции? Ответ на этот вопрос однако даётся в рамках криминологии, что выходит за рамки данной статьи.

Информация об авторе

Ганюшкина Софья Дмитриевна – студентка 2 курса, Московский государственный юридический университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), (ИППУ, уголовный профиль). г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 9.

Электронный адрес: ganuschkina.mira@yadex.ru

УДК 342.5:343.43

Г 70

А. А. Горошко,

*магистрант 2 курса
КГУ*

Нормативное регулирование деятельности по защите и реабилитации жертв торговли людьми в Российской Федерации

В статье анализируются законодательные акты Российской Федерации, содержащие нормы по защите и реабилитации жертв торговли людьми. Рассмотрен вопрос о необходимости принятия соответствующего федерального закона в указанной сфере. Автором предложены изменения, которые необходимо внести в законодательный массив, на основании международных актов.

Ключевые слова: торговля людьми, жертвы торговли людьми, защита жертв торговли людьми, реабилитация жертв торговли людьми.

⁶Программа помощи женщинам в трудной жизненной ситуации. URL: <https://haf-spb.org/program/profilaktika-vich-sredi-zhenshhin-iz-uyazvimyh-grupp/> (дата обращения: 24.01.2020).

Проблема торговли людьми в современном мире носит глобальный характер. Важнейшей составляющей борьбы с торговлей людьми является не только профилактика и предупреждение данных преступных деяний, но и защита, и реабилитация жертв. Соответственно, необходимо оценить российское законодательство с точки зрения регулирования правовых и организационных основ помощи жертвам торговли людьми.

Начнём с анализа понятия торговли людьми в современном российском законодательстве. Отметим, что в международных актах не содержится единого понятия торговли людьми. Определение, данное Организацией Объединённых Наций, находится в тексте Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё, дополняющего Конвенцию Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности или Палермского протокола. Итак, торговля людьми – это вербовка, перевозка, укрывательство, передача или получение человека в целях эксплуатации с применением силы, угрозой применения силы, обманом, принуждением, похищением, мошенничеством, злоупотреблением властью, злоупотреблением уязвимым положением или подкупом. Эксплуатация включает в себя эксплуатацию проституции, сексуальную эксплуатацию, принудительный труд, рабство, подневольное состояние и извлечение из тела жертвы органов и тканей¹. В ряде международных документов содержатся близкие к указанному определению, отличающиеся закреплением различных видов эксплуатации человека. В качестве примера можно назвать Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми, в ст. 4 которой мы видим оговорку «как минимум» в перечне видов эксплуатации человека, следовательно, перечень не является закрытым². В Уголовном кодексе Российской Федерации также содержится похожее определение торговли людьми, однако изъятие из тела жертвы органов и тканей не признано эксплуатацией, а выделено в квалифицирующий состав преступления³.

По нашему мнению, стоит согласиться с мнением международного сообщества и признать торговлю людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей эксплуатацией человека, поскольку по тексту уголовного закона торговля людьми совершается именно в целях эксплуатации, и то, и другое в буквальном смысле является целью. Также по смыслу слова эксплуатация, которое переводится с французского языка как использование, изъятие у потерпевшего органов или тканей можно отнести к эксплуатации.

В условиях отсутствия точного понятия торговли людьми сложно вести

¹ О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё : протокол, дополняющий Конвенцию Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии торговле людьми : Конвенция Совета Европы от 16 мая 2005 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

работу по защите и реабилитации жертв данного преступления и международному сотрудничеству в сфере борьбы с торговлей людьми. Возможно, следует оставить перечень форм эксплуатации открытым, как предлагается в Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми, поскольку из-за формы эксплуатации, которая не перечислена в статье уголовного закона, деяние может несправедливо не подпасть под действие данной статьи, и жертва торговли людьми останется без защиты.

Также вопрос вызывает санкция, содержащаяся в статье 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Минимальный срок лишения свободы за совершение данного деяния составляет всего два месяца, тогда как, для сравнения, минимальный срок лишения свободы за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – четыре года⁴. Мягкая санкция лишь способствует увеличению количества преступлений, и, соответственно, жертв торговли людьми.

В статье 6 Палермского протокола установлена обязанность государств принять меры для помощи жертвам торговли людьми⁵. Меры защиты потерпевших содержатся в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации в п. 9 ст. 166, п. 2 ст. 186 и п. 8 ст. 193⁶, а также в ст. 6 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁷. Однако термин «жертва» в международном праве шире, чем понятие «потерпевший» в уголовно-процессуальном праве. Лица, которые пострадали от торговли людьми, могут признаваться жертвами ещё до возбуждения уголовного дела и присвоения им статуса потерпевшего, если имеются основания полагать, что они подверглись эксплуатации⁸. Соответственно, законодательство Российской Федерации не обеспечивает в полной мере защиту и реабилитацию жертв торговли людьми, поэтому предлагаем разработать и принять нормативный правовой акт, регулирующий правовые и организационные основы помощи указанным жертвам.

Отметим, что на уровне СНГ существует модельный закон «Об оказании помощи жертвам торговли людьми», включающий нормы о сфере действия; целях закона; основных используемых понятиях, где торговля людьми имеет иное значение, чем в Уголовном кодексе Российской Федерации, и помимо эксплуатации целью торговли людьми признаёт извлечение незаконной

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ ...

⁵ О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё ...

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Винокуров С. И., Пристанская О. В. Научный комментарий к Модельному закону «О противодействии торговле людьми» : приложение к постановлению МПА СНГ от 23 ноября 2012 г. № 38–19. С. 49–50. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

выгоды, а также расширено понятие эксплуатации; о законодательстве об оказании помощи жертвам торговли людьми; государственной политике в данной сфере; правах лиц, пострадавших от торговли людьми и правовом статусе жертвы, порядке присвоения данного статуса, процессуальных гарантиях защиты потерпевших и свидетелей; возмещении вреда жертвам; социальной адаптации и социальной реабилитации; репатриации жертв; оказании помощи детям-жертвам; организационных основах оказания помощи жертвам торговли людьми; надзоре и контроле за оказанием помощи жертвам торговли людьми; ответственности за нарушение положений закона⁹.

Указанный модельный закон может стать хорошей основой для создания подобного законодательного акта в Российской Федерации, однако, отечественному законодателю следует привести понятие торговли людьми и эксплуатации в надлежащий вид, детально регламентировать субъекты, на которые будет возложена обязанность по защите и реабилитации жертв торговли людьми, а также их координацию с неправительственными организациями, осуществляющими деятельность в указанной сфере, установить признаки жертвы торговли людьми для отграничения жертв от экономических мигрантов, претендующих на данный статус с целью получения защиты (жилья, пособий и т. д.)¹⁰, установить ответственность за нарушение закона, поскольку в модельном законе норма оставлена на усмотрение национальных законодателей. Следует обратить внимание и на меры по защите жертв торговли людьми с целью извлечения у них органов или тканей: важно регламентировать медицинскую помощь, реабилитацию и социальную реабилитацию жертв, а также на меры помощи мигрантам, лицам без гражданства и жертвам торговли людьми, для которых Российская Федерация оказалась страной ввоза: оказание таким лицам медицинской и социальной помощи и гарантии возвращения в государства, гражданами которого они являются.

Таким образом, мер, содержащихся в российском законодательстве, не достаточно для эффективной борьбы с торговлей людьми и защиты жертв торговли людьми внутри нашей страны, а также для выполнения международных обязательств, поскольку рассматриваемая проблема является транснациональной. Требуется принятие соответствующего нормативного правового акта с целью детальной регламентации и установления дополнительных мер.

Информация об авторе

Горошко Анна Александровна – магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет». 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

Электронный адрес: anka.goroshko@yandex.ru.

⁹ Об оказании помощи жертвам торговли людьми : модельный закон от 3 апреля 2008 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Сакаева О. И. Защита жертв торговли людьми в международном праве и законодательстве зарубежных государств // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 5 (60). С. 73–77.

УДК 343.622
Д 69

А. С. Дорофеева,

студентка 3 курса
ВСФ ФГБОУВО «РГУП»

**Проблемы квалификации деяний, предусмотренных статьей
106 Уголовного кодекса Российской Федерации**

В статье анализируются положения статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявляются основные проблемы и противоречия в законодательстве, предусматривающие ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, а также предлагаются пути их решения с целью дальнейшего их применения на практике.

Ключевые слова: детоубийство, новорожденный, мать, инфантицид.

На современном этапе человеческого развития жизнь любого индивида выступает наивысшей ценностью. Это естественное и неотчуждаемое право каждого человека, поэтому государства должны и обязаны ставить это благо под особый контроль и охрану от всевозможных посягательств.

Часть 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации, а также статья 2 Уголовного кодекса России (далее – УК РФ) определяют это право каждого индивида в качестве важнейшего. По законодательству большинства стран мира убийство выступает тяжким или особо тяжким преступлением, что весьма оправданно, однако за убийство ребенка, а именно новорожденного малыша, почему-то ответственность не столь сурова. Например, УК РФ включает в себя норму, предусматривающую уголовную ответственность за убийство матерью новорождённого ребёнка. Квалификация по данной статье достаточно осложнена и проблематична. Практическое применение ст. 106 УК РФ связано с рядом сложностей в области толкования терминологии и, следовательно, обоснованной квалификации деяния, а также назначении справедливого наказания. Теоретическая и практическая актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в условиях реальной действительности возникает немало вопросов при квалификации деяния. Данная норма УК РФ не лишена противоречий и неопределенностей. Выявление этих проблем и предложение путей их решения позволят существенно изменить действие рассматриваемой уголовно-правовой нормы, а значит способствовать правильной квалификации преступлений и назначению справедливого наказания.

Действующая редакция ст. 106 УК РФ закрепляет четыре вида данного преступления: убийство во время родов, сразу же после родов, в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Любое преступное деяние включает в себя объект, объективную сторо-

ну, субъект и субъективную сторону, образуя совокупность объективных и субъективных признаков – состав преступления. При детальном изучении объективных признаков деяния, предусмотренного ст. 106 УК РФ, нами было выявлено немало проблем.

Непосредственным объектом посягательства, отраженного в ст. 106 УК РФ, является право на жизнь новорожденного ребенка¹. На сегодняшний день вопрос определения «новорожденности» является дискуссионным как в научном определении, так и в практическом применении следственной и судебной практики. Существует множество точек зрения относительно того, как определить период времени, в течение которого ребенок будет являться новорожденным. На наш взгляд, применение в статье 106 УК РФ термина «новорожденный» никак нельзя считать целесообразным, так как нет четкого понятийного аппарата для данного определения. Ни для кого не секрет, что каждый малыш растет и развивается индивидуально, поэтому придавать новорожденности какие-то четкие критерии невозможно хотя бы по причине того, что ребенок может родиться недоношенным, и для выхода его из периода новорожденности ему может понадобиться гораздо больше времени, чем ребенку, родившемуся в срок.

В настоящий момент Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 02.09.2013) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»² регулирует ряд некоторых вопросов, связанных с определением критериев рождения ребенка. В соответствии с данным актом, живорождением называется полное изгнание или извлечение плода из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности. При этом плод после такого отделения дышит или проявляет другие признаки жизни, а именно ощущается сердцебиение, пульсация пуповины или произвольное движение мускулатуры, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента. Таким образом, медицинские критерии четко разделяют плод и уже родившегося человека. Согласно приказу, новорожденным признается плод (продукт зачатия), достигший жизнеспособности, иначе говоря, при массе тела 500 г и более, или, если масса при рождении неизвестна, при длине тела 25 см и более или сроке беременности 22 недели и более.

Выделяют разнообразные промежутки времени, в течение которых ребенок является новорожденным. Акушерский критерий гласит о том, что новорожденный – это ребенок до одной недели с момента родов. В педиатрии новорожденными признаются в течение 3–4 недель после родов. Судебно-медицинский критерий провозглашает, что новорожденным будет ребенок, у

¹ Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов : Полиграфист, 1996. С. 2–3.

² О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи : приказ Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 г. № 1687н : в ред. от 13 сентября 2019 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. Москва, 2005–2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012019102220042> (дата обращения: 03.02.2020).

которого сохранились признаки плода. К таковым относят, например, наличие пуповины, сыровидной смазки и др.

Такие признаки сохраняются в течение одних суток. Данные характеристики новорожденного ребенка на сегодняшний день альтернативны. Такое положение дел не может говорить о том, что есть четко установленный период новорожденности, данная ситуация ставит в тупик правоприменителя при решении вопроса о квалификации деяния.

Также проблемой представляется тот факт, что в статье 106 УК РФ упоминается об одном потерпевшем. Подразумевается, что последовательное лишение жизни новорождённых детей от разных беременностей выступает реальной совокупностью преступлений, а убийство двух или более новорождённых от одной беременности при едином умысле должно рассматриваться как одно преступление.

Этот вопрос тоже требует особого внимания законодателя. На сегодняшний день статья предусматривает лишь убийство одного младенца, когда практика знает случаи рождения двух и более детей от одной беременности. Отсюда возникает прямой вопрос о том, каким образом будет осуществляться квалификация деяния в случае умерщвления нескольких таких новорожденных? Безусловно, причинение смерти двум и более детям значительно повышает степень общественной опасности совершенного деяния, поэтому законодателю следует обратить повышенное внимание к этой проблеме.

Если не брать в расчет наличие привилегированного состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, то подобное преступление подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ответственность за которое варьируется от 8 до 20 лет лишения свободы, пожизненное заключение, или смертная казнь.

К сожалению, не всегда преступления поддаются однозначной квалификации, что вызывает ряд проблем у правоприменителей. Например, рассмотрим ситуацию, когда убийство двух рожденных от одной беременности детей совершается матерью и отцом новорожденных. Однако в силу действия ст. 106 УК РФ, если детоубийство совершил отец младенцев, он будет нести ответственность по п. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство двух малолетних детей, в то время как мать за убийство только одного новорожденного. Такая картина вызывает немало вопросов. Решение этой проблемы высказывал П. Кривошеин³. Он считал, что ст. 106 УК РФ необходимо дополнить частью второй, которая бы закрепила положение о причинении матерью смерти двум или более рождающимся или уже рожденным ею детям.

Таким образом, подводя итог, мы сделали следующие выводы.

1. Из диспозиции и названия ст. 106 УК РФ считаем целесообразным исключить термин «новорожденный», так как он делает невозможным одно-

³ Кривошеин П. Убийство матерью новорожденного ребенка // Уголовное право. 2006. № 2. С. 39–42.

значное понимание нормы. Существует достаточное количество различных критериев новорожденности, что не позволяет в той или иной ситуации четко его определить. Также норма 106 УК РФ содержит в себе формулировку «во время родов», что вступает в противовес с понятием «новорожденный». Такое положение дел противоречит возможности уголовно-правовой охраны права на жизнь ребенка во время родов, так как рождающийся ребенок еще не является рожденным.

2. Также считаем целесообразным ввести в ст. 106 УК РФ ч. 2, предусматривающую повышенную ответственность матери, причинившей смерть рождающимся или рожденным ею двум или более детям.

Информация об авторе

Дорофеева Анастасия Сергеевна – студентка 3 курса, Восточно-Сибирский филиал Федерального Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (г. Иркутск). 664074, Сибирский федеральный округ, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23 а.

Электронный адрес: dorofeeva.2000@list.ru

УДК 343.77

Е 90

К. Э. Ефимушкина,

студентка 5 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Примечание к уголовно-правовой норме, предусматривающей ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: значение и несовершенства

В статье предлагаются к рассмотрению некоторые проблемы примечания, предусмотренного ст. 260 УК РФ. Предлагаются пути совершенствования уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: уголовная ответственность, незаконная рубка, лесные насаждения, экологическое преступление, ущерб.

На протяжении последних десятилетий в Российской Федерации отмечается постоянный рост показателей экологической преступности. При этом ежегодно из общего числа регистрируемых экологических преступлений наибольший рост отмечается именно в сфере незаконного использования лесных ресурсов. Несмотря на то, что тенденция сохранения в структуре экологической преступности высокого удельного веса преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, характерна для России в целом, в Сибирском фе-

деральном округе данная тенденция является более заметной¹.

Согласно последнему официальному отчету Федерального агентства лесного хозяйства, в основу которого положен анализ дистанционного зондирования 33 млн км² лесных территорий, ущерб от незаконных рубок в 2016 году составил 11 млрд рублей, в 2017 – 11,5, в 2018 – 11,6, в 2019 – 12,1. Эксперты Общероссийского Народного Фронта, в свою очередь, считают, что цифры в разы выше официальной статистики. Так, за 2018 год ущерб от «черных лесорубов» составил 100 млрд рублей. Еще 100 млрд рублей Россия теряет от неэффективной системы управления лесной отраслью — теневого сектора экспорта леса и нелегального производства пиломатериалов.

С учетом вышесказанного рассмотрим некоторые проблемы, возникающие при применении примечания к ст. 260 УК РФ.

Для начала обратим внимание на диспозицию ст. 260 УК РФ, которая является отсылочной, т. е. для ее применения надлежит обратиться к базовому законодательству, а именно к Лесному кодексу Российской Федерации, где содержится понятийный аппарат, Постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 года № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства», и к разъясняющему сложные вопросы судебной практики Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»².

Разумеется, важнейшие положения для правильного применения уголовно-правовой нормы содержатся в примечании: значительным размером в настоящей статье признается ущерб, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей, крупным размером – пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером – сто пятьдесят тысяч рублей. В связи с чем правоприменители задаются вопросом: состав незаконной рубки лесных насаждений формальный или материальный?

Для правильного определения конструкции состава следует определить значение термина «ущерб», приведенного в примечании к ст. 260 УК РФ, для чего сопоставим два используемых в статье понятия – «... если эти деяния совершены в значительном размере», и в ее примечании – «значительным размером в настоящей статье признается ущерб ...»³.

¹ Васильева Я. Ю., Дицевич Я. Б. Некоторые вопросы противодействия преступности, связанной с лесопользованием и отмытием преступных доходов // Сибирский юридический вестник. 2014. № 1. С. 50.

² О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 12.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 27 декабря 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, первое понятие свидетельствует о том, что именно деяние совершается в значительном размере, а значит, можно сделать предварительный вывод о том, что размер произведенной рубки или повреждения относится к характеристике самого деяния. Второе же понятие указывает, что для признания деяния уголовно наказуемым необходимо причинение ущерба определенного размера, а ущерб является характеристикой преступного последствия, так как отражает убыток, причиненный окружающей природной среде⁴.

Полагаем, что преступное деяние должно оцениваться в однократном размере по стоимости древесины на корню в случае, когда дерево не спилено (хотя некоторые правоприменители ошибочно квалифицируют незаконную рубку по действительной стоимости древесины на корню без учета повышающих коэффициентов). Ущерб же исчисляется по таксам, которые равны кратной величине от стоимости древесины на корню. В этой связи, более правильным будет отнесение понятия «значительный размер» к характеристике размера последствий, причиненных преступлением, что будет свидетельствовать о чёткой материальности состава.

Рассуждая о примечании к ст. 260 УК РФ, уместно будет упомянуть о разграничении рассматриваемого состава преступления с административным правонарушением, предусмотренным ст. 8.28 КоАП РФ. В примечании к ст. 260 УК РФ значительным размером признается ущерб, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей, крупным размером – пятьдесят тысяч рублей, особо крупным размером – сто пятьдесят тысяч рублей. Отсутствие такого ущерба автоматически переводит незаконную рубку в категорию административных правонарушений (ст. ст. 8.25, 8.28 КоАП РФ), поскольку содеянное не достигает степени общественной опасности, присущей преступлению. Так, основным критерием разграничения уголовно наказуемой незаконной рубки лесных насаждений (ч. 1 ст. 260 УК РФ) и незаконной рубки лесных насаждений, за которую ответственность предусмотрена ст. 8.28 КоАП РФ, является значительный размер ущерба, причиненного посягательством, который должен превышать пять тысяч рублей. Также приходим к выводу, что критерием отграничения преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, от административного правонарушения ст. 8.28 КоАП РФ является степень повреждения лесных насаждений. Если повреждение указанных насаждений не привело к прекращению их роста, содеянное влечет административную ответственность по ст. 8.28 КоАП РФ.

Учитывая все вышесказанное относительно нормы об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений, считаем необходимым изложить диспозицию и примечание следующим образом:

⁴ Васильева Я. Ю. Незаконная рубка лесных насаждений: вопросы квалификации и наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 83.

«1. Незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния причинили значительный ущерб ...».

«Примечание. Значительным в настоящей статье признается ущерб, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным Правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей, крупным – пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – сто пятьдесят тысяч рублей».

Информация об авторе

Ефимушкина Кристина Эдуардовна – студентка 5 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: efimushkina.kristina@mail.ru.

УДК 343.2

3 17

Е. И. Заиграева,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Проблемные вопросы уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения

В статье рассмотрены проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Анализируются подходы к определению места указанного состояния в системе обстоятельств, отягчающих наказание. Предложены способы совершенствования правоприменения в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: состояние опьянения, уголовная ответственность, обстоятельства, отягчающие наказание.

По официальным данным Министерства внутренних дел за январь-декабрь 2019 года каждое третье преступление было совершено в состоянии опьянения¹. Представленные статистические данные указывают на важность рассмотрения проблем уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в названном состоянии.

Статья 23 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) гласит о том, что «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 25.12.2019).

ответственности». Анализируя данную норму, можно сделать вывод о том, что законодатель придерживается позиции, согласно которой состояние опьянения не исключает вменяемости лица, совершившего общественно опасное деяние. Однако данное положение является предметом дискуссии в научной среде. Одни ученые соглашаются с суждением законодателя, другие считают, что состояние опьянения должно приравниваться к невменяемости, а третьи говорят о том, что указанное состояние должно рассматриваться в рамках ограниченной вменяемости.

Так, Н. Г. Иванов придерживается мнения о том, что ст. 23 УК РФ является специальной по отношению к ст. 22 УК РФ, а, следовательно, она конкретизирует ограниченную вменяемость лица. А. В. Рагулина считает, что «в некоторых случаях обычное (простое) опьянение может усугубить имеющиеся у лица психические отклонения; если психическое здоровье лица, совершившего преступление в состоянии обычного опьянения, вызывает сомнение, необходимо проводить комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу»². Думается, что такая позиция имеет рациональное зерно, поскольку помимо обычного опьянения, о котором идет речь в ст. 23 УК РФ, выделяют паталогическое опьянение, наличие которого исключает уголовную ответственность.

Рассмотрев все представленные точки зрения по поводу оценки состояния опьянения с позиции вменяемости/невменяемости, мы можем сделать вывод о том, что наиболее обоснованной следует считать ту, которая подразумевает наличие полной вменяемости лица, находящегося в состоянии опьянения, поскольку в рассматриваемой статье УК РФ законодатель говорит именно об обычном опьянении. Наша позиция основана на том, что для признания лица невменяемым требуется наличие хотя бы одного из двух признаков юридического критерия невменяемости в сочетании с медицинским критерием. В случае состояния опьянения последний отсутствует.

В настоящее время в научной среде широко обсуждается вопрос отнесения состояния опьянения к отягчающим или смягчающим наказание обстоятельствам. Исходя из анализа норм УК РФ, можно сделать вывод о том, что законодатель встал на сторону первой позиции. Это подтверждается тем, что ч. 1¹ ст. 63 УК РФ гласит, что «Судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ». Однако стоит заметить, что данная статья не жестко закрепляет состояние опьянения как обстоятельство, отягчающее наказание, и дает возможность суду самому назначить наказа-

² Шищенко Е. А., Самсоненко Ю. А. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 129. С. 674.

ние, учитывая его, а значит, что такое состояние и вовсе может быть не принято во внимание суда. Думается, что такой подход является дискриминационным, поскольку совершение аналогичных преступлений при схожих обстоятельствах может рассматриваться судами по-разному, и при назначении наказания одному лицу состояние опьянения может оцениваться как обстоятельство, отягчающее наказание, а при назначении наказания другому лицу может быть проигнорировано. Ввиду этого, законодателю следует более точно прописать свою позицию, а также необходимо обязать суд мотивировать применение ч. 1¹ ст. 63 УК РФ при назначении наказания.

Представляется, что курс на отягчение наказания за совершение преступления в состоянии опьянения является достаточно обоснованным. К такому выводу мы можем прийти ввиду того, что состояние опьянения является криминогенным фактором. Так, у лица в таком состоянии снижаются контрольно-волевые способности, и оно не может сдерживать подавляемые в обычном состоянии желания и склонности. Кроме этого, часто лица намерено приводят себя в состояние опьянения для того, чтобы решиться на совершение преступления. Еще одним аргументом в пользу рассмотрения состояния опьянения как обстоятельства, отягчающего наказание, является то, что лицо, находясь в данном состоянии, способно причинить наиболее тяжкие общественно опасные последствия.

На данный момент УК РФ содержит только две статьи, в которых закрепляется состояние опьянения либо как конструктивный признак (ст. 264¹), либо как квалифицирующий (ст. 264). Законодателем уделено особое внимание этим статьям ввиду того, что наблюдается тенденциозное возрастание случаев, когда ДТП совершаются по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения. Предполагалось, что указание в данных статьях состояния опьянения позволит существенно снизить риск совершения данных преступлений. С учетом этого опыта полагаем, что существует необходимость во введении такого признака в ряд других статей УК РФ, в частности, содержащихся в главах 16 и 18 УК РФ.

Важно обратить внимание на наличие проблемы недобровольного приведения лица в состояние опьянения. В данном случае ставится под сомнение справедливость признания такого состояния обстоятельством, отягчающим наказание. При рассмотрении данного вопроса интересно обратиться к опыту зарубежных стран. Так, ч. 2 ст. 19 УК Республики Литва гласит, что «Лицо, совершившее уголовный проступок, преступление по неосторожности или умышленное преступление небольшой или средней тяжести в состоянии опьянения, освобождается от уголовной ответственности в случае, если это лицо было принуждено употребить опьяняющие или одурманивающие средства против своей воли и вследствие этого не могло полностью осознать опасный характер своего преступного деяния или руководить своими действиями»³.

Видится, что для назначения справедливого наказания суду необходи-

³ Юридическая Россия : Федеральный правовой портал. Москва, 2002-2006. URL: <http://law.edu.ru/> (дата обращения: 02.02.2020).

мо учитывать причины, по которым лицо было приведено в состояние опьянения. Среди них выделяют: «приведение себя в состояние опьянения для облегчения совершения преступления; употребление для удовольствия, при осознании специфических особенностей своего поведения; употребление для удовольствия с расчетом на самонадеянное предотвращение общественно опасных последствий; употребление впервые из любопытства; употребление против воли лица: по ошибке либо по принуждению»⁴. Данные ситуации необходимо оценивать следующим образом: первую следует признать отягчающим обстоятельством; вторую, третью и четвертую представляется возможным учитывать по общему принципу уголовной ответственности, закрепленному в ст. 23 УК РФ; последнюю ситуацию в некоторых случаях можно признавать смягчающим наказанием обстоятельством, а также при наличии физического принуждения к приведению себя в состояние опьянения до степени, при которой утрачивается возможность волевого поведения, обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Таким образом, исследуя вопрос уголовной ответственности лица, находящегося в состоянии опьянения, мы выявили ряд серьезных проблем, для разрешения которых нами были предложены различные способы, позволяющие усовершенствовать применение ст. 23 УК РФ и ч. 1¹ ст. 63 УК РФ, способствуя соблюдению основных принципов уголовного права.

Информация об авторе

Заиграева Евгения Игоревна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664029, г. Иркутск, ул. Рылеева, 44.

Электронный адрес: zaigraeva_evgeniya@mail.ru.

УДК 34.082.24:343.3

3 80

М. М. Золоторёва,

студентка 1 курса

РПА Минюста России (ф)

Мировоззренческие основы религиозного экстремизма в современном мире

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы об экстремистской деятельности, в частности религиозном экстремизме, причины, проявления экстремистской деятельности. Статья посвящена изучению и анализу мировоззренческих основ религиозного экстремизма. Для написания статьи были использованы: статистика, опрос учащихся «ВГУЮ», статьи ученых.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, мировоззрение.

⁴ Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. Москва, 1998. С. 184.

В этой работе мы анализируем одну из глобальных проблем мира – экстремизм, а в частности религиозный экстремизм. Сегодня усиливается тенденция социальной мобильности людей, миграции, развитие этнокультурных контактов всех уровней, поэтому во всех сферах жизнедеятельности общества отмечается повышение уровня культурной нетерпимости, религиозного и этнического экстремизма. И данная проблема актуальна не для отдельного региона или страны, а для всего мира.

Если считается, что религиозный экстремизм – это опасная, темная сторона религии, если обычно религии призывают к миру, к хорошему отношению к людям – «поступай с человеком так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой», то религиозный экстремизм выступает за причинение вреда как человеку, так и обществу, заключающемся в разрушении общепринятых социальных норм и правил поведения людей, приводящих к торможению образования институтов гражданского общества и демократии, а также к хаосу в мире.

Чтобы понять мировоззренческие основы религиозного экстремизма, нужно разобраться в его сущности – понять причины возникновения экстремистских групп, способах их влияния на общество и т. д. Начнем с общего понятия: экстремизм (от лат. *Extremus* – крайний, последний) – приверженность крайним взглядам и действиям, радикально отрицающим существующие в обществе нормы и правила, в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозными фундаментальными взглядами.

Религиозный экстремизм – это разновидность экстремизма. Следовательно, можно сказать, что религиозный экстремизм – религиозномотивированная или религиозно-камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти.

Что же является причиной религиозного экстремизма? Причины возникновения могут быть абсолютно разными: религиозными, социальными, экономическими, политическими, психологическими, технологическими, информационными.

Обратимся к статье Яхьяева М. У. «Религиозный экстремизм: истоки и тенденции возникновения», в которой он говорит о четырех наиболее значимых причинах возникновения экстремистских групп.

Во-первых, отсутствие у молодого поколения полноценного знания о религии, ее первоисточников. «При этом не важно, – как говорит Яхьяев М. У., – какая это религия. Лучше не знать ничего, чем знать это частично», данное выражение можно полностью отнести и к этому случаю. При этом отсутствие правильного понимания целей и внутренней системы религии приводит к слепой убежденности в своей правоте, а она, в свою очередь, в союзе с гордыней и тщеславием создает опасную смесь и приводит к бездумному буквализму. Радикальное (буквалистское) религиозное сознание отвергает саму возможность подобной рациональной расшифровки принципов

ислама и приводит к интеллектуальному застою и пассивному традиционализму в среде молодежи. Это в свою очередь создает благоприятные условия для идеологических манипуляций со стороны различных внешних сил (сепаратистских политических течений, радикальных террористических группировок, спецслужб иностранных государств).

Во-вторых, проблема воспитания в семье. Давно доказано, что человек как личность, формируется с детства. Наибольшее влияние на него оказывают родители. В нашей стране остро стоит проблема неполных или неблагополучных семей. Часто в таких семьях отношения между родителями складываются на основе ненависти друг к другу. Возникает вопрос: что тогда может взять ребенок от родителей, если изо дня в день он видит неприязнь, ненависть, насилие и т. д.? Или вопрос: на ком детям срывать такую же ненависть (как и у родителей), если не на тех, кто отличается от них?

В-третьих, образование, т. е. проблема воспитания подрастающего поколения в школе. На уровне подсознания ребенок очень часто воспринимает учителя за некий идеал, на который надо равняться. Раньше в педагогические вузы шли медалисты, отличники, спортсмены, активисты, отбор в вузы был достаточно строгим. В наше время мы видим совершенно противоположную ситуацию. В педагогические вузы идут только из-за того, что из-за нехватки учителей в стране туда легко поступить. Как говорит Яхьяев М. У.: «настолько легко, что в любой сельский техникум поступить порой бывает сложнее». И часто такие учителя не несут для будущего поколения никакого идеала. Ведь нередко бывает так, что учителя, во времена своей молодости не стеснялись применять психическое (а порой и физическое) насилие над своими ровесниками.

В-четвертых, открытый доступ к информации, касающейся религии и экстремизма, в Интернете. В широком доступе в Интернете существует множество сайтов, на которых можно легко и просто обнаружить призывы к осуществлению тех или иных экстремистских действий, различные видеоролики пропагандирующего назначения, неправильное толкование всех первоисточников (например, Библии, Корана) и многое другое.

Нельзя было бы не затронуть тему распространения экстремизма вообще и отдельно религиозного экстремизма через социальные сети Интернета. Обратимся к исследованию Салахутдинова А. А., он исследовал социальную сеть «ВКонтакте» и в результате проведенного анализа были найдены группы: 10 групп (30%) – с признаками политического экстремизма, 23 (65%) – с признаками этнополитического экстремизма, 2 группы (5%) – с признаками религиозно-политического экстремизма. Все выявленные группы напрямую или косвенно не призывали к вступлению в экстремистские группы, но разжигали между людьми политическую, расовую, религиозную вражду, что тоже является важным, ведь после такого люди более уязвимы и легко могут подчиниться и вступить в такие группы.

Нами был проведен опрос между первокурсниками «ВГУЮ» на тему: «встречались ли вы в социальных сетях или на просторах сайтов с религиоз-

ной враждой или призывом к вступлению в какие-либо религиозные группы?»). И результаты показали, что очень часто такое явление, как религиозная нетерпимость, можно встретить в комментариях под фотографиями или постами. Кроме того, была обнаружена группа «мы против христианства», которая публично выражала свой протест против данной религии. Открытого приглашения в группы, связанные с религией, не обнаружено.

Можно сделать вывод, что Интернет – это хорошая почва для людей, использующих экстремистские действия в своих целях. Еще важно знать и понимать методы проявления религиозно–экстремистских организаций. На официальном сайте МВД России указаны такие методы, как распространение литературы, материальных носителей, в которых пропагандируются идеи экстремизма; благотворительность лиц и организаций экстремистской направленности; организация платных курсов по профилю и направлению организации экстремистского характера; создание и организация учреждений, финансируемых на пожертвование и финансирование с госбюджета по благотворительным общественным программам; создание разнообразных центров, основанных на шаманизме, магии, гадании, лечении нетрадиционной медициной и др.

Данная проблема является актуальной, обратимся к статистике Генеральной прокуратуры России. По представленным данным мы можем сделать вывод, что в стране проводится политика по борьбе с экстремистской деятельностью. Так, если рассмотреть показатели за последние 10 лет, можно сделать вывод: с 2010–2017 г.г. в России был значительный рост преступлений экстремистского характера, также на данном промежутке времени он достиг максимальных значений – 1521 зарегистрированное преступление. Начиная с 2018 г., государство стало усилено проводить политику в сфере борьбы с экстремистской деятельностью, и в настоящее время было достигнуто снижение зарегистрированных случаев почти в 3 раза – 533.

Обратимся к Иркутской области. Если рассматривать динамику зарегистрированных преступлений по данному региону, то за последние 10 лет она неоднократно изменялась: максимальное значение было зарегистрировано в 2012 г. – 22 преступления, минимальное количество в 2015 и 2017 гг. – 1 преступление. Важно отметить, что в 2018 и в 2019 г.г. показатели равны и составляют 4 преступления, поэтому по рейтингу прироста зарегистрированных преступлений экстремистской направленности среди регионов Иркутская область находится на 6 месте со 100% приростом. Данные показатели ясно дают понять, что противодействие экстремизму проводится и данная проблема остается не решенной до конца.

Перейдем непосредственно к мировоззренческой основе религиозного экстремизма. Мировоззрение – совокупность знаний, взглядов, оценок, норм и установок, определяющих отношение человека к окружающему миру. Мировоззрение человека может меняться и на него воздействуют многие факторы: социальные (как человек ощущает себя в обществе, какое место он занимает в социальной структуре, чувствует ли он, что полезен обществу, как у

него строятся отношения с людьми и т. д.); политические (это политическое состояние в стране – репрессии, реформы, революции и т. д.); экономические (как ситуация в стране, так и для человека – способен ли он обеспечить нормальное функционирование своей жизни и т. д.).

И если по какому-либо критерию человек недоволен собой, обществом и государством в целом, он становится уязвимым и подвержен воздействию со стороны экстремистских групп. Они в свою очередь как хорошие психологи и ораторы чувствуют, что необходимо публике и стараются это обещать, тем самым заглушая проблемы человека. С одной стороны это плохо, ведь в большей мере такие группы вредоносны, незаконны и т. д., но с другой стороны они дают человеку надежду, веру, когда его старое мировоззрение разрушилось, а новое еще не сформировалось.

Чтобы решить данную проблему, государство должно проводить огромную политику, не только искореняя такие организации, но и улучшая жизнь людей, чтобы у них не возникало желания войти в такие организации. Как сказал В. В. Путин: «Я верю в человека. Я верю в его добрые помыслы. Я верю в то, что все мы пришли для того, чтобы творить добро. И если мы будем это делать, и будем это делать вместе, то нас ждёт успех и в отношениях между собой ...».

Информация об авторе

Золоторёва Мария Михайловна – студентка 1 курса, Иркутский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4. Электронный адрес: zolotoryova.maria@yandex.ru, 89025320442

УДК 343.847

К 17

А. С. Калашникова,

*студентка 2 курса магистратуры
ИГП БГУ*

Проблемы признания маломерных судов транспортными средствами при исполнении дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определённой деятельностью: на примере практики Свободненской городской прокуратуры Амурской области

В статье рассмотрены вопросы прокурорского надзора за соблюдением законодательства при исполнении наказания, не связанного с лишением свободы. Автором поднимается проблема признания маломерных судов транспортными средствами при исполнении дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определённой деятельностью. Ошибочное толкование понятия «транспортное средство» со стороны инспекции по маломерным судам влечет необоснованное неприменение указанного дополнительного вида наказания к лицам, которым оно назначено по приговору

суда. На примере практики Свободненской городской прокуратуры Амурской области автор приводит пример решения данной проблемы.

Ключевые слова: дополнительное наказание, лишение права заниматься определенной деятельностью, транспортное средство.

В настоящее время в России весомую долю от всех зарегистрированных преступлений составляют преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств. Так, по данным Генеральной прокуратуры, за 7 месяцев 2019 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 10 915 преступлений указанной категории¹.

Уголовный кодекс РФ закрепляет идейное положение о том, что всякое лицо, совершившее преступление, должно понести за него предусмотренную законом ответственность. При таких обстоятельствах особое значение имеет правильная квалификация деяния, назначение и исполнение наказания за совершение преступлений указанной категории.

Вместе с тем, при проведении проверок соблюдения требований федерального законодательства при исполнении наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью, прокурорами продолжают выявляться нарушения закона.

Так, в Амурской области Свободненским межмуниципальным филиалом ФКУ УИИ УФСИН России по Амурской области в инспекцию по маломерным судам направлены извещения, а также копии приговоров в отношении ряда осуждённых за совершение преступлений, предусмотренных статьёй 264¹ УК РФ.

В соответствии с постановленными приговорами указанным лицам назначено дополнительное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами.

В ходе прокурорской проверки установлено, что инспекцией по маломерным судам извещения и копии приговоров, направленных на исполнение, не принимались с указанием на неуточнение в приговоре вида транспортного средства, а также на то, что маломерные судна не подпадают под категорию транспортных средств, определённых в примечании к статье 264 УК РФ.

Вместе с тем, подобные выводы указывают на неверное толкование норм права при их применении.

Так, анализ законодательства о транспортной безопасности и внутреннем водном транспорте свидетельствует о том, что маломерные судна в Российской Федерации отнесены к понятию «транспортные средства».

Мотивы возвращения извещений и приговоров без исполнения, а также вывод о том, что назначенное по приговору суда наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, не включает в себя лишение прав на управление маломерными суд-

¹ URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 07.10.2019).

нами, не соответствует положениям действующего законодательства.

Кроме того, инспекцией по маломерным судам ошибочно толковалось содержание ст. 264 УК РФ в части того, что наказание в виде запрета занимать должности и заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, подлежит применению в отношении должностей и видов деятельности, связанных с управлением только теми транспортными средствами, которые перечислены в примечании к ст. 264 УК РФ.

Назначение виновному в совершении преступления, предусмотренного статьёй 264¹ УК РФ, дополнительного наказания в виде лишения права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью является обязательным, а в приговоре должен быть конкретизирован лишь вид такой деятельности (педагогическая, врачебная, управление транспортом и т. д.).

В настоящее время положений, обязывающих суд указывать в приговоре конкретный вид транспортного средства, права управления которым лишается осуждённый, в уголовном законодательстве не содержится.

Вместе с тем, из анализа действующего законодательства следует, что лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, является видом наказания, запрещающим управлять не только механическими транспортными средствами, но и, в том числе, маломерными судами.

Обратное толкование свидетельствовало бы о возможности получения осужденными, которым в соответствии с приговором назначено наказание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, соответствующих разрешений на управление маломерными судами в период отбывания наказания, что противоречило бы целям назначения уголовного наказания, указанным в ст. 43 УК РФ.

Виды транспортных средств при исполнении уголовного наказания в виде запрета на занятие деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, законодательно не ограничены.

Так, решением Свободненского городского суда Амурской области бездействие, выразившееся в непринятии к исполнению приговоров суда и отказе аннулировать разрешение на занятие деятельностью, связанной с управлением маломерными судами признано незаконным².

Апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Амурского областного суда решение суда первой инстанции оставлено без изменений.

При этом апелляционной инстанцией указано, что из смысла ст. 264¹ УК РФ, примечания к ст. 264 УК РФ следует, что в указанных нормах оговорены только те виды транспортных средств, за управление которыми в состоянии опьянения лицо может быть привлечено к уголовной ответственно-

² Решение Свободненского городского суда Амурской области от 03 июня 2019 г. по делу № 2а/940-2019. URL: <http://svobodnenskgs.amr.sudrf.ru/> (дата обращения: 07.10.2019).

сти. Таким образом, ст. 264¹ УК РФ, примечание к ст. 264 УК РФ не определяют виды транспортных средств при исполнении такого вида наказания, как лишение права занимать должности и заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами³.

Таким образом, в процессе исполнения назначенного судом наказания необходимо учитывать и факты управления осужденным иными транспортными средствами (помимо механических транспортных средств), так как лишь в этом случае будет устранена юридическая и фактическая возможности нарушения запрета, назначенного осужденному наказания судом.

Информация об авторе

Калашикова Александра Сергеевна – студентка 2 курса магистратуры, помощник Свободненского городского прокурора Амурской области. Байкальский государственный университет (БГУ). 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. Электронный адрес: sandra60397@mail.ru.

УДК 343.2
К 59

Д. В. Козулина,
*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

О необходимости дополнения главы 8 УК РФ новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния

В статье анализируется проблема уголовно-правовой оценки правомерности боевых операций по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности. На основании сопоставления действующего законодательства Российской Федерации с актуальной политической обстановкой в мире автором делается вывод о необходимости дополнения главы 8 УК РФ новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, противодействие терроризму, необходимая оборона.

В контексте современной политической реальности проблема противодействия терроризму как явлению, представляющему угрозу интересам личности, стабильности развития общества и целостности государства, признается одной из наиболее актуальных. Угроза от международных террористических организаций по-прежнему представляет собой глобальную проблему всего человечества. Все также ведутся масштабные боестолкновения, кото-

³ Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Амурского областного суда от 22 августа 2019 г. по делу № 33АПа-3413/19. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-26082019-n-33-apa19-10/> (дата обращения: 25.12.2019).

рые порой могут достигать статуса вооруженных конфликтов немеждународного характера, все также в целях устранения и пресечения враждебной деятельности террористических формирований применяются авиация, ракеты, артиллерия, о чем свидетельствуют регулярные сообщения СМИ (не территории Сирии, Ливии, Ирака).

Порядок ведения боевых операций по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности регламентируется Постановлением Правительства РФ от 06.06.2007 № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» вместе с Положениями о применении оружия и боевой техники для устранения угрозы террористического акта или пресечения такого террористического акта». Этот документ устанавливает исключительные случаи применения оружия на поражения без предупреждения. К таким случаям отнесены:

1) наличие достоверной информации о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и существование реальной опасности гибели людей либо наступления экологической катастрофы¹;

2) обнаружение внутри запретного для плавания или временно опасного для плавания района либо фиксация движения с большой скоростью в направлении военного корабля, плавательного средства, охраняемого объекта самоходного подводного транспортировщика заряда взрывчатого вещества (торпеды), если промедление в применении оружия может привести к гибели людей либо наступлению экологической катастрофы²;

3) промедление в применении оружия, боевой техники и специальных средств создает непосредственную опасность для жизни или здоровья гражданских лиц, военнослужащих и других лиц, участвующих в контртеррористической операции, либо реальную угрозу безопасности охраняемых объектов, вооружения и транспортных средств³;

4) такое предупреждение является невозможным.

Названное Постановление Правительства не даёт ответа на вопрос о правовой оценке таких случаев. Это – прерогатива УК РФ. Например, ст. 22 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» определяет, что «лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом»⁴ признается правомерным – на основании

¹ См. п. 6: Положение о применении оружия и боевой техники вооруженными силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 352. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См. п. 12: Там же.

³ См. п. 8: Там же.

⁴ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ : в ред. от 18 апреля 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

в том числе ч. 1 ст. 37 УК РФ (т. е. это – необходимая оборона).

Вместе с тем, упомянутое выше Постановление Правительства оставляет открытым вопрос о допустимости целого ряда фактически совершаемых оперативно-боевых мероприятий.

Во-первых, это действия по наведению огня артиллерии и авиации в условиях, когда противник фактически еще не начал осуществлять нападение, опасное для жизни, а, например, находится на стадии приготовления к такому нападению (в пунктах постоянной или временной дислокации).

Во-вторых, это действия по пресечению дящихся преступлений таких, как ношение и хранения оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, участие в незаконном вооруженном формировании или террористическом сообществе.

В-третьих, не рассмотрены случаи, когда предупреждение о готовности применить оружие (с позиции боевой тактики), может привести к провалу операции ввиду утраты эффекта неожиданности, а потому – к недостижению конечной цели.

Вследствие таких пробелов военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации, участвующие в контртеррористических мероприятиях, поставлены в неудобное правовое положение. Так, за исполнение приказа о проведении в Чечне операции по обнаружению и ликвидации поимке международного террориста Хаттаба военнослужащие группы спецназа ГРУ во главе с капитаном Эдуардом Ульманом были признаны виновными в убийстве и превышении должностных полномочий, и приговорены к лишению свободы. С позиции тактики действия диверсионно-разведывательной группы в условиях засады разведчики действовали в целом верно. Вместе с тем, на территории Чеченской Республики в тот момент не действовало какое-либо военно-уголовное законодательство, а потому действия разведчиков получили правовую оценку по правилам уголовного закона мирного времени.

Действующий уголовный закон не содержит обстоятельств, признающих правомерными причинение смерти или тяжкого вреда здоровью противнику при проведении определенных оперативно-боевых мероприятий по предупреждению и пресечению преступлений террористической направленности.

Так, атака противника на стадии приготовления к нападению (при наличии достоверной информации разведки о подготовке нападения), также как и атака противника из засады, не может быть квалифицирована как необходимая оборона либо как крайняя необходимость вследствие отсутствия такого обязательного условия, как наличность посягательства.

Если посягательство не налично, другими словами, противник еще не начал предпринимать конкретных действий, направленных на достижение преступного результата путем применения насилия, но разработал план преступных действий, изготовил орудия и средства совершения преступления, приискал соучастников, то права на необходимую оборону, равно как и права

на причинение вреда в условиях крайней необходимости ещё не возникает. Уничтожение или ранение лиц, подготавливающих нападение, в таких условиях не являются превышением пределов необходимой обороны или крайней необходимости, так как самого права на причинение вреда ещё не возникло.

Рассматривая вопрос о пресечении преступлений, предусмотренных ст. ст. 222, 222¹, 208, 205⁴, 205⁵ УК РФ, стоит обратить внимание на то, что Пленум Верховного Суда РФ допускает состояние необходимой обороны, которое вызвано посягательством, имеющим длящийся или продолжаемый характер⁵. Но в то же время, данные преступления не являются посягательствами, опасными для жизни (например, установлено, что несколько лиц находятся в землянках в лесу, они являются участниками террористического сообщества, вооружены, но в данный момент времени действий по нападению не совершают). Значит, причинение им вреда для пресечения незаконного оборота оружия и участия в террористическом сообществе будет оцениваться по правилам ч. 2 ст. 37 УК РФ. Следовательно, за умышленное причинение смерти этим лицам или тяжкого вреда здоровью военнослужащие должны подлежать уголовной ответственности по ст. ст. 108 или 114 УК.

Причинение смерти боевикам при целенаправленном применении оружия и боевой техники на поражение, в том числе, наведение артиллерии, ракет на командные пункты, лагеря подготовки и объекты инфраструктуры террористических организаций, не может быть расценено как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. При указанных обстоятельствах априори отсутствует цель доставления задерживаемых преступников к органам власти, следовательно, отсутствует и условие правомерности причинения вреда, указанное в ст. 38 УК РФ.

Таким образом, дополнение главы 8 УК РФ новыми обстоятельствами, исключающими преступность деяния, признающими правомерным причинения вреда противнику в ходе проведения оперативно-боевых операций по противодействию терроризму, с очевидностью восполнило бы пробел, существующий в действительности.

Информация об авторе

***Козулина Диана Владимировна** – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.*

Электронный адрес: diana_kozulina@mail.ru

⁵ См. п. 5: О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 // Российская газета. 2012. № 227.

УДК 343.34
К 89

Р. Д. Кузнецов,

*студент 1 курса магистратуры
ЮИ ИГУ*

Вопросы квалификации действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды в уголовном праве России

В статье рассматриваются проблемные вопросы, которые возникают в правоприменительной практике при квалификации действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды.

Ключевые слова: экстремизм, свобода слова, возбуждение ненависти или вражды, социальная группа.

В последнее время активизировалась дискуссия относительно допустимых пределов реализации свободы слова и выражения мнения в особенности в киберпространстве, условный характер таких свобод очевиден в силу борьбы с дискриминацией по различным признакам.

В начале октября 2018 года Президентом РФ Владимиром Путиным был внесен в Государственную думу РФ законопроект, предусматривающий частичную декриминализацию ст. 282 УК РФ, предложенные поправки закрепили административную преюдицию, так, ответственность по данной статье будет наступать лишь в случае повторного совершения правонарушения в течение года после привлечения к административной ответственности. Многие представители правозащитных организаций, в том числе и Совета при президенте РФ указывают на несовершенство правовых механизмов привлечения к ответственности за преступления экстремистского характера. Критика ст. 282 УК РФ подкрепляется весьма «абсурдными» приговорами, которые связаны с размещением контента в социальных сетях, как правило, речь идет о картинках с подписями, которые могут быть восприняты в оскорбительном контексте. В большинстве случаев такие дела заканчиваются штрафами и условными сроками, тем не менее, судимость и внесение в список экстремистов являются неблагоприятными последствиями для граждан. Очевидным является тот факт, что намерение пользователей не всегда предполагает совершение противоправных действий, поэтому представляется разумным исключить необоснованное привлечение к ответственности простых граждан.

В международных актах неоднократно указывалось на важность борьбы с проявлениями экстремизма, однако говорилось и о значимости использования пропорциональных мер ответственности, а также недопустимости неоправданного ограничения свободы слова. Считаем, что проведенная реформа и частичная декриминализация ст. 282 УК РФ является оптимальным решением, при котором остается ответственность за очевидно опасные дея-

ния, а в отношении значительного количества дел будет применяться более гуманный метод.

Проблема интерпретации объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ заключается, во-первых, в абстрактной формулировке действий, вследствие которых достигается возбуждение ненависти и вражды. С позиции законодателя перечень действий не является исчерпывающим. Абстрактность формулировок действий, направленных на возбуждение вражды и розни, может повлечь за собой злоупотребление и неправильное применение со стороны следственных органов.

Верховный Суд в своем Постановлении от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹ указывает, что «... под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, насильственных переселений, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц». Исходя из легального толкования данного действия можно сделать однозначный вывод – практически невозможно перечислить перечень всех таких действий, это следует из употребления наречия «в частности», которое применяется для выделения из общего.

Совет по правам человека в своих Рекомендациях² по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения указывает на ошибочное или избыточно широкое толкование норм права, устанавливающих ответственность за экстремистские преступления. В связи с этим Совет выдвигает разумное предложение по сужению понимания абсолютно всей экстремистской деятельности, в том числе и в контексте ст. 282 УК РФ, так, по мнению Совета, для определений действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, необходимо использовать признак либо непосредственно применения насилия, а также угрозы его применения, или иная явная поддержка насилия по экстремистским мотивам. Безусловно, такое понимание действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, исключает возможность привлечения именно к уголовной ответственности за высказывания, которые реальной угрозы интересам общества не представляют, однако остается административная ответственность, которая будет способствовать предотвращению дискриминации по различным признакам в более гуманном поле.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Рекомендации Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека : сайт. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/4875/> (дата публикации: 22.08.2019).

Второй проблемой в юридической литературе выделяют момент окончания преступления. Большинство ученых придерживается мнения, согласно которому состав преступления ст. 282 является формальным, преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти или вражды. Однако ряд других исследователей придерживаются позиции усеченного состава, поскольку для оконченного состава не требуется наступления последствий в виде ненависти или вражды. В целом, диспозиция статьи предполагает совершение таких действий, которые, возможно в дальнейшем, будут восприниматься как действия, возбуждающие ненависть или вражду.

Следовательно, сама формулировка ст. 282 УК РФ вызывает ряд вопросов, поскольку данные действия, если буквально толковать диспозицию данной статьи можно совершить и на более ранних этапах преступной деятельности, к примеру, на стадии подготовки к преступлению, когда лицо производит или хранит у себя материалы экстремистского содержания, которые в будущем могут быть использованы для возбуждения вражды и ненависти. В данном конкретном случае лицо фактически совершает действия направленные на возбуждение ненависти и вражды путем изготовления экстремистских материалов. На основании вышесказанного представляется внести поправки в диспозицию статьи 282 УК РФ с целью устранить пробел в понимании момента окончания данного состава преступления. В данном случае необходимо руководствоваться признаком публичности и оконченным преступление будет являться лишь с момента начала распространения экстремистской информации.

Третьей проблемой представляется возможным назвать понимание признаков, по которым может возбуждаться ненависть и вражда. Наибольшие проблемы в практике вызывает вопрос о принадлежности к какой-либо социальной группе. Связанно это с тем, что в науке, как и в законодательстве, отсутствует единый подход в понимании социальной группы, отсутствуют также и единые критерии отнесения той или иной группы людей к какой-либо социальной группе. На практике признак отношения к социальной группе толкуется весьма широко. Первоначальной задачей внесения данного признака в диспозицию ст. 282 предполагалась защита самых незащищенных категорий населения, таких как лиц с ограниченными возможностями, оставшихся без средств к существованию и иных категорий.

Приведем пример из практики. Приговором Кировского областного суда, от 10 февраля 2009 г., были признаны виновными Г. и Л. обвиняемые в совершении убийства, по мотиву ненависти в отношении лиц, не адаптированных к жизни в гражданском обществе³. В данном случае, суд имел в виду лиц, оставшихся без определенного места жительства, и по данному крите-

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 1 апреля 2009 г. № 10-о09-6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

рию выделил таких лиц в отдельную социальную группу. В ходе судебного заседания, было установлено, что в процессе совершения преступления осужденные, совершая убийство Ш., использовали нецензурные выражения в отношении убитого и называли его «бомжем».

Заслуживающей внимания является позиция Костромского суда, который оправдал гражданина З., разъяснив, что «социальная группа предполагает наличие внутренней организации, общих целей деятельности, формы социального контроля, определенную сплоченность, общность интересов и т. д.»⁴. Представителей государственных служб, в том числе и работников правоохранительных служб, нельзя относить к социальным группам, поскольку их общность целей и внутренняя организация основана на профессиональных отношениях.

Другой пример, в г. Санкт-Петербург следственные органы прекратили уголовное преследование в отношении В. и Н. Спустя год после возбуждения дела следствие не нашло признаков преступления, предусмотренного пунктом «б» части 1 статьи 213 УК РФ, в действиях лиц, которые обвинялись в переворачивании автотранспорта правоохранительных органов во время акции «Дворцовый переворот» в сентябре 2010 года. Следствие пришло к выводу, что В. и Н. нельзя привлечь к уголовной ответственности за хулиганство по мотивам ненависти и вражды в отношении какой-либо социальной группы, поскольку «в настоящее время не существует единой точки зрения относительно того, относятся ли сотрудники правоохранительных органов к категории отдельной социальной группы»⁵.

Таким образом, применение термина «социальная группа» носит абстрактный характер и может повлечь за собой расширительное толкование диспозиции статьи 282 УК РФ. На практике, расширительное толкование признака «социальной группы» может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности.

Информация об авторе

Кузнецов Роман Драгославович – студент 1 курса магистратуры, Юридический институт Иркутского государственного университета (ЮИ ИГУ), г. Иркутск, м-рн Университетский, ул. Улан-Баторская, 10.

⁴Справка обобщения судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, а также об иных преступлениях, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы за 2010 год // Архив Верховного Суда Удмуртской Республики.

⁵Полиция-не социальная группа. Уголовное дело в отношении активистов арт-группы «Война» закрыто // Информационно-аналитический центр «Сова» : сайт. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/news/counteraction/2011/10/d22788> (дата обращения: 04.02.2020).

УДК 343.9
К 89

И. П. Кузьмин,

студент 4 курса
юридического факультета
СВФУ им. М. К. Аммосова

Перспективы внедрения институтов гражданского общества в систему профилактики преступности несовершеннолетних

В статье проводится анализ проблемы профилактики преступности несовершеннолетних, изучается статистика преступности несовершеннолетних в Республике Саха (Якутия). Дается общая характеристика отечественной системы профилактики преступности несовершеннолетних по сравнению с зарубежными аналогами. На основании вышеперечисленного автор делает вывод о необходимости внедрения институтов гражданского общества в систему профилактики преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: профилактика преступности несовершеннолетних, гражданское общество, субъект профилактики, преступность несовершеннолетних, девиантное поведение.

Профилактика преступности несовершеннолетних всегда играла важную роль в системе профилактики в целом, поскольку установлено, что чем в более раннем возрасте человек совершил преступление, тем выше вероятность совершения им в будущем нового преступления¹.

В целях ее обеспечения законодателем принят ряд нормативно-правовых актов, таких как отдельно взятые нормы об охране детства, семьи, прав и законных интересов несовершеннолетних, а также различных положений соответствующих органов профилактики².

Передовым актом в этой системе является № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», устанавливающий основы правового регулирования профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также перечень органов и учреждений данной системы и отдельные процедуры их деятельности, что по задумке законодателя должно было обеспечить их полноценную работу³.

Однако, несмотря на такую колоссальную законодательную базу, ста-

¹ Беженцев А. А. Особенности нормативно-правового регулирования государственной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2. С. 39.

² Кужугет М. Т-О. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних // Вестник Туvinского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 27.

³ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ : в ред. от 26 июля 2019 г. № 232-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статистика показывает, что профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних не позволяет достичь желаемого эффекта за период с января по ноябрь 2019 года на территории Республики Саха (Якутия) несовершеннолетними лицами было совершено 390 преступлений, что выше аналогичного показателя предыдущего года, который составлял 381, из чего можно прийти к выводу, что преступность несовершеннолетних остается на стабильно высоком уровне⁴.

Одной из причин данной проблемы является то, что современная система видит в несовершеннолетнем правонарушителе социального элемента, который представляет общественную опасность, вследствие чего она больше направлена на применение в отношении него и его законных представителей различных санкций дисциплинарного и административного характера, а не на выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению им антиобщественных действий, его моральное оздоровление и воспитание.

Но в то же время нельзя нивелировать значимость государственных и муниципальных органов и учреждений в системе профилактики, поскольку ими выполняются все возложенные на них федеральным законодательством функции, однако деятельность одних лишь их не способна обеспечить выполнение основных задач профилактики.

По этой причине нужно прийти к выводу, что на данный момент необходимо внести те или иные изменения в систему профилактики преступности несовершеннолетних, поэтому мы предлагаем внедрить в данную систему гражданские общественные институты.

Данную позицию можно обосновать тем, что граждане в Российской Федерации и в частности несовершеннолетние лица изначально негативно настроены по отношению к государственным органам и должностным лицам, что в принципе не позволяет субъектам профилактики реализовать свою функцию. В свою очередь, развитие механизмов осуществления гражданской активности поспособствовало бы тому, что несовершеннолетние под влиянием различных общественных движений и объединений, вступили бы в разнообразные процессы, в результате чего получили возможность самореализоваться в них, что снизило бы уровень их преступности.

Однако состояние развития гражданского общества в России не позволяет внедрить меры профилактики в краткосрочной перспективе, потому что для этого не проведена подготовительная работа в виде создания и учреждения соответствующих органов и объединений. Также отсутствие какого-либо адекватного опыта в данной сфере вынуждает нас в первую очередь обратиться к зарубежной практике профилактики преступности несовершеннолетних.

Ряд государств в целях профилактики преступности несовершеннолет-

⁴ Статистика // Прокуратура Республики Саха (Якутия). URL: <http://proksakha.ru> (дата обращения: 30.01.2019).

них считает нужным оградить их от вступления в конфликт с законом, развить уровень правового сознания и культуры и улучшить социально-бытовые условия, поскольку установлено, что репрессивные меры со стороны государственных учреждений чаще всего приводят к еще большим негативным последствиям⁵.

Стоит обратить внимание на практику профилактической работы с подростками в Нидерландах и Швейцарии, где она является важным компонентом деятельности социальных служб. В этих странах существуют так называемые «группы риска», куда входят подростки, поставленные на профилактический учет в связи с совершением ими антиобщественных действий, а также те, кто по тем или иным причинам, таким как, допустим, низкая успеваемость ребенка в учебе, наличие у него первоначальных признаков девиантного поведения, происхождение из неблагополучной семьи, имеют риск совершить правонарушение. В ходе работы с данной группой большее значение уделяется преимущественно воспитательным методам воздействия, направленным на его социализацию, а в некоторых случаях и ресоциализацию, а также прививания ему социально допустимого и правомерного поведения путем проведения с ним бесед, совместного досуга, привлечения к участию на добровольных началах в различных общественных, культурно-массовых, спортивных и научных мероприятиях, кружках и секциях.

Необходимо отметить, что подобная социально важная функция осуществляется специальными бюро, являющимися сугубо частными, что позволяет индивидам, не загоняя самих себя в рамки, установленные протоколом, выстраивать между частным социальным работником с подростком отношения между собой так, как они оба посчитают нужным, что, несомненно, позволяет им установить определенный уровень доверия.

В свою очередь, в Японии также пришли к подобному выводу, о чем свидетельствует деятельность так называемой ассоциации «старших братьев и сестер» – молодежной общественной организации, которая оказывает дружеское воспитательное воздействие, проводя с проблемными подростками и детьми, находящимися в зоне риска, беседы на различные темы, не всегда связанные именно с правомерным поведением, организуя для них досуг. Отмечается, что их деятельность более эффективна по сравнению с нравоучениями старшего поколения или представителей уполномоченных органов⁶.

Справедливости ради надо заметить, что в России действует аналогичная межрегиональная организация – «Старшие Братья Старшие Сестры» - члены которой на добровольных началах осуществляют наставничество над детьми, оставшихся без попечения родителей, и детьми, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

К сожалению, деятельность данной программы очень сильно ограниче-

⁵ Гусейнов А. Б. Профилактика правонарушений несовершеннолетних за рубежом // Теория и практика общественного развития. 2010. № 3. С. 187.

⁶ Воеводина О. А., Шабалин О. М. Отечественный и зарубежный опыт организации профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник НАСА. 2009. № 1 (5). С. 133.

на финансово и территориально, из-за чего она действует лишь в Москве, Московской и Тульской областях, а также в Санкт-Петербурге.

Повсеместное учреждение филиалов данной организации либо ее местных аналогов позволило бы установить институт наставничества над детьми, которые состоят на учете в ПДН, либо входят в группу риска или нуждаются в дополнительной поддержке.

Введение института наставничества в школах также позволило бы снизить вероятность совершения несовершеннолетними преступлений, поскольку наиболее авторитетные и примерные ученики старших классов могли бы служить примером для подрастающего поколения, прививать им любовь к учебе, науке, спорту, активной жизненной позиции. Естественно, подобное наставничество должно быть как можно более независимым от администрации и политики образовательного учреждения и неформальным.

На основании вышеизложенного мы пришли к выводу, что учреждение подобных организаций по России, и в частности, в Республике Саха (Якутия), позволило бы заметно снизить уровень преступности несовершеннолетних в стране, поскольку установлено, что деятельность гражданского общества и неформализованных структур на несовершеннолетнего гораздо больше, чем деятельность государственных органов и учреждений профилактики преступности несовершеннолетних.

Информация об авторе

Кузьмин Иван Петрович – студент 4 курса, Северо-восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (СВФУ им. М. К. Аммосова). 677027, г. Якутск, ул. Белинского, 58. Телефон: 89142942366. Электронный адрес: iakuzmin@inbox.ru

УДК 343.2

М 25

М. С. Маранц,

С. В. Севостьянова,

*Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Нравственные начала в уголовном праве Российской Федерации

В статье анализируются возможности реализации нравственных основ в уголовном праве на правотворческом, правоисполнительном и правоприменительном уровнях. На основании анализа норм уголовного законодательства предпринята попытка определить нравственное содержание Уголовного кодекса Российской Федерации. Авторы обосновывают необходимость присутствия нравственных начал при назначении наказания как необходимого уголовно-правового средства реализации идей справедливости, заложенных в принципах уголовного права и судопроизводства.

Ключевые слова: мораль, нравственность, норма права, уголовный закон, уголовное право.

1. Нравственность в современных условиях довольно часто используется для характеристики взаимоотношений людей, их социальной жизни, в том числе и в Российской Федерации. И это понятно, поскольку важная роль в регулировании социального поведения личности отводится нормам нравственности, которые регламентируют, прежде всего, не урегулированные нормами права общественные отношения. Они опираются на распространённые в обществе взгляды, убеждения, нормы поведения и направлены на развитие самосознания индивидов.

Большое значение имеет и общественное мнение, которое одновременно и основывается на нормах нравственности, и оказывает воздействие на них, формируя мораль. Именно поэтому возникают такие ситуации, когда аморальные поступки людей вызывают большее осуждение, чем различные правонарушения и даже отдельные преступления. Полагаем, что распространённое сегодня в нашем обществе утверждение «разрешено все, что не запрещено законом» не способствует формированию нравственного поведения, ведь обязательных законов в области морали не существует, и, как справедливо отмечает А. А. Миголатьев, может быть санкционирована «антимораль», не запрещенная законом. Таким образом, право и нравственность, основанные на них нормы, – взаимодополняющие друг друга социальные регуляторы общества.

2. Вполне обоснованно можно утверждать, что уголовно-правовые нормы возникли на основе нравственных норм, поскольку изменяются общественные условия взгляды, и законодатель вслед за ними преобразует отдельные нравственные нормы в уголовные. Следовательно, соотношение предписаний норм морали и нравственности, с одной стороны, и уголовно-правовых норм, с другой, – характеризуется прочной взаимосвязью, потому что именно в уголовном праве непременно должны реализовываться идеи справедливости, равенства и гуманизма, то есть то, на чем строится нравственность. Эти начала находят свое выражение в определении задач и принципов уголовного законодательства, в построении основных институтов уголовного права, в построении санкций, в порядке назначения наказания.

3. Уголовно-правовые санкции – наиболее жесткие из всех правовых санкций и, как правило, порождают судимость. Применительно к институту наказания в уголовном праве можно сказать о том, что преступление – это самая крайняя стадия безнравственного общественно опасного противоправного поведения человека и, следовательно, наказание за него должно считаться, с точки зрения морали, нравственным, справедливым. Думается, именно поэтому возмездие в уголовном праве длительное время отождествлялось со справедливостью. Так, Н. С. Таганцев полагал, что «отмщающее земное правосудие есть восстановление господства нравственной силы спра-

ведливости уничтожением или страданием восставшего против этого»¹. Справедливо также замечание А. И. Рарога: «Без кары уголовное наказание утрачивает свой смысл, не может рассматриваться как принудительное средство в борьбе с преступностью ...»².

Устанавливая уголовную ответственность за совершение тех или иных деяний, законодатель основывается на господствующих в данном обществе нравственных воззрениях. К нормам нравственности приходится обращаться и при применении норм Особенной части УК РФ с целью раскрытия смысла того или иного элемента состава преступления. Например, когда речь идет о жестоком обращении с несовершеннолетними (ст. 156 УК РФ), истязании (ст. 117 УК РФ), клевета (ст. 128¹ УК РФ). Раскрыть эти понятия и составы преступлений, можно только обратившись к нормам нравственности, запрещающим бесчеловечное и унижительное, оскорбляющее отношение к человеку. Нравственные критерии имеют большое значение и для применения уголовно-правовых норм. К примеру, такой вид наказания, как смертная казнь, противоречащий нравственной направленности наказания, постепенно изживает себя, длительное время не применяется в Российской Федерации.

4. Эффективность уголовно-правовых норм во многом зависит от того, насколько в обществе осуждается то или иное деяние, запрещенное данными нормами. Уголовно-правовые нормы не действуют или действуют неэффективно, если они противоречат общественному мнению и нормам нравственности. Ярким примером может послужить известный резонансный случай, хотя его обстоятельства и не носят явно выраженного уголовно-правового характера.

17 августа 2016 г. молодые люди выложили видеозапись в социальную сеть Instagram в аккаунте richrussiankids («Богатые русские дети»), где некий представитель этой самой «золотой» молодежи, разъезжал на автомобиле люксовой марки по парку Музеон, расположенному в самом центре Москвы. Подпись к публикации была вызывающая: «когда хочется погулять в парке, но лень выходить из машины». Стоит отметить, что на этой страничке данная запись была не единственной демонстрацией нарушения законов. Представители правоохранительных органов сообщили, что запись подпадает лишь под действие статьи «Нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона». Наказание по этой статье – штраф в размере 2 тысяч рублей. Данное происшествие вызвало бурную реакцию в обществе, пользователи социальных сетей активно обсуждали, почему за столь явное пренебрежение не только к закону, но и к остальным членам общества, нарушители подлежат лишь штрафу в столь незначительном для них размере. Любопытно, что и сами нарушители высмеяли такой штраф и такую меру. Таким образом, в данной ситуации наказание, наложенное на нарушителей, является неэффективным и несправедливым,

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. [Б. м.], 1902. С. 887.

² Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Москва : Проспект, 2013. С. 170.

так как противоречит общественному мнению, которое, в свою очередь, опирается на нормы нравственности. Думается, было бы более правильным в подобных случаях устанавливать уголовную ответственность.

Информация об авторах

Маранц Мария Станиславовна – студентка 2 курса, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Институт прокуратуры, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9. Электронный адрес: *marusy00@list.ru*.

Севостьянова Софья Валерьевна – студентка 2 курса, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Институт прокуратуры, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, дом 9. Электронный адрес: *sevostianova_sv@mail.ru*

УДК 343.2
М 64

А. Г. Мирошниченко,
студент 4 курса
СПбЮИ (ф) УП РФ

О проблеме определения момента окончания преступления с административной преюдицией на примере ст. 212¹ УК РФ

Статья посвящена вопросу момента окончания деяния, подлежащего уголовной ответственности по ст. 212¹ УК РФ. В частности, рассматриваются проблемы цели применения административной преюдиции, специального рецидива.

Ключевые слова: административная преюдиция, рецидив, материальный состав, неоднократное нарушение, демонстрация.

Одной из форм участия населения в политической жизни государства является проведение публичных мероприятий: собраний, митингов, демонстраций, шествий и др. Конституция РФ в ст. 31 закрепляет право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Данное право в настоящее время активно реализуется – наблюдается общий и сезонный рост количества протестов, обусловленных прежде всего политической напряжённостью¹. Подобные мероприятия неизбежно сопровождаются общественно-опасными деяниями граждан. На подобную активность следует негативная реакция государства, что выражается в придании подобным общественно-опасным деяниям форм административного нарушения и уголовного преступления. В научных кругах неко-

¹РБК. Эксперты заявили о резком росте числа протестов в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2017/596375709a7947363a3a9d94> (дата обращения: 05.03.2020).

торые исследователи (например, политолог, доктор исторических наук Сергей Караганов), сложившуюся обстановку характеризуют политизацией российского общества, также обращая внимание на увеличившееся количество политических протестов².

Не отрицая важности права человека на справедливое судебное разбирательство в любой сфере, нельзя отрицать, что повышенное общественное внимание к вышеописанному феномену обязывает государственные органы (законодательные, правоприменительные, судебные) крайне внимательно подходить к конструированию и применению норм об ответственности.

Новизна и ряд спорных решений, принятых при конструировании нормы, породили множество вопросов, связанных с теоретическим обоснованием механизма, практическими проблемами реализации, а также собственно необходимостью уголовной ответственности за свершение вышеназванного общественно опасного деяния.

К тому же существует Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212¹ Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» и снабжённое официальной позицией по вопросу административной преюдиции – открывается простор для дискуссии на предмет эффективности применения ст. 212¹ УК РФ и возможной коррекции уголовного закона.

Преступление является поведенческим актом, деянием, имеет определенные временные границы, начало и завершение. Правильное их установление имеет первостепенное значение для квалификации. Для того чтобы констатировать наличие в деянии состава преступления, необходимо определить, достигнут ли момент окончания преступления, под которым обычно понимается момент, когда в деянии получают свое отражение все признаки, содержащиеся в составе преступления. Данное положение следует из законодательно закрепленной в ч. 1 ст. 29 УК РФ дефиниции оконченного преступления. В науке уголовного права оконченные преступления в зависимости от их конструкции делятся на материальные, формальные и усеченные³.

Прежде всего, стоит обратить внимание на тот факт, что в ранее упомянутом Постановлении Конституционный Суд определил состав преступления, предусмотренный статьёй 212¹ УК РФ, как материальный – если нарушение порядка организации или проведения публичного мероприятия лицом, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшимся к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьёй 20.2 КоАП Российской Федерации, имело формальный характер и не повлекло за собой наступления или реальной угрозы наступления указанных негативных последствий, на-

² Вспоминая революции // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2019/08/21/karaganov-budet-grustno-esli-my-vnov-nachnem-revoliucionnoe-samoedstvo.html> (дата обращения: 05.03.2020).

³ Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Кемерово, 2012. 188 с.

ступление уголовной ответственности за такое нарушение, мотивированное лишь неоднократностью совершения, выходит за границы допустимого уголовно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина»⁴.

В свою очередь, становление данного состава преступления как фактически материального порождает ряд противоречий, возникающих при квалификации. Ранее для криминализации общественно-опасного деяния, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, требовалось подтвердить трехкратное совершение любого из этих деяний – составы этой статьи были формально тождественны по степени общественной опасности, по своему «весу», необходимому для криминализации деяния. Но после изменений, внесённых Конституционным Судом в толкование уголовно-правовой нормы, релевантность данного положения следует поставить под сомнение.

Как было указано ранее, основным критерием для криминализации деяния является наличие общественно опасных последствий в виде причинения или реальной угрозы причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Возникает вопрос, должно ли изменяться количество предшествующих правонарушений, необходимых для криминализации, в зависимости от наличия или отсутствия у них общественно-опасных последствий. Например, лицо, совершившее три правонарушения, предусмотренных ч. 1 ст. 20.2 КоАП РФ (нарушение организатором публичного мероприятия установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) и совершившее в четвёртый раз правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ (деяния, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 20.2 КоАП РФ, повлекшие причинение вреда здоровью человека или имуществу, если они не содержат уголовно наказуемого деяния) будет представлять меньшую общественную опасность, чем лицо, совершившее четыре раза подряд правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ.

Однако оба нарушителя понесут уголовную ответственность за равное количество нарушений. С учётом введённых Конституционным Судом новаций представляется разумным пересмотреть количество ранее совершённых административных правонарушений, необходимое для привлечения лица к уголовной ответственности с административной преюдицией.

При наличии общественно опасных последствий в правонарушении следующее подобное правонарушение следует оценивать с точки зрения уголовно-правового закона, а количество формальных составов оставить неизменным в количестве трёх.

Вместе с тем, возникает проблема определения степени общественной опасности в объективной стороне правонарушения, её достаточности для утверждения о причинении или реальной угрозы причинения вреда здоровью

⁴Эксперты заявили о резком росте числа протестов в России // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2017/596375709a7947363a3a9d94> (дата обращения: 05.03.2020).

граждан, имуществу лиц, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Также стоит заметить, что законодателем не освещается проблема специального рецидива (совершение умышленного преступления имеющим судимость лицом за ранее свершенное умышленное тождественное (однородное) преступление⁵).

Лицо, ранее осужденное по ст. 212¹ УК РФ после свершения нарушения, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, не может быть вновь и сразу привлечено к уголовной ответственности, так как в примечании к указанной статье УК РФ и в Постановлении Конституционного Суда указано, то лицо можно подвергнуть уголовному преследованию, если оно ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекалось к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные статьей 20.2 КоАП Российской Федерации. В то же время Конституционный Суд РФ определил, что неоднократное совершение лицом однородных административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям.

Информация об авторе

Мирошниченко Антон Геннадьевич – студент 4 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПб ЮИ (ф) УП РФ).

**УДК 343.2
М 82**

Г. А. Москалев,
*студент 2 курса
СПб ЮИ (ф) УП РФ*

Проблемы назначения наказания в виде ограничения свободы

Аннотация: в статье анализируется институт ограничения свободы в уголовном праве. Отмечается со ссылкой на позиции исследователей недостатки правовой регламентации данного института, его места и назначения. Приводится предложение об изменении и дополнении законодательства.

Ключевые слова: ограничение свободы, правовая регламентация, несовершенство законодательства.

⁵ Сипягина М. Н. Судимость как квалифицирующий признак состава преступления в современном уголовном законодательстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 1. С. 78.

В настоящее время уголовная политика в России направлена на то, чтобы достичь цели наказания, не изолируя человека от общества. Под влиянием пространства в местах заключения (норм тюремного закона, пребывания в изоляции от общества, требований администрации исправительного учреждения) детерминируется процесс десоциализации личности преступника¹, что может привести к совершению рецидивов.

Так, в 2018 году было осуждено 658 291 человек, среди них имели не снятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения за преступления, связанные с лишением свободы – 141 376 человек². Отсюда можно сделать вывод, что большое количество преступлений совершают люди, которые были в прошлом подвергнуты наказанию в виде лишения свободы. Суды учитывают данный факт и стараются назначать наказания, в основном, не связанные с лишением свободы. Из 658 291 только 190 325 человек приговорены к реальному лишению свободы. Среди перечня видов наказаний существует такой вид меры государственного принуждения как ограничение свободы. Однако, смотря на общее небольшое количество назначений: 23 009 как основное наказание и 8 905 – как дополнительное, – можно сделать вывод об определенных недостатках его правовой регламентации, что находит отклик у многих ученых³.

Основные характеристики наказания в виде ограничения свободы закреплены в ч. 1 ст. 53 УК РФ и его содержание состоит в установлении судом осужденному ряда ограничений. Вместе с тем, обязательно должны быть установлены ограничение на изменение места жительства или пребывания и ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия уголовно-исполнительной инспекции, а также должна быть возложена обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации⁴.

Мы поддерживаем позицию Миняевой Т. Ф. и Добрякова Д. А., которые указывают на концептуальную схожесть таких мер уголовно-правового характера как отсрочка от отбывания наказания и условное осуждение. Они

¹ Долгополов К. А. Рецидив преступления как результат неэффективности уголовного наказания // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsdiv-prestupleniya-kak-rezultat-neeffectivnosti-ugolovnogo-nakazaniya> (дата обращения: 19.02.2020).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Пермиловская Е. А. Назначение наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/naznachenie-nakazaniya-v-vide-ogranicheniya-svobody-2> (дата обращения: 20.02.2020).

Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Ограничение свободы как альтернатива лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 20.02.2020).

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 : ред. от 18 декабря 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

подчеркивают, что их название не соответствует их содержанию, так как в случае условного осуждения суд устанавливает всего лишь правоограничения (условия) для осужденного лица. В случае с отсрочкой от отбывания наказания при выполнении поставленных перед осужденным условий он в соответствии с ч. 3 ст. 82 УК освобождается от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости либо ему заменяют оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания. Таким образом, авторы утверждают, что условное осуждение и отсрочка от отбывания наказания являются по своей сути ограничением свободы⁵. Данный же вид наказания по своему содержанию напоминает иные меры уголовно-правового характера, которые выражаются в лишении или ограничении прав и свобод лица⁶.

Несмотря на довольно длительный период применения ограничения свободы в уголовном праве России существуют некоторые проблемы, связанные как с назначением, так и с исполнением данного вида наказания.

Так, например, в судебной практике возникают проблемы с определением «соответствующего муниципального образования». Так, В. был осужден к 2 годам ограничения свободы. Суд установил осужденному ряд ограничений, связанных с запретом на выезд за пределы территории муниципального образования по месту жительства осужденного без согласия специализированного государственного органа, не конкретизировав территорию, за которую В. запрещалось выезжать. Суд апелляционной инстанции приговор изменил и установил пределы территории муниципального образования – ГО «Воркута»⁷.

Кроме того, суды зачастую не указывают в приговоре конкретный перечень ограничений свободы, предусмотренный ч. 1 ст. 53 УК РФ. Например, суд апелляционной инстанции исключил из приговора указание на назначение К. указанного дополнительного наказания. Основанием для изменения приговора в отношении К. послужило нарушение судом первой инстанции положений ст. 53 УК РФ при назначении ему дополнительного наказания в виде ограничения свободы, поскольку предусмотренные ч. 1 ст. 53 УК РФ обязательные ограничения осужденному при назначении наказания за преступление установлены не были, они были установлены только при назначении наказания по правилам ст. 70 УК РФ⁸.

Ограничение свободы, как уже было отмечено, относится как к основным, так и к дополнительным видам наказания. Целью данной меры государственного принуждения выступает установление надзора за лицом, которое

⁵ Миняева Т. Ф., Добряков Д. А. Ограничение свободы как альтернатива лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-svobody-kak-alternativa-lisheniyu-svobody> (дата обращения: 20.02.2020).

⁶ Миняева Т. Ф., Зеленцов А. Б. Разные виды ограничения свободы в уголовном праве России // Общество и право. 2012. № 1 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raznye-vidy-ogranicheniya-svobody-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 05.03.2020).

⁷ Обзор апелляционной практики по уголовным делам за март 2019 года : подготовлен Верховным судом Республики Коми. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Обзор апелляционной практики по уголовным делам за март 2019 года ...

уже отбыл основное наказание, с целью не допустить совершения нового преступления. При этом исследователи подчеркивают, что ограничения свободы в качестве дополнительного наказания дублирует административный надзор как институт специальной превенции. Поэтому предлагается исключить ограничение свободы из видов дополнительного наказания⁹.

Необходимо отметить, что уголовное и уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующие ограничение свободы, не согласуются в некоторых моментах. Согласно ч. 1 ст. 50 УИК осужденный обязан отбывать наказание по месту своего жительства, однако встает вопрос, каким образом отбывать наказание, если осужденный не имеет постоянного места жительства. Отбывать наказание по месту пребывания он не может в силу прямого указания закона.

При этом могут возникать определенные вопросы о вменении лицу ч. 1 ст. 314 УК РФ за злостное уклонение осужденного к ограничению свободы (в качестве дополнительного вида наказания) от отбывания наказания. Вместе с тем указывается, что в подобных случаях не следует признавать лицо злостно уклоняющимся от отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы в силу отсутствия деяния, содержащего признаки состава преступления¹⁰. Ввиду этого ученые предлагают дополнить норм ч. 1 ст. 50 УИК РФ в части возможности отбывания наказания не только по месту жительства, но и по месту пребывания¹¹.

Несмотря на вышеприведенные недостатки уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в настоящее время наказание за преступления небольшой и средней тяжести в виде ограничения свободы (в качестве основного) обладает преимуществом перед лишением свободы, так как не прерывает связи осужденного с социумом, а также не требует огромных расходов государства на поддержание системы изоляции преступника от общества. Вследствие чего следует законодательно усовершенствовать регламентацию данного вида наказания.

Информация об авторе

Москалев Георгий Александрович – студент 2 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПбЮИ (ф) УП РФ).

191104, г. Санкт-Петербург, ул. Литейный проспект, 44.

Электронный адрес: juf-spb@mail.ru.

⁹ Ходжалиев С. А. Теория и практика ограничения свободы как вида наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Курск, 2019. С. 9–10.

¹⁰ Зарубин А. В. Уголовно-правовая оценка уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ) // Криминалистика. 2016. № 1 (18). С. 18.

¹¹ Комбаров Р. В. Правовое положение лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2015. С. 185.

УДК 343.7
Н 34

Е. И. Никифоров,

студент 4 курса

*Иркутский институт (филиал) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

**Некоторые вопросы квалификации легализации доходов,
полученных преступным путем**

В данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы об уголовно-правовой оценке легализации (отмывании) доходов, которые были получены преступным путём. Автором анализируется Постановление Пленума Верховного Суда № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». Также анализируется содержание действий, составляющих объективную сторону этого состава преступления.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; противодействие; уголовная ответственность.

На основе дискуссионных вопросах о противодействии легализации преступных доходов в Российской Федерации (далее – РФ) принятие Пленумом Верховного Суда РФ специального постановления от 7.07.2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹ (далее – Постановление № 32) явилось важным событием. Необходимость подобной правоприменительной модернизации объясняется как внутренними национальными интересами, так и принятыми на себя международными обязательствами в данной сфере.

В связи с отсутствием практики по «антиотмывочным» статьям, а также общее небольшое количество (число) осужденных за легализацию преступных доходов (по статистике, на период 10.10.2019 г. – всего 267 человек, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ)², по оценкам специалистов, несомненно, станут негативными показателями правоприменительной практики по данной категории дел и свидетельством того, что преград для легализации преступных доходов и финансирования терроризма в нашей стране до сих пор не создано. Приведенные статистические данные

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : пленум Верховного Суда Рос. Федерации от 7 июля 2015 г. № 32. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Судебный департамент Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 12.11.2019).

также свидетельствуют и о высоком уровне латентности данных преступлений, что связано со скрытостью субъектов и конечных бенефициаров их совершения, а также областью совершения — преступления в экономической сфере представляют большую сложность для расследования в отличие от общеуголовных преступлений.

Именно этим можно объяснить не только внимание Пленума ВС РФ к источникам опасности, создаваемым легализацией преступных доходов, и правовым основам противодействия ей, но и толкование соответствующих норм явно не в пользу лиц, привлеченных за данные преступления.

Так или иначе, принятие Постановления № 32 нужно оценивать как положительное явление, потому что данный акт объединяет разъяснения аспектов уголовной оценки легализации и смежного с ней приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, и ограничения от них проблемы, которые были связаны с незаконными предпринимательством.

Но вопрос о том, является ли Постановление № 32 действительно новым подходом правоприменителя, остается открытым и на сегодня. Прежде всего, в постановлении имеется закрепление перечня доходов, приобретенных преступным путем. Так, незаконно полученным имуществом считается не только то, что было добыто в результате совершения преступления (например, хищение), но и то, что получено в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление (например, убийство по найму), либо плата за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте.

Самым важным моментом является указание на то, что под понятием легализации доходов, полученных преступным путем, предполагают не только любые сделки и операции с денежными средствами, но и действия, направленные на создание видимости заключения сделок.

Так или иначе, указанные финансовые операции, сделки и действия, создающие видимость их осуществления, должны быть направлены на маскировку связи легализуемого имущества с преступным источником его происхождения и на придание правомерного вида владению, пользованию, распоряжению им. Но такой важный аспект, который охватывает доказывания цели таких действий, вылился в весьма неудачный общий перечень возможных нарушений, большинство из которых связаны с фирмами (организациями)-однодневками, подставными лицами, не осведомленными о фактическом характере совершаемых действий, обналичиванием и выводом денежных средств. О самой цели легализации преступно полученных денежных средств или имущества может свидетельствовать и приобретение недвижимого имущества, произведений искусства, предметов роскоши и т. п.

Осознав опасность подобного произвольного толкования органами предварительного следствия и судом большинства использованных Верховным Судом далеко не юридических конструкций (например, «произведения

искусства», «предметы роскоши», т. п.)³, Постановление № 32 дает разъяснение, что совершение указанных финансовых операций или сделок само по себе не может предрешить выводы суда о виновности лица в легализации, поскольку этот вопрос должен решаться в каждом случае индивидуально с учетом всех обстоятельств дела. Так же, распоряжение денежными средствами и иным имуществом, приобретенными преступным путем, в целях личного потребления свидетельствуют, что умысел на легализацию преступных доходов отсутствует.

Юристы-практики заметили, что последнее допущение фактически является одной из лазеек, которые позволяют избежать уголовной ответственности за легализацию.

Например, вкладывание преступных доходов в приобретение недвижимости для целей личного проживания. Вариантов много, стоит лишь упомянуть экономическую целесообразность сделок как одно из свидетельств наличия или отсутствия цели как элемента состава преступления. Вводить в правовое регулирование подобную оценочную категорию вряд ли оправданно, если принимать во внимание, что в большинстве случаев целесообразность экономических и финансовых сделок и операций устанавливается посредством дорогостоящих экспертиз.

В Постановлении № 32 уделяется внимание вопросу о преступном источнике происхождения легализуемого имущества, хотя проблем, в связи с этим на практике не убавится. Так, не вызывает сомнений обоснованность рекомендаций п. 4 Постановления № 32, согласно которой вывод суда о преступном характере приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению, где виновный стремится придать правомерный вид, наряду с иными материалами уголовного дела может основываться на обвинительном приговоре по делу об основном преступлении. Это вполне согласуется как конституционно гарантированной презумпцией невиновности, так и с тем, что легализация денежных средств, по своей сути, является вторичным преступлением, следовательно, для его уголовно-правовой оценки (анализа) требуется предварительный вывод суда о преступном характере предшествующего ему основного деяния, являющегося источником возникновения денежных средств или имущества.

Таким образом, для установления факта легализации денежных средств или иного имущества, приобретенного в результате совершения преступления, необходимо признать факт совершения деяния, попадающего под признаки преступления, предусмотренного особенной частью УК РФ, в результате которого были получены денежные средства или иное имущество, которые были легализованы⁴.

Также стоит отметить, обозначенные проблемы легализации (отмыва-

³ Варюха А. О., Сурженко Л. В. Современные угрозы экономической безопасности России // Молодой ученый. 2016. № 8. С. 23.

⁴ Шашкова А. В. Борьба с легализацией незаконных доходов в контексте соблюдения конституционных прав граждан. Москва : МГИМО-Университет, 2013. С. 79.

ния) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, являются лишь некоторыми, но весьма актуальными на сегодняшний день.

Информация об авторе

Никифоров Егор Игоревич – студент 4 курса, Иркутский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, e-mail: e.nikiforoff2012@yandex.ru).

УДК 342.7

Н 63

Д. Е. Николайчук,

студентка 4 курса
ФГБОУ ВО «ВГУЭС»

Право человека на жизнь и эвтаназия

Статья посвящена анализу особенностей сущности конституционно провозглашенного права каждого человека на жизнь, выявлению особенностей его содержания. В данной статье рассматриваются некоторые проблемы его защиты. Также анализируется вопрос осуществления эвтаназии.

Ключевые слова и словосочетания: сущность, право, жизнь, человек, защита.

Непосредственно право на жизнь является правом, предоставляемым каждому человеку с момента его рождения, что гарантируется положениями ряда международно-правовых актов (в частности, например, Всеобщая декларация прав человека 1948 года⁵, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года⁶, иные), а также конституционно провозглашенными положениями⁷.

Прежде всего, следует определиться с толкованием некоторых употребляемых категорий: так, до сих пор на доктринальном уровне ведутся дискуссии о том, что надлежит понимать под дефиницией «жизнь». Так, с физиологической точки зрения (или же с позиции медицины (анатомии), жизнь

⁵ Всеобщая Декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.11.2019).

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : принята в Риме 04 ноября 1950 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.11.2019).

представляет собой единственно возможную форму существования (функционирования) человеческой материи, закономерно возникающая при наличии совокупности необходимых к тому условий в процессе эволюции. Однако медицинское понимание рассматриваемой нами категории неразрывно и тесно связано с ее пониманием с позиции юриспруденции, согласно чему она представляет собой форму реализации биологической жизни человека, проявляемая в его участии в совокупности общественных отношений⁸. Более того, акцентируем свое внимание на то, что определение термина «жизнь» в правовой науке представляет особую сложность, что, в первую очередь, связывается с необходимостью четкого и категоричного установления момента ее начала и прекращения.

Так, в подавляющем большинстве государств мира на законодательном уровне момент начала жизни человека непосредственно связывается с моментом его рождения (то есть, физиологического отделения от организма матери (обратим свое внимание на то, что Российская Федерация в данном вопросе не стала исключением из общепринятого правила)). Однако же в ряде стран, выступающими яркими противниками производства аборт, а также проведения научных экспериментов со стволовыми клетками нерожденных детей, которые вследствие их забора гибнут в утробе матери, момент начала жизни человека связывается не с моментом его рождения, а с момента его зачатия женщиной и мужчиной, являющимися его биологическими родителями.

На территории российского государства действующая Конституция провозгласила закрепление абсолютно за каждым человеком неотъемлемого права на жизнь, которое фактически представляет собой официально признаваемое государством право человека на рождение, достойное и комфортное существование, гарантированное на конституционном уровне вплоть до наступления биологической смерти человека (то есть, прекращения его жизни). Непосредственно момент возникновения жизни человека в России связывается с фактом рождения человека (то есть, с физиологическим отделением плода от организма матери), что подтверждается положениями, действовавшими ранее и действующих по сей день подзаконных актов. Так, согласно положениям ранее действующего Приказа Министерства здравоохранения РФ № 73, принятого 04 марта 2003 года, получившего название «Об утверждении Инструкции по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий», момент начала жизни человека всегда связывается исключительно с моментом начала физиологических родов (непосредственно, отделения плода от организма матери), а момент прекращения жизни человека связан исключительно с моментом наступления его биологической смерти (то есть, с моментом гибели

⁸ Пасмарнова В. Е. К вопросу о понятии права на жизнь // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4. С. 108–115.

головного мозга)⁹. Собственно, аналогичные положения содержатся и в тексте Постановления Правительства РФ № 950, принятого 20 сентября 2012 года¹⁰, а также в содержании вновь принятого Приказа Министерства здравоохранения РФ № 908н от 25.12.2014 г.¹¹

Достаточно спорным остается также вопрос о возможности предоставления права на эвтаназию на территории различных государств мира: ставится под сомнение, а не нарушается ли в данном случае, права человека на жизнь. Между тем в виду того, что в конвенционных положениях нет строго регламентированного запрета на проведение эвтаназии в случае тяжелых, неизлечимых заболеваний человека, ряд стран принял законы о проведении эвтаназии в пассивной форме, то есть, по решению родственников или медицинского персонала, оказывающего помощь больному (например, Франция, Венгрия, Дания, Норвегия, Австрия, Германия, Испания), а ряд стран принял специальные законы о проведении эвтаназии исключительно в активной форме, то есть, по желанию, изъявленному самим тяжелобольным, неизлечимым и страдающим человеком (например, Швеция, а также штаты Орегон и Вашингтон США). Подобного закона, принятого и действующего на территории российского государства, на сегодняшний день не имеется, что вызывает достаточно серьезные споры среди практикующих юристов: так, ряд из них считает, что при отсутствии закона, разрешающего проведение эвтаназии тяжелобольного, неизлечимого человека в частности, и по его желанию также, лишает его возможности самостоятельно распорядиться собственным правом на жизнь, провозглашенным конституционными положениями, и не дает возможности уйти из жизни достойным и безболезненным способом, обрекая на дальнейшие мучения и страдания от заболевания и болей. Это закономерно влечет за собой ежегодный рост самоубийств среди числа тяжелобольных, неизлечимых людей.

На наш взгляд, необходимость легального закрепления института эвтаназии на территории российского государства уже давно продиктована реалиями современного мира: так, например, онкобольные люди на последних стадиях своего заболевания вынуждены терпеть сильнейшие боли, которые зачастую не снимаются даже с помощью специально выдаваемых по разрешению наркотических средств в качестве обезболивающих (например, трамадол), что в свою очередь делает дальнейшую их жизнь невыносимой. Кро-

⁹ Инструкция по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращения реанимационных мероприятий : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 73 от 04 марта 2003 г. URL: <https://base.garant.ru/4179063/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 12.11.2019). Утратил силу.

¹⁰ Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека : постановление Правительства Российской Федерации № 950 от 20 сентября 2012 г. URL: <https://base.garant.ru/70231774/> (дата обращения: 12.11.2019).

¹¹ О Порядке установления диагноза смерти мозга человека : приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 908н от 25 декабря 2014 г. URL: <https://base.garant.ru/71021232/> (дата обращения: 12.11.2019).

ме того, сильнейшие нравственные страдания в подобного рода ситуациях испытывают и их близкие родственники, родственники, близкие лица, которые осуществляют за ними постоянное наблюдение и должный уход, видя мучения больных, но по-прежнему любимых и дорогих людей. Это, в действительности, неумолимо приводит лишь к ежегодному росту числа совершенных самоубийств лицами, страдающими неизлечимыми заболеваниями, которые фактически лишены реальной возможности безболезненного ухода из жизни. Разумеется, в данной ситуации невозможно до конца исключить наличие коррупционной составляющей, при которой корыстно заинтересованные родственники неизлечимо больного лица, решат злоупотребить институтом эвтаназии, ради получения собственной выгоды в виде имущества, принадлежащему страдающему лицу на праве собственности, и прибегнуть к нему даже против его воли и желания (например, в том случае, когда он находится в состоянии комы, в том числе и медикаментозной (искусственной)).

Вопрос о содержании права на жизнь в отечественной правовой доктрине также является весьма дискуссионным на сегодняшний день: так, представлено несколько различных подходов на этот счет. Так, например, подход отечественного ученого в области конституционного права М. Н. Малена, предлагающий включать в его содержание право на сохранение своей индивидуальности, что преимущественно связано с правом на изменение биологического пола, при наличии к тому соответствующего заключения медицинской комиссии, право на трансплантацию органов, а также право на перевязку маточных труб или кастрацию, при наличии совокупности условий, установленных действующим российским законодательством, однако, на наш взгляд, это более подходит под содержание права на охрану здоровья, которые также зачастую ошибочно стремятся охватить правом человека на жизнь, несмотря на то, что оно носит сугубо самостоятельный характер.

Некоторой критике можно подвергнуть и точку зрения, сформулированную другим отечественным ученым в области конституционного права В. М. Танаев, указывая, что человек имеет право на прекращение своей жизни, фактически не конкретизирует, что он под этим подразумевает, ведь институт эвтаназии не нашел своего легального закрепления на законодательном уровне в российском государстве, а понимать это право как право на совершение суицида, то есть добровольного ухода человека из жизни несколько кощунственно с точки зрения банальной юридической этики и морали.

Таким образом, резюмируя изложенную информацию в рамках настоящего исследования, мы полагаем наиболее целесообразным сформулировать его краткие итоги в качестве результирующих выводов, а именно:

Право каждого человека на жизнь является правом, провозглашенным конституционно и закрепленным в содержании ряда ратифицированных российским государством международно-правовых актов. Непосредственно под ним следует понимать право каждого человека на недопустимость произвольного лишения его жизни, а также гарантированность защиты его жизни

от преступных посягательств третьих лиц со стороны государства, преимущественно, в лице компетентных и уполномоченных правоохранительных органов (собственно, содержание рассматриваемого права человека).

Информация об авторе

Николайчук Диана Евгеньевна – студентка 4 курса, Владивостокский Государственный Университет Экономики и Сервиса (ВГУЭС). 690014, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Электронный адрес: dianadina@mail.ru

УДК 343.2

Н 84

Р. В. Носырев,

студент 2 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Невиновное причинение вреда по психофизиологическому основанию

В данной статье автор раскрывает основные положения части 2 статьи 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно затрагивает институт невиновного причинения вреда по психофизиологическому основанию, так как данный институт относится к числу крайне спорных и важных вопросов уголовного права России.

Ключевые слова: уголовный закон, невиновное причинение вреда, умысел, легкомыслие, психофизиологическое основание, последствия.

Принцип справедливости является одним из принципов уголовного права: введение в уголовный закон института невиновного причинения вреда по психофизиологическому основанию показывает желание правотворческих органов реализовать некоторые составляющие принципа справедливости. Данное положение соответствует моральным принципам и нормам, Конституции РФ, общепризнанным нормам и принципам международного права.

В уголовном праве до сих пор не сложилось единого подхода в решении проблемы правовой регламентации невиновного причинения вреда по психофизиологическому основанию, поэтому она относится к числу спорных и актуальных до сих пор. Правоприменители не всегда точно понимают смысл положений части 2 статьи 28 Уголовного кодекса РФ¹ (далее – УК РФ), высшими судебными органами правила установления невиновного причинения вреда по психофизиологическому основанию также не разъясняются.

В Комментарий к Уголовному кодексу указывается, что положения части 2 статьи 28 УК РФ характеризуются тем, что лицо «объективно не способно в силу своих психофизиологических качеств предотвратить наступление по-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г № 63-ФЗ : в ред. от 29 июля 2018 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

следствий, которые им предвидятся и которые наступают в результате его деяния, в двух случаях: во-первых, в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий; во-вторых, в силу несоответствия своих психофизиологических качеств нервно-психическим перегрузкам»². А. В. Наумов отмечает, что «часть 2 статья 28 УК РФ предусматривает особую разновидность невинного причинения вреда»³.

Представляется необходимым разобраться с некоторыми основными категориями данной нормы: необходимо уяснить смысл психофизиологических качеств, экстремальных условий и нервно-психических перегрузок.

И. В. Теслицкий считает, что психофизиологические качества – это определенные «совокупности признаков, свойств, особенностей психической деятельности человека в рамках его физиологических процессов»⁴.

Л. А. Арчибасова под психофизиологическими качествами понимает совокупность качеств нервной системы, «которые обуславливают жизнедеятельность человека в различных условиях, и оказывают влияние на возможность предотвращения вредных последствий своего деяния в экстремальных условиях или при нервно-психических перегрузках»⁵.

Так как в части 2 статьи 28 УК РФ не оговаривается причина возникновения экстремальных условий и нервнопсихических перегрузок и не дается пояснение, что следует понимать под данными категориями, представляется необходимым разобраться данными категориями. В определении данных категорий мы согласны с А. И. Рарогом и Л. А. Арчибасовой.

Л. А. Арчибасова под экстремальными условиями понимает «совокупность факторов, вызываемых явлениями природного, технического и общественного характера, которые резко нарушают нормальные условия жизни населения, общественную безопасность и правопорядок, сопровождаются трудно предсказуемыми последствиями, часто являющимися по своему характеру общественным бедствием»⁶.

А. И. Рарог определяет экстремальные условия как «неожиданно возникшую или изменившуюся ситуацию, к которой лицо не готово, и по своим психофизиологическим качествам неспособно принять адекватное решение и найти способ предотвращения вредных последствий (например, в условиях аварии по причине конструктивных дефектов или заводского брака машины или механизма; в обстановке стихийного бедствия или чрезвычайной ситуации; в случае возникновения нештатной ситуации при выполнении работ во-

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. О. С. Капинус. Москва : Проспект, 2018. С. 92.

³ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. Москва : БЕК, 1996. С. 225.

⁴ Теслицкий И. В. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию в уголовном праве : 12.00.08 : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 23.

⁵ Арчибасова Л. А. Невинное причинение вреда : 12.00.08 : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 16.

⁶ Там же. С. 7.

долазами, спелеологами, при занятии альпинизмом и т. д.)»⁷.

Л. А. Арчибасова предлагает рассматривать нервно-психические перегрузки как «психологическое состояние человека, вызванное различными факторами, которое характеризуется дезорганизацией его психики и оказывает влияние на возможность предотвращения предвидимых вредных последствий»⁸.

А. И. Рарог не дает определения понятию нервно-психическим перегрузкам, только перечисляет некоторые их составляющие – «усталость, физическое и психическое перенапряжение в результате тяжелой физической работы, длительного непрерывного интеллектуального труда, например, при работе пилота самолета или машиниста электровоза во вторую смену подряд»⁹.

На основе анализа содержания категорий «психофизиологические качества», «экстремальные условия» и «нервно-психические перегрузки», можно отметить, что данные категории являются в основном психологическими терминами, а объем данных понятий является слишком широким для прямого использования в уголовном праве, что в свою очередь затрудняет использование положений части 2 статьи 28 УК РФ. Как было отмечено И. В. Теслицким: «Чрезвычайно большой спектр психических состояний может быть причислен к нервно-психическим перегрузкам и достаточно большой комплекс ситуаций может считаться экстремальными условиями»¹⁰. Л. А. Арчибасова предлагает обозначить положение, закрепленное в части 2 статьи 28 УК РФ, как «специальную невменяемость».

Разобравшись с содержанием указанных категорий, необходимо сравнить интеллектуальные и волевые моменты умысла при преступном легкомыслии и при невиновном причинении вреда. Интеллектуальный момент у данных категорий является одинаковым: это предвидение возможности наступления общественно опасных последствий своих деяний. Однако волевой момент отличается: при легкомыслии лицо не желает наступления общественно опасных последствий, надеется на их предотвращение и стремится к этому; при невиновном причинении вреда по психофизиологическому основанию лицо не может предотвратить эти последствия в силу несоответствия психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам. Из этого следует, что преступное легкомыслие и невиновное причинение вреда отличаются только волевым моментом умысла, а именно наличием в невиновном причинении вреда тех самых экстремальных условий и нервно-психических перегрузок.

Подводя итог, необходимо отметить, что положение части 2 статьи 28 УК является очень спорным, в науке уголовного права до сих пор не сложилось единого подхода к его пониманию. Это очень сильно затрудняет применения данной нормы правоохрнительными и судебными органами, так как

⁷ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. С. 136.

⁸ Арчибасова Л. А. Указ. соч. С. 7.

⁹ Рарог А. И. Указ. соч. С. 136.

¹⁰ Теслицкий И. В. Указ. соч. С. 11.

дефиниции, закрепленные в данной статье, являются очень широкими и толковать их можно по-разному. Невинное причинение вреда по психофизиологическому основанию должно содержать такие условия (обстоятельства), которые исключают возможность человека реагировать надлежащим образом. В каждом конкретном случае должна производиться оценка данных обстоятельств и психофизиологических возможностей лица.

Информация об авторе

***Носырев Роман Вячеславович** – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).*

УДК 343.3/7

II 27

Н. Д. Перевезенцева,

*студентка 3 курса
СПб ЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые проблемы применения статьи 210¹ УК РФ

В статье рассматривается новелла уголовного законодательства, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Автор рассматривает проблемные вопросы правоприменения, связанные с формулировкой диспозиции статьи 210¹ УК РФ. Анализируется российская судебная практика и зарубежный опыт.

Ключевые слова: организованная преступность, преступная иерархия, преступное сообщество, вор в законе, высшее положение в преступной иерархии.

Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» (в ред. 12.04.2019) Уголовный Кодекс Российской Федерации (в ред. 27.12.2019) (далее – УК РФ) был дополнен статьей 210¹, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Прежде всего, следует отметить, что часть 4 статьи 210 УК РФ ранее предусматривала ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) лицу, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Вместе с тем за 10 лет существования данной нормы по ней был осужден лишь один преступник¹.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

Представляется, что такое положение дел связано с тем, что несмотря на то, что судебная практика дает основания полагать об отождествлении понятий «вор в законе» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»², эти лица уходят от уголовной ответственности, поскольку авторитет таких лиц, их особый статус в преступном мире практически исключают возможность доказать их «верховенство» в преступном сообществе.

Полагаем, что новая статья максимально сужает предмет доказывания. Важно отметить, что для привлечения по ст. 210¹ УК РФ достаточно будет доказать только факт лидерства в преступной среде.

Вместе с тем, применение статьи 210¹ сопряжено с определенными проблемами. Так, остается недостаточно урегулированным вопрос о критериях определения лица в качестве занимающего высшее положение в преступной иерархии. Семенов и Гришин, например, предлагают ввести определенный перечень таких критериев. В частности, наличие в распоряжении лица ресурсов, добытых преступным путем («общака»); наличие криминальных связей с представителями властных структур; и другие³.

Важно отметить, что отсутствует легальное определение понятия «преступная иерархия». Никитенко и Якушева пишут о том, то криминальная лестница в структуре преступного объединения (вероятно, речь идет именно о преступной иерархии) представляет собой психологическую структуру объединения, члены которого осознают конкретное лицо как лидера⁴.

Более того, остается не решенным вопрос, что понимать под «занятием» положения. Так, мы можем говорить об однократном событии или же о длящемся деянии. Представляется верным вывод Степанова-Егиянца, который признает занятие положения именно длящимся преступлением, иначе из-под действия новой статьи автоматически бы выбывали лидеры преступного мира, добившиеся признания до начала действия новой статьи⁵.

В связи с этим, однако, возникает еще одна проблема. Признание состава статьи 210¹ длящимся преступлением дает основания полагать, что лицо, имеющее авторитет в криминальной среде, всегда будет признаваться виновным, так как занимает высшее положение в преступной иерархии даже после отбытия наказания. Лишить лицо такого статуса представляется невозможным в силу его «теневого» характера. Опыт решения данной проблемы имел место в Грузии. Часть 2 ст. 223¹ Уголовного кодекса Грузии устанавливает ответственность за пребывание лица в положении «вора в законе», т. е. данный состав также длящийся. После массовой амнистии осужденных по данной статье

² Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 5 октября 2016 г. по делу № 22-5764/2016 ; Приговор Московского областного суда от 24 июня 2013 г. по делу № 2-24/13, 2-125/2012. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Семенов В. Г., Гришин Н. С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного статьей 210. 1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 8. С. 76.

⁴ Никитенко И. В., Якушева Т. В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5. С. 61.

⁵ Степанов-Егиянец В. Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5.

замминистра по исполнению наказаний Грузии Гиорадзе выступил с заявлением о том, что вора́м в законе предлагается покинуть территорию Грузии, иначе они вернутся в тюрьму⁶. Вероятно, что такой вариант решения проблемы эффективен, однако для демократического государства он неприемлем. Представляется более корректным введение положения об исключения возможности повторного привлечения лица к ответственности, если не установлено об использовании своего положения в преступных целях.

Считаем важным тот факт, что за довольно короткий срок существования статьи 210¹ УК РФ уже имеются прецеденты возбуждения уголовных дел. 25.05.2019 СУ УМВД России по Томской области вынесло постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Кузьмичева Н. Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии Томской области в указанном постановлении характеризуется «обязыванием согласно существующим негласным нормами и правилам всех лиц уголовно-криминальной направленности, имеющих более низкие криминальные статусы, подчиняться его воле, указаниям и распоряжениям» и «имением сферы преступного влияния не территории Томской области»⁷.

Таким образом, введение статьи 210¹ УК РФ представляется эффективной и своевременной мерой противодействия организованной преступности, поскольку привлечение к ответственности «верхушки» преступной иерархии предполагает ее деформацию, а затем и разрушение. В современных условиях это важно, поскольку сейчас наблюдается тенденция значительного влияния криминального мира на подрастающее поколение. Однако все же имеется ряд нерешенных вопросов, которые требуют, как внесения дополнений в статью, так и разъяснения Верховного Суда РФ.

Информация об авторе

Перевезенцева Наталья Дмитриевна – студентка 3 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПБЮИ (ф) УП РФ). 191014 г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44. Электронный адрес: perevezentceva27@yandex.ru

УДК 340.6
Р 15

В. В. Радов,
магистрант 1 курса
СПб ЮИ (ф) УП РФ

Особенности деяния в ятрогенном преступлении

Автором рассмотрены формы и признаки деяния как одного из главных элементов объективной стороны в ятрогенном преступлении. На основании

⁶ Макарычев М. Воров разослали по соседям // Российская газета. 2013. № 19 (5995).

⁷ Постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству № 11901690013000089. URL: <https://www.primecrime.ru/photo/6048/> (дата обращения: 15.01.2020).

нормативных положений, судебной практики и научных исследований проанализирована проблема действия и бездействия, а также неоказания и ненадлежащего оказания медицинской помощи для целей уголовно-правовой квалификации.

Ключевые слова: ятрогенное преступление, общественно опасное деяние, ненадлежащее оказание медицинской помощи, неоказание медицинской помощи.

Деяние как признак объективной стороны состава преступления представляет собой акт человеческого поведения в форме действия или бездействия. Как правило, указывают, что ему свойственны внешнее выражение, общественная опасность, сознательно-волевой характер¹, а также две возможные формы проявления – действие и бездействие. Применительно к ятрогенному преступлению форма деяния выражается: в ненадлежащем оказании медицинской помощи либо в неоказании медицинской помощи. При этом всё ещё отсутствуют критерии их разграничения. Кроме этого, проблемным является и вопрос об их соотношении, отчего зависит правильная квалификация преступления.

1. Диспозиции ч. 2 ст. 109 УК и ч. 2 ст. 118 УК описывают деяние как причинение общественно опасных последствий (смерти или тяжкого вреда здоровью) по неосторожности вследствие **ненадлежащего исполнения лицом профессиональных обязанностей**. Подобным образом законодатель связывает деяние с характером исполнения профессиональных обязанностей при конструировании ч. 4 ст. 122 УК: «Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». Отсюда деяние медицинского работника состоит именно в причинении общественно опасных последствий, а квалифицирующим признаком выступает ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником, которое должно иметь место до или в момент причинения вреда здоровью или смерти.

Справедливо Верховный Суд РФ указывает, что обязательным условием является установление правовых предписаний, регламентирующих поведение лица в той или иной профессиональной сфере². Так, ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет, что медицинская деятельность – это «профессиональная деятельность по оказанию медицинской помощи ...»³. Значит действие в ятрогенном преступлении может быть выражено, например, в введении не той инъекции, не того лекарства, неправильного производства операции. Как следствие, правила оказания медицинской помощи и составляют профессиональные

¹ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учебное пособие. Москва : Проспект, 2012. С. 76.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 25 ноября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 3.

³ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

обязанности.

В правоприменительной практике суд указывает, что ненадлежащее оказание медицинской помощи выразилось в неправильном выборе метода анестезии, неправильной оценке состояния здоровья, неполном выполнении обследования⁴.

Руководитель ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России А. В. Ковалев следующим образом раскрывает понятие «ненадлежащее оказание медицинской помощи» – оказание медицинской помощи пациенту не в соответствии с общепринятыми порядками оказания медицинской помощи и стандартами медицинской помощи, утвержденными Минздравом РФ, клиническими рекомендациями (протоколами лечения) по вопросам оказания медицинской помощи⁵. Обратим внимание, что собственно правила оказания медицинской помощи могут закрепляться не только в нормативных правовых актах Минздрава РФ (приказах), но и в **клинических рекомендациях**, нарушение которых также свидетельствует о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей.

Из этого следует, что нарушение предписания или рекомендации по оказанию медицинской помощи образует ненадлежащее её оказание. Так, *«Хасанова Р. К., являясь фельдшером ... только на основании собранного анамнеза по пояснениям очевидцев, выставила диагноз «Эпилепсия. Пагубное употребление алкоголя», после чего оказала А. первичную медицинскую помощь, при этом не провела А. измерения артериального давления и не оценила частоту его пульса и числа сердечных сокращений после оказания медицинской помощи, а также не приняла оптимальное тактическое решение и не определила показания к необходимой госпитализации последнего в медицинское учреждение и не осуществила ее, уехала ... в результате отека головного мозга наступила смерть А.»*⁶. Суд признал Хасанову виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Содеянное показывает возможность рассматриваемого деяния выступать и в форме частичного бездействия (неполного действия), что оценивается как ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей.

Однако возникает вопрос: если в нарушение клинических рекомендаций, содержащих показания к кесареву сечению⁷, при наличии таковых показаний

⁴ Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 09 июля 2015 г. по делу № 1-115/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-magadanskii-gorodskoi-sud-magadanskaia-oblast/> (дата обращения: 25.12.2019).

⁵ Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи : метод. рекомендации утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21 июня 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 10 апреля 2019 г. по делу № 11-УД19-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Тазовое предлежание плода (ведение беременности и родов) : клинические рекомендации (протокол) утв. Российским обществом акушеров-гинекологов от 14 апреля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

соответствующая операция не проводится, то имеет место ненадлежащее оказание медицинской помощи или её неоказание, ведь врач бездействовал? Ответить на вопрос возможно, лишь рассмотрев вторую форму деяния.

2. Диспозиция ч. 1 и ч. 2 ст. 124 УК предусматривает деяние, выраженное исключительно в форме бездействия – «неоказание помощи больному». Так, приговором Мичуринского городского суда врач-терапевт признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК. Суд указал, что *«неисполнение врачом-терапевтом Ковалевым В. В. своих должностных обязанностей состоит в причинно-следственной связи со смертью М., так как способствовало развитию осложнений и наступлению смерти»*⁸. Формально суд признаёт бездействие причиной смерти, но фактически заявляет, что бездействие лишь способствовало наступлению смерти, но не повлекло её. Значит, в причинной связи находится именно осложнение состояния здоровья М., которое, собственно, и повлекло смерть. Таким образом, суд подменил причину условием. В этой связи справедливо замечают И. Я. Козаченко, В. Н. Курченко, Я. М. Злоченко: «... нельзя отождествлять условия и причины, иначе будут размыты границы между ними»⁹.

При бездействии в ятрогенном преступлении деяние состоит не в том, что медицинский работник причиняет вред здоровью или смерть пациенту, а в том, что сознательно допускает наступление неблагоприятных последствий (то есть не прерывает уже запущенную иным явлением причинную связь). Заметим, что такие последствия могут состоять в причинной связи не только с преступлением, но и болезнью, иными обстоятельствами.

Исходя из понимания того, что бездействие «не причиняет», его общественная опасность состоит в сознательном допущении общественно опасных последствий посредством неисполнения юридической обязанности оказать помощь. При этом должна наличествовать фактическая (реальная) возможность ее исполнить. Сознательно-волевой момент с одной стороны презюмируется (знание медицинским работником своих профессиональных обязанностей), с другой стороны зависит от конкретных обстоятельств (понимание того факта, что больной нуждается в медицинской помощи). Следовательно, неоказание медицинской помощи проявляется только в полном бездействии со стороны медицинского работника.

Таким образом, особенности деяния в ятрогенном преступлении имеют важное значение для разграничения действия и бездействия, а также, безусловно, оказывают воздействие на иные признаки состава ятрогенного преступления, определяют варианты квалификации. Полагаем, что при решении вопросов о ненадлежащем оказании или неоказании медицинской помощи и поиске подходящей уголовно-правовой нормы, надлежит исходить

⁸ Приговор Мичуринского городского суда Тамбовской области от 14 апреля 2016 г. по делу № 1-364/2015 // СудАкт : судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/-KLQG1wZaC7rx> (дата обращения: 19.02.2020).

⁹ Козаченко И. Я., Курченко В. Н., Злоченко Я. М. Проблемы причины и причинной связи в институтах Общей и Особенной частей отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной практики. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. С. 22.

из следующего:

1) Ненадлежащее оказание медицинской помощи может быть выражено в форме действия или частичного бездействия (неполное оказание).

2) Ненадлежащий характер оказания медицинской помощи (а значит и исполнения профессиональных обязанностей) отражает именно «качество медицинской помощи»¹⁰ (а именно – уже оказываемой медицинской помощи), что исключает уголовную ответственность за неоказание помощи больному.

3) Общественная опасность деяния в ятрогенном преступлении состоит в нарушении правил и рекомендаций по надлежащему оказанию медицинской помощи, являющихся при этом профессиональными обязанностями медицинского работника.

Информация об авторе

Радов Владислав Владимирович – магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПб ЮИ (ф) УП РФ), vv-radov@mail.ru

УДК 343.7

Р 86

И. В. Румянцева,

*студентка 1 курса магистратуры
СПб ЮИ (ф) УП РФ*

Проблемы субъективной стороны хищения предметов, имеющих особую ценность

В статье анализируется субъективная сторона хищения предметов, имеющих особую ценность. Автором исследованы проблемные вопросы, связанные с направленностью умысла виновного на совершение хищения предметов, имеющих особую ценность, в т. ч. повлекшего их уничтожение или повреждение, а также фактическими ошибками в предмете преступления.

Ключевые слова: предметы, имеющие особую ценность, цель, мотив, субъективная сторона.

Уголовно-правовая охрана предметов, имеющих особую ценность, от хищений на протяжении многих лет остается актуальной. При этом несмотря на то, что в последнее время лиц, осужденных по ст. 164 УК РФ, становится меньше, количество нераскрытых преступлений возрастает, а реестр пропавших, утраченных, похищенных культурных ценностей пополняется.

При этом до настоящего времени существует множество вопросов квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность, относящихся к установлению признаков субъективной стороны рассматриваемого преступления.

¹⁰ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

Общепризнано, что хищения предметов, имеющих особую ценность, характеризуются корыстной целью и прямым умыслом¹.

Обязательным признаком субъективной стороны такого хищения должна являться осведомленность субъекта о том, что похищаемые им предметы обладают особой ценностью.

В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о фактической ошибке субъекта относительно свойств предмета преступного посягательства.

Если лицо стремится похитить предмет, обладающий особой ценностью, который такой ценности не представляет, то действия виновного следует квалифицировать по направленности умысла – как покушение на хищение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (ч. 3 ст. 30, ч. 1 или 2 ст. 164 УК РФ)².

Другая ситуация заключается в том, что даже если лицо намеревалось похитить предметы, не обладающие особой ценностью, то его действия подлежат квалификации по ч. 1 или 2 ст. 164 УК РФ. Данная позиция нашла свое отражение и в практике Конституционного Суда РФ.

Так, гражданин Павлов И. Ю. мотивировал свое обращение в Конституционный Суд РФ тем, что ст. 164 УК РФ не позволяет считать общеизвестным факт особой ценности предметов и документов, в силу чего хищение таких предметов не охватывается сознанием виновного.

Конституционный Суд Конституционный Суд пришел к выводу о том, что положения оспариваемой статьи должны применяться во взаимосвязи с примечанием к ст. 158 УК РФ, в силу чего лицо не было лишено возможности осознавать противоправность своего деяния и предвидеть наступления ответственности за его совершение. Поэтому у заявителя был умысел на противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение того или иного имущества³.

Вменение лицу ст. 164 УК РФ вне зависимости от осведомленности лица об особой ценности предметов является не совсем правильным. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Гудковой А. А. о том, что обязательным признаком субъективной стороны должна быть признана осведомленность субъекта о характере похищаемого предмета⁴.

Однако в таком случае однозначно доказать прямой умысел возможно лишь в отношении профессиональных работников, которые обладают соот-

¹ Преступления против собственности : учебное пособие в таблицах / под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Академии Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. С. 33.

² Там же. С. 35.

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Игоря Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 164 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. № 949-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Гудкова А. А. Понятие субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность) // Герценовские чтения. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург : НИЦ АРТ, 2017. С. 65.

ветствующими знаниями о предметах, имеющих особую ценность⁵.

К тому же необходимо учитывать тот факт, что диспозиция ст. 164 УК РФ не содержит квалифицирующих признаков относительно стоимости похищенного имущества, поэтому несовпадение умысла виновного на конкретную сумму и фактических обстоятельств могут быть учтены лишь при назначении наказания.

Не следует забывать о том, что хищение предметов, имеющих особую ценность, включает все формы хищения, поэтому ошибка в мошенничестве, присвоении или растрате не представляется возможной. Так, мошенничество совершается с прямым умыслом, при этом лицо осознает характер материального ущерба⁶. Аналогичная ситуация складывается с присвоением или растратой, т. к. лицо осознает характер вверяемого ему имущества.

Субъективная сторона преступления также включает в себя корыстную цель, которая заключается в стремлении изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен⁷.

Немаловажным в рамках исследования представляется рассмотрение вопроса о форме вины по отношению к уничтожению предметов, имеющих особую ценность, в рамках п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ и разграничении данного состава со ст. 243 УК РФ, предусматривающей ответственность за уничтожение или повреждение культурных ценностей.

Как отмечала Г. Л. Кригер, «корыстная сущность хищения мало согласуется с умышленным уничтожением особо ценных предметов»⁸, и с этим нельзя не согласиться. При этом косвенный умысел предположить невозможно даже если при завладении ценным предметом умышленно повреждается другой предмет. Тогда следует констатировать о наличии прямого умысла на уничтожение или повреждение культурных ценностей, которое было совершено при хищении других ценных предметов.

Можно сделать вывод о том, что уничтожение культурных ценностей, произошедшее при хищении (если оно не охватывается умыслом виновного) должно быть случайным последствием действий виновного.

Так, А. похитил государственные награды, согласно заключению искусствоведческой экспертизы, представляющие особую ценность, которыми он распорядился таким образом, что это повлекло за собой их уничтожение.

⁵ Гудкова А. А. Понятие субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность) ... С. 65.

⁶ Преступления против собственности : учебное пособие в таблицах / под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юрид. институт (филиал) Академии Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. С. 19.

⁷ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Клебанов Л. Р. Некоторые квалифицирующие признаки хищения культурных ценностей / Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 78.

Таким образом, судом данные действия виновного были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ⁹.

Подводя итог анализу субъективной стороны хищения предметов, имеющих особую ценность, необходимо отметить, что на наш взгляд, сложность возникает лишь в том, чтобы установить форму вины и решить вопрос о наличии в действиях виновного того или иного состава преступления. Дискуссия по поводу умышленного или неумышленного отношения субъекта к последствиям, предусмотренным п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ, не имеет смысла.

Для окончательного разрешения данного вопроса следует, по нашему мнению, определить форму вины либо при наступлении последствий, указанных в п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое.

Информация об авторе

Румянцева Ирина Вячеславовна – студентка 1 курса магистратуры, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (СПб ЮИ (ф) УП РФ). 191014, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44. Электронный адрес: alek160497@mail.ru

УДК 343.2

С 18

А. А. Санукевич,

студентка 2 курса
ГрГУ им. Я. Купалы

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство исключаящее преступность деяния: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации

В статье анализируется уголовное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации предусматривающее обстоятельство, исключаящее преступность деяния в виде причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Отмечено сходство соответствующих положений уголовного законодательства вышеуказанных государств. Перечислены условия правомерности мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: задержание лица, совершившего преступление; причинение вреда; превышение мер; обстоятельство, исключаящее преступность деяния.

⁹ Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 10 декабря 2018 г. по обвинению А. по делу № 1-235/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-derbentskii-gorodskoi-sud-respublika-dagestan/?page=8> (дата обращения: 01.02.2020).

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, относят к обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Уголовное законодательство признает такие действия правомерными и общественно полезными, так как они направлены на пресечение опасности, на защиту интересов человека и общества.

Вместе с тем, известно, что нередко граждане, а также уполномоченные государством должностные лица, пытаясь пресечь совершение преступлений и задержать лиц, их совершивших, вынуждены сами совершать поступки, связанные с причинением вреда ценностям, охраняемым уголовным законом. Юридическая оценка подобных действий неочевидна, поскольку по внешним своим признакам они совпадают с соответствующими преступными деяниями¹.

Задержание преступника – это ограничение свободы передвижения преступника для передачи его органам власти, если лицо пытается скрыться либо может совершить новое преступление. Уголовным кодексом Республики Беларусь и Уголовным кодексом Российской Федерации регламентирован вопрос причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. В ст. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 38 Уголовного Кодекса Российской Федерации сформулированы общие условия правомерности задержания преступника.

Понятие задержания преступника в уголовно-правовом аспекте определяется следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное вынужденно в целях задержания преступника, если причиненный вред соответствует опасности совершенного деяния и иным способом произвести задержание в сложившейся обстановке не представлялось возможным»². Исходя из ч. 3 ст. 35 Уголовного кодекса Республики Беларусь, право на задержание лица, совершившего преступное деяние, наряду со специально уполномоченными лицами имеют также потерпевшие и другие граждане³. В свою очередь, в Уголовном кодексе Российской Федерации не раскрыт данный вопрос, но законодатель подразумевает, что по смыслу ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации задержание лица, совершившего преступление, можно характеризовать как правомерное и общественно полезное действие, совершаемое потерпевшим, иными физическими лицами либо представителями компетентных органов с целью доставления его в органы власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений путем причинения ему вреда, если иными

¹ Савинов А. В. причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Москва : ЮИ МВД России, 2002. С. 4.

² Диденко В. П. Правомерность причинения вреда преступнику при задержании : учеб. пособие. Киев : Киев. высш. шк. МВД СССР, 1984. С. 12.

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию от 11 октября 2019 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

средствами задержать такое лицо не представлялось возможным, и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Как сказано в комментарии к Уголовному кодексу Республики Беларусь, задерживающий должен быть твердо убежден в совершении преступления именно задерживаемым лицом⁴. В комментарии к Уголовному Кодексу Российской Федерации данный вопрос регламентирован таким же образом: у задерживающего должна быть полная уверенность в том, что задерживается именно названное лицо, совершившее преступление⁵. Анализируя ст. 38 Уголовного Кодекса Российской Федерации, можно определить, что целью задержания лица, совершившего преступление, являются: пресечение совершения новых преступлений и передача задержанного в соответствующие органы власти.

Важное значение при задержании лица, совершившего преступление, имеют характеристика причиняемого вреда, условия правомерности его причинения и последующая ответственность. Следует обратить внимание на то, что в науке уголовного права условия правомерности причинения вреда лицу, совершившему преступление, подразделяются на условия, относящиеся к задержанию лица, совершившего преступление, и условия, относящиеся к причинению вреда лицу, совершившему преступление.

Условиями правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, относящимися к основаниям задержания, являются: а) задерживать путем причинения вреда можно только лицо, совершившее преступление; б) право на задержание возникает по окончании преступного посягательства⁶. Условиями правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, относящимися к действиям задерживающего, являются следующие: а) вред при задержании должен причиняться только лицу, совершившему преступление; б) при задержании должна учитываться обстановка задержания; в) целью действий при задержании должно быть доставление лица органам власти и (или) пресечение возможности совершения им новых преступлений; г) необходимо соблюсти соответствие причиненного вреда характеру и степени общественной опасности⁷. Другими словами, причинение вреда должно быть единственным способом задержания лица, совершившего преступление, и при этом не должно быть допущено превышения мер, необходимых для задержания данного лица.

Размер причиняемого при задержании преступнику вреда, интенсивность применяемой к нему силы зависит от обстоятельств, которые отно-

⁴ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 105.

⁵ Уголовный кодекс Рос. Федерации : актуальная редакция с комментариями по состоянию на 27 января 2020 г. URL: <http://ukodeksrf.ru/ch-1/rzd-2/gl-8/st-38-uk-rf> (дата обращения: 02.02.2020).

⁶ Там же.

⁷ Уголовный кодекс Рос. Федерации : актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 27 января 2020 г. ...

ся к тяжести совершенного преступления. Степень общественной опасности личности преступника также влияет на интенсивность причиняемого ему при задержании вреда⁸. Правомерными будут меры по задержанию, которыми причинен меньший или равный вред, чем тот, который был необходим для задержания.

Уголовное законодательство Российской Федерации в статье 38, закрепляя дозволенную возможность причинения вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании в случае невозможности этого сделать иными средствами, исключило преступность такого причинения вреда, что имеет большое значение. Во-первых, это стимулирует повышение активности у граждан по задержанию лиц, совершивших преступления. Во-вторых, это является средством обеспечения неотвратимости ответственности. В-третьих, ст. 38 Уголовного Кодекса Российской Федерации закрепляет условия, при которых исключает преступность деяния, а значит и уголовную ответственность лица, причинившего вред задерживаемому преступнику. В-четвертых, действия по задержанию лиц, совершивших преступление, в ряде случаев предотвращают совершение такими лицами новых преступлений и обеспечивают возмещение причиненного ими ущерба⁹.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление – это основанные на разрешающих нормах уголовного законодательства, действия граждан, направленные на причинение материального или физического вреда лицу, совершившему преступление, с целью его доставления в органы власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, исключаящие их общественную опасность и в определенных случаях виновность, а как следствие этого уголовную и иную ответственность за причиненный вред¹⁰. Но, в свою очередь, превышение допустимого вреда при задержании лица, совершившего преступление, влечет за собой уголовную ответственность, в случае умышленного лишения жизни, причинения тяжкого и менее тяжкого телесного повреждения.

Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред¹¹. Предоставление гражданам права задерживать преступников для доставления их в органы власти является одной из мер реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, так же способствует привлечению граждан к борьбе с пре-

⁸ Уголовное право. Общая часть. Конспект лекций / под ред. С. Н. Сноп. Гродно : ГрГУ. URL: <https://elib.grsu.by/doc/11978> (дата обращения: 27.01.2019).

⁹ Савинов А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключаящее преступность деяния. Москва : ЮИ МВД России, 2002. С. 19–20.

¹⁰ Савинов А. В. Указ. соч. С. 27.

¹¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации : актуальная редакция с Комментариями по состоянию на 27 января 2020 г. ...

ступностью. Эффективность реализации данного права зависит от правильного понимания содержания причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Регламентация вопроса о задержании лица, совершившего преступление, в Уголовном кодексе Российской Федерации по основным признакам совпадает с уголовным законодательством Республики Беларусь, так же ст. 35 Уголовного Кодекса Республики Беларусь и ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации практически идентичны¹².

Анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации позволяет выявить сходство норм, регламентирующих вопросы, связанные с причинением вреда лицу, совершившему преступление. Как правило, они совпадают по содержанию и основным признакам.

Информация об авторе

Санукевич Анастасия Александровна – студентка 2 курса, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ГрГУ им. Я. Купалы). 230012, г. Гродно, ул. Доватора, 3/1.

Электронный адрес: asanukevich@mail.ru

УДК 343.2
С 32

А. П. Серов,
*студент 3 курса
СибЮУ*

Может ли преступление с двойной формой вины быть неоконченным?

В статье проводится анализ теоретических положений Общей части Уголовного права с целью ответить на вопрос: может ли преступление с двойной формой вины являться неоконченным? Автор даёт отрицательный ответ на поставленный вопрос, не смотря на наличие решения Верховного Суда РФ, говорящего об обратном.

Ключевые слова: двойная форма вины, неоконченное преступление, пробел в праве.

¹² Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 108.

Двойной формой вины, согласно статье 27 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) является совершение лицом умышленного преступления, в результате которого наступили тяжкие последствия, которые не охватывались умыслом виновного, но наступили по неосторожности.

Согласно этой же статье, в целом такое преступление признаётся совершённым умышленно. В связи с этим возникает вопрос: может ли быть преступление, совершённое с двумя формами вины быть неоконченным? Можно ли совершить покушение на подобное преступление или приготовление к нему?

Неоконченным может быть только умышленное преступление, совершить покушение на неосторожное преступление невозможно. Преступления с двойной формой вины имеют особенную природу, что требует дополнительных рассуждений.

Примером, когда суды столкнулись с данным вопросом, стало Определение Верховного Суда РФ от 12.02.1998². Фабула дела такова: группа лиц намеревалась совершить изнасилование несовершеннолетней, о чём говорили все их действия, в частности, приказы, удары, стягивание одежды и так далее. Пытаясь спастись, девушка залезла на окно декоративной решетки балкона, но не смогла удержать равновесие и упала вниз с 9-го этажа, от чего наступила смерть.

Рассматривая данное дело, Верховный Суд квалифицировал это деяние по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ. В то время п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ представлял изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть (сейчас это п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ).

Можно ли вменять данную статью, если тот результат, к которому лица стремились умышленно (в данном случае – *изнасилование*) не наступил, а неосторожные последствия (*смерть*) наступили?

Если рассуждать с точки зрения конструкции состава, то указанный пункт является материальным, то есть считается оконченным с момента наступления общественно опасных последствий. С такой точки зрения это будет вообще оконченное преступление. Но самого изнасилования не было, это деяние невозможно считать оконченным преступлением, так как лицо не совершило всех необходимых для этого действий, не реализовало свой умысел.

На наш взгляд, преступление с двойной формой вины не может быть неоконченным, в связи с тем, что юридическая техника Уголовного кодекса РФ абсолютно не предусматривает такой возможности.

В указанном Определении Верховного Суда было указано (если сократить для целей настоящего эссе): покушение на изнасилование, повлекшее по неосторожности смерть. Верховный Суд исходил из того, что смерть может повлечь не только изнасилование, но и покушение на него, как бы пользуясь

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 27 декабря 2019 г. № 191-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 8.

этой неопределённостью данного причастного оборота. «Покушение, повлекшее смерть» или «изнасилование, повлекшее смерть»?

Исходя из построения статьи 131 УК РФ (да и всего кодекса в целом), повлечь по неосторожности смерть должно именно изнасилование, а не покушение на него, как решил Верховный Суд.

Подводя итог всего вышесказанного, мы можем смело утверждать, что, в связи с особой правовой природой преступлений с двойной формой вины и, исходя из юридической техники построения диспозиций Уголовного кодекса РФ, невозможно совершить неоконченное преступление с двойной формой вины.

Информация об авторе

Серов Андрей Павлович – студент 3 курса, Сибирский юридический университет (СибЮУ). 644076, г. Омск, ул. Петра Осминина, д. 20, кв. 35. Электронный адрес: *andreysarovandrey@mail.ru*

УДК 343.2

Т 47

М. С. Тищенко,

студентка 4 курса

Университет прокуратуры РФ

Уголовно-правовая норма об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии: анализ и проблемы применения

В статье анализируется уголовно-правовая норма об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии и проблемы её применения. На основании исследования позиции Верховного Суда РФ, судебной практики и научного толкования делается вывод о необходимости внесения изменений законодателем. Также в работе представлены возможные варианты решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: занятие высшего положения, преступная иерархия, вор в законе.

В целях усиления борьбы с организованной преступностью, а также дискредитации криминальных авторитетов, деятельность которых препятствует обеспечению безопасности в государстве, законодатель совершенствует уголовный закон. Тем не менее, ввиду непреднамеренного создания пробелов либо абстрактности формулировок принимаемые нормы не всегда правильно воспринимаются правоприменителем или вообще не находят применения.

В целях ужесточения ответственности за совершение такого рода преступлений Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ статья 210 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) была дополнена частью

4, предусматривающей ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. В дальнейшем Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» законодатель выделил занятие высшего положения в преступной иерархии в отдельный состав (ст. 210¹ УК РФ).

Основной проблемой в рамках предмета исследования видится невозможность в полной мере определить, в чем выражена объективная сторона деяния, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Обладание таким статусом не является ни действием, ни бездействием (неисполнением обязанности), а, следовательно, не согласуется с положением ст. 14 УК РФ. К тому же, не находит своего подтверждения наличие общественной опасности в случае, когда лицо, занявшее высшее положение в преступной иерархии, не использует полученный статус и имеющиеся в связи с ним «полномочия».

В Пояснительной записке¹ к проекту вышеуказанного закона цель введения ст. 210¹ в УК РФ объясняется тем, что благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры часто уходят от уголовной ответственности, хотя их действия обладают общественной опасностью.

Однако лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, сохраняет его как в момент заключения под стражу, так и после отбывания наказания. Государство не может лишить его данного статуса, так как он приобретён в преступных кругах, а повторное привлечение к ответственности противоречит принципу справедливости, закреплённому в ст. 6 УК РФ. В Грузии данная проблема была решена путём предоставления таким лицам возможности покинуть территорию страны в течение 24 часов². Однако в России такой вариант будет противоречить конституционному принципу свободы передвижения.

Вопросы вызывает также толкование термина «преступная иерархия». По мнению Шалагина А. Е., преступная иерархия - это «система подчинённости и взаимоотношений между лицами, входящими в криминальную среду, придерживающимися соответствующих правил и традиций (воровской субкультуры)»³. Однако такой подход видится неудачным, так как правовое государство не должно признавать преступные градации и своды правил, тем

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности) : пояснительная записка к проекту федерального закона. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В Грузии амнистировано несколько так называемых «воров в законе», отправленных в тюрьму при Михаиле Саакашвили. URL: <https://echo.msk.ru/news/1001188-echo.html> (дата обращения: 18.03.2019).

³ Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 36.

более, упоминать их в нормативных правовых актах.

По мнению Никитенко И. и Якушевой Т., преступную иерархию следует понимать как «психологическую структуру объединения, согласно которой его члены осознают конкретное лицо как лидера своего преступного формирования»⁴. На практике таким лидером обычно признается организатор (руководитель) всего преступного сообщества.

Например, согласно приговору Алтайского краевого суда от 26 апреля 2017⁵, Чадуа М. А., являясь лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, создал преступное сообщество в целях совместного совершения нескольких тяжких и особо тяжких преступлений и руководил таким сообществом, за что был осужден к наказанию, предусмотренному ч. 4 ст. 210 УК РФ, в виде пятнадцати лет лишения свободы.

Стоит также обратить внимание, на существование преступных сообществ разного масштаба (регионального, межрегионального, всероссийского и международного), отсюда можно сделать вывод, что и преступная иерархия может быть разного уровня. Тогда какой из данных уровней иерархии имел в виду законодатель, и одинаковы ли по степени общественной опасности занятие высшего положения на федеральном уровне и на уровне одного региона?

Некоторые авторы научных работ уравнивают лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии с «ворами в законе». Что подтверждается и судебной практикой:

«Железнодорожный районный суд г. Ростова-на-Дону посвятил несколько страниц в приговоре изложению данных о преступной иерархии в Российской Федерации, придя к выводу, что «вор в законе» или просто «вор» – это «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии»⁶.

Вор в законе, по мнению Годунова И. В., – это «соблюдающий воровской образ жизни и «воровской закон», авторитетный в своей среде, элитный профессиональный преступник, получивший это звание на воровской сходке в результате специальной процедуры «крещения» (или «коронации»)»⁷. Отсюда возникает другой вопрос: лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является общим субъектом или специальным?

В следственной практике сформировался следующий подход к пониманию рассматриваемого статуса. Так как иерархия охватывается принципом управления преступным сообществом, основанным на подчиненности участников, а значит, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, занимает лидирующие позиции в криминальной среде или своего рода масштабном преступном сообществе, имеющем многоуровневую структуру, и осуществляет руководство таким формированием по принципу соподчи-

⁴ Никитенко И., Якушева Т. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. 2010. № 5 С. 61.

⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Приговор Железнодорожного районного суда г. Ростова-на-Дону от 31 октября 2012 г. по делу № 1-163/2012. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Годунов И. В. Организованная преступность от рассвета до заката. Москва, 2008. С. 68.

ненности, следовательно, в этой роли может выступать не только вор в законе. В таком случае вид субъекта (общий или специальный) зависит от того, какого подхода придерживаться.

Стоит также обратить внимание на процедуру придания лицу статуса «занимающего высшее положение в преступной иерархии». Если это происходит на общих собраниях, то ему придается правоустанавливающее значение, так как его решение лежит в основе признания лица занимающим высшее положение в преступной иерархии. Но необходимо обозначить, что государство не должно признавать правовые последствия, возникшие на основе решения преступного объединения, существование которого является незаконным, а участие в нем и проведение собраний уголовно наказуемым.

Таким образом, можно говорить о том, что на данный момент термины «высшее положение» и «преступная иерархия» имеют оценочный характер, а сама правовая норма, устанавливающая уголовную ответственность за обладание статусом лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, не достаточно проработана и не согласуется с другими положениями уголовного закона. Учитывая отсутствие возможности у законодателя в ближайшее время скорректировать содержание ст. 210¹, единственным верным решением видится исключение данной нормы из УК РФ. Введённая ч. 4 ст. 210 УК РФ также, несмотря на разъяснения Пленума ВС РФ⁸, остаётся достаточно сложной для применения и нуждается в редакции, а именно внесении дополнений в виде примечания к ст. 210 УК РФ, которое бы определяло понятие и масштабы преступной иерархии, а также закрепляло определение статуса лица с привязкой к совершению им определённых действий.

Информация об авторе

Тищенко Марина Сергеевна – студентка 4 курса, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации, 107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, 10 с.1, электронный адрес: mstishenkoms@gmail.com.

УДК 343.3

Т 51

А. Р. Токарчук,

курсант 4 курса

КФ КрУ МВД России

Вопросы квалификации применения участниками массовых беспорядков «Коктейлей Молотова» в отношении сотрудников, обеспечивающих правопорядок

В статье проводится уголовно-правовой анализ применения участниками массовых беспорядков «Коктейлей Молотова» в отношении сотрудни-

⁸ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ков, обеспечивающих правопорядок. Необходимость в этом возникла ввиду того, что в последние годы получили распространение подобные случаи в различных государствах. Установлено, что применение «Коктейлей Молотова» участниками массовых беспорядков в отношении сотрудников, обеспечивающих правопорядок, в целях давления на органы власти в принятии решений, должно квалифицироваться как террористический акт (ст. 205 УК РФ), определять правовой режим контртеррористической операции и соответствующие меры государственного принуждения.

Ключевые слова: Коктейль Молотова; массовые беспорядки; сотрудник, террористический акт.

В 2014 году в Киеве произошла череда событий, названных «Евромайданом», которая вызвала сильный резонанс в мировом сообществе. При массовых беспорядках совершались преступные посягательства в отношении сотрудников органов, обеспечивающих правопорядок, в том числе и сотрудников милиции Украины. Особое распространение получило применение в отношении них так называемых «Коктейлей Молотова». «Коктейлями Молотова» признаются простейшие зажигательные снаряды, конструкция которых максимально проста: горючая жидкая смесь, стеклянная бутылка и запал.

В Российской Федерации аналогичные посягательства имели место разве что в 1993 году. В связи с редкостью подобных случаев в прошлом, но очевидной возможностью в будущем, возникают вопросы о том, как квалифицировать такие деяния, по какой статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) привлекать к ответственности лиц, совершивших такие деяния. В теории и практике уголовного права однозначного ответа на данный вопрос нет, так как это деяние охватывается признаками разных составов преступлений против общественного порядка, общественной безопасности и против порядка управления. В связи с этим существует необходимость исследования данного вопроса, чтобы быть готовыми к тому, как реагировать на подобные случаи, а также заранее предупредить лиц, планирующих участвовать в массовых беспорядках, к какой ответственности могут привести их действия. Последнее важно для предупреждения этих преступлений.

«Коктейль Молотова» является зажигательным средством (оружием). Как и любое зажигательное средство он основан на способности горючих веществ мгновенно загораться и поддерживать горение достаточно долгий промежуток времени. При попадании зажигательного снаряда в человека происходит возгорание горючего вещества, используемого в снаряде. Поражающее действие при использовании «Коктейля Молотова» в отношении сотрудника, обеспечивающего правопорядок, направлено на: причинение ожогов кожи как при непосредственном горении вещества на коже, так и при возгорании одежды и обмундирования; ожогов органов дыхания, в результате чего возникает отек дыхательных путей, после чего может произойти удушье при вдыхании сильно нагретого воздуха или дыма.

Массовыми беспорядками принято считать совершение противоправных действий одновременно большим количеством людей¹. Уголовная ответственность за них предусмотрена ст. 212 УК РФ. Применение «Коктейлей Молотова» участниками массовых беспорядков в отношении сотрудников, обеспечивающих правопорядок, а также бронетехники органов правопорядка образуют массовые беспорядки, сопровождаемые: насилием; поджогами; применением предметов, представляющих опасность для окружающих².

Признак оказания вооруженного сопротивления представителю власти, предусмотренный ч. 2 ст. 212 УК РФ отсутствует ввиду того, что «Коктейль Молотова» не признается оружием в соответствии с Федеральным законом «Об оружии»³.

Примером массовых беспорядков, связанных с применением «Коктейлей Молотова», могут послужить стычки между фанатами различных видов спорта, между различными религиозными, национальными, идеологическими группами в связи с их спортивными, религиозными, национальными или идеологическими разногласиями, соответственно, а также деяния, вызванные совершением резонансных преступлений, когда они не связаны с попыткой оказания политического давления на органы власти. Недавним событием такого характера, только не связанным с применением «Коктейлей Молотова», были массовые беспорядки в Саратове 11 октября 2019 года, вызванные убийством девятилетней Лизы Киселевой⁴.

Однако в случае, если массовые беспорядки преследуют цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций или воздействия на принятие решений органами власти и международными организациями, то эти деяния превращаются в террористические посягательства. Значит, они могут иметь признаки террористического акта⁵. В таком случае, применение «Коктейлей Молотова» в отношении представителей власти должно повлечь введение особого правового режима контртеррористической операции.

Применение «Коктейлей Молотова» в отношении сотрудников, обеспечивающих правопорядок при массовых беспорядках, в вышеперечисленных случаях вызывает вопрос о конкуренции норм, предусмотренных

¹ Багмет А. М. Массовые беспорядки как уголовно-правовое понятие // Власть и управление на востоке России. 2012. № 3. С. 124–126.

² Кудашкин С. К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 101–106.

³ Об оружии : Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Массовые беспорядки в Саратове. Жители требовали самосуда над убийцей 9-летней Лизы Киселевой // Союз Российского Бизнеса : информация от 11 октября 2019 г. URL: <https://srb62.ru/2019/10/11/massovye-besporyadki-v-saratove-zhiteli-trebovali-samosuda-nad-ubijtsej-9-letnij-lizy-kiselevoj/> (дата обращения: 12.11.2019).

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ст. ст. 212, 205, 317 и 318 УК РФ.

При проведении различных массовых мероприятий или возникновении массовых беспорядков на сотрудников полиции, а также военнослужащих войск Национальной гвардии РФ, возлагаются функции по обеспечению правопорядка. Они имеют статус «представителя власти» и «сотрудника правоохранительного органа» – особых характеристик потерпевшего, предусмотренных в ст. ст. 317 и 318 УК РФ.

В случае если участник таких массовых беспорядков, которые квалифицированы в качестве террористического акта, применяет «Коктейль Молотова» в отношении сотрудника, обеспечивающего правопорядок, то причиненный им вред поглощается ст. 205 УК РФ и не подлежит дополнительной квалификации по ст. ст. 317 и 318 УК РФ⁶.

Однако в случае, если участник массовых беспорядков, квалифицированных по ст. 212 УК РФ, применяет в отношении сотрудника, обеспечивающего правопорядок, «Коктейль Молотова», то совершенное им деяние квалифицируется в случае отсутствия умысла на причинение смерти по ст. 318 УК РФ, а в случае, когда лицо имеет умысел на причинение смерти сотруднику – то по ст. 317 УК РФ.

Таким образом, в случае возникновения массовых беспорядков, преследующих цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций или воздействия на принятие органами власти и международными организациями решений, участники которых применяют в отношении сотрудников, обеспечивающих правопорядок, «Коктейли Молотова», содеянное ими следует рассматривать как террористический акт.

Поэтому органам правопорядка и обеспечения безопасности при планировании мероприятий по пресечению массовых беспорядков следует исходить из того, что они могут перерасти в террористический акт или посягательство на жизнь сотрудников (военнослужащих) органов правопорядка и безопасности. Необходимо, с одной стороны, предусматривать возможность введения режима контртеррористической операции, возможность пресечения рассмотренных преступлений с применением огнестрельного оружия и использованием бронетехники, а с другой стороны, проводить заблаговременную профилактическую деятельность, направленную на разъяснение последствий вышеперечисленных деяний и предупреждение о мерах принуждения, которые могут быть применены сотрудниками, обеспечивающими правопорядок для их пресечения.

Реализация наших предложений может обеспечить постоянную готовность сил и средств органов правопорядка к пресечению массовых беспорядков и террористических актов, а также правовую пропаганду, направленную на предупреждение подобных деяний, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности ...

Информация об авторе

Токарчук Анастасия Романовна – курсант 4 курса, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (КФ КрУ МВД России). 295053, г. Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, д. 14, тел./факс (3652) 667120. Электронный адрес: *akovaeva@bk.ru*

УДК 343.58:341

Т 76

Д. А. Трофимова,

*студентка 3 курса
УО «Полоцкий государственный
университет»*

**Актуальные проблемы уголовного законодательства
в сфере жестокого обращения с животными в Республики Беларусь**

В настоящей статье рассматриваются проблемы правоприменительной практики относительно преступления, предусмотренного ст. 339-1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь «Жестокое обращение с животными». Проанализирован вопрос разграничения смежных составов по объективной стороне. Автором выделен ряд проблем законодательного регулирования и предложены пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: животное, жестокое обращение, нравственность, уголовная ответственность.

Об уровне развития общества внутри государства можно судить по его отношению к слабым: ребенку, инвалиду, в том числе и к животным. Ведь отношение человека к живому существу в полной мере отражает его нравственные качества, жизненные ценности и приоритеты. К сожалению, жестокость по отношению к животным является неотъемлемой проблемой в современном мире. Она порождает формирование у людей чувства безразличия и равнодушия к страданиям живых существ, формирует агрессию и ненависть по отношению к окружающему миру. Жестокое и пренебрежительное отношение к животным оказывает влияние не только на лиц, совершающих противоправные действия, но и на лиц, являющихся очевидцами подобных деяний.

Уголовный Кодекс Республики Беларусь¹ закрепляет норму, предусматривающую уголовную ответственность за жестокое обращение с животными (ст. 339-1). Следует отметить, что предметом данного преступления является животное, однако само определение понятия «животное» в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. На наш взгляд, это является

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст Кодекса по состоянию от 11 октября 2019 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

значительным пробелом в законодательстве Республики Беларусь как правовом государстве, так как предмет данного преступления правовыми нормами не ограничен.

Возникает вопрос: куда обращаться правоприменителю при возникновении частных случаев: к толковому словарю или же к «биологическим» литературным источникам? Есть положительный опыт зарубежных стран, например Украины, где в диспозиции ст. 299 «Жестокое обращение с животными» Уголовного Кодекса прямо указано: «животным, относящимися к позвоночным»². Это сужает круг предмета рассматриваемого преступления.

В связи с наличием данной проблемы, считаем необходимым внести изменения в действующий Уголовный Кодекс Республики Беларусь путем дополнения ст. 339-1 УК примечанием, где будет дано разъяснение понятия «животное», применительно к данному виду преступления.

Объектом данного состава преступления является общественная нравственность. Согласно толковому словарю Ожегова С. И.³, общественная нравственность – это внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. По нашему мнению, в рассматриваемом преступлении можно выделить и дополнительный объект: общественные отношения, складывающиеся в сфере собственности, так как согласно ст. 137 Гражданского Кодекса Республики Беларусь к животным применяются общие правила об имуществе. Несмотря на это, данный состав преступления дополнительной квалификации по ст. 218 Уголовного Кодекса Республики Беларусь или ст. 10.9 Кодекса об Административных Правонарушениях Республики Беларусь (ответственность за умышленное уничтожение либо повреждение имущества) не требует.

В соответствии с ч. 1 ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (хулиганство) хулиганством признаются умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу, сопровождающиеся применением насилия или угрозой его применения либо уничтожением или повреждением чужого имущества либо отличающиеся по своему содержанию исключительным цинизмом. Таким образом, при совершении хулиганства может причиняться вред имуществу граждан, что, как мы ранее обозначили, также может являться обязательным дополнительным объектом состава преступления, предусмотренного ст. 339-1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

При дополнении Уголовного Кодекса Республики Беларусь статьей 339-1 законодатель стремился стать на охрану животных, выделив их в качестве особого предмета уголовно-правовой охраны. Вместе с тем при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, преступнику может быть назначено наказание в виде

² Уголовный кодекс Украины. URL: kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyikodeks_ukraini/ (дата обращения: 12.11.2019).

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд. перераб. Москва : Мир и образование, 2014. 1376 с.

общественных работ или штрафа, или исправительных работ на срок до двух лет, или ареста, или ограничения свободы на срок до двух лет, или лишения свободы на срок до трех лет (менее тяжкое преступление), а в свою очередь за совершение жестокого обращения с животными назначается наказание в виде общественных работ, или штрафа, или исправительных работ на срок до одного года, или ареста (преступление, не представляющие большой общественной опасности). В связи с этим полагаем, что цели законодателем достигнуты не были, так как до введения данной нормы противоправные деяния по жестокому обращению с животными квалифицировались правоприменителями по ст. 339 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, что влекло более суровое наказание, нежели с появлением специальной нормы.

Исходя из изложенного, следует отметить, что наличие в уголовном законе нормы, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными, является правильной и необходимой мерой пресечения, однако редакция данной нормы вызывает трудности в правоприменительной практике. Таким образом, предполагаем, что в настоящее время проблема ответственности за жестокое обращение с животными не до конца урегулирована законодательством Республики Беларусь и требует принятия мер по усовершенствованию и конкретизации ст. 339-1 Уголовного Кодекса Республики Беларусь.

Информация об авторе

Трофимова Дарья Александровна – студентка 3 курса, Полоцкий Государственный Университет. 211244, Беларусь, Витебская обл., г. Новополоцк, ул. Блохина, 29. Электронный адрес: 17pr3.liarpiova.d@pdu.by

УДК 343.3/.7

Ч 72

А. А. Чичёв,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

Предикатное преступление в рамках легализации преступных доходов: вопросы теории и практики

В статье анализируется вопрос предикатного преступления в рамках легализации преступных доходов. На основании анализа теории уголовного права и правоприменительной практики автором рассматриваются некоторые спорные вопросы квалификации, которые обусловлены особенностями взаимосвязи легализации преступных доходов с предикатными преступлениями.

Ключевые слова: легализация, предикатное преступление, обналичивание.

Легализация преступных доходов является логичным продолжением первичного, так называемого предикатного преступления.

Международное право определяет основное преступление как любое преступление, в результате которого были получены доходы, которые могут стать объектом преступления, связанного с отмыванием средств¹.

Изучение судебной практики позволяет нам утверждать, что при легализации преступных доходов, как правило, предикатными преступлениями выступают преступления против собственности (ст. ст. 159, 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), против здоровья населения и общественной нравственности (ст. ст. 228¹, 232, 234 УК РФ), против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст. 201 УК РФ), в сфере экономической деятельности (ст. ст. 171, 172, 176 УК РФ).

В настоящее время правоохранительные органы сталкиваются с рядом проблем при применении ст. ст. 174, 174¹ УК РФ, предусматривающие ответственность за легализацию (отмывание) преступных доходов. От правильной квалификации легализации преступных доходов на практике зависит эффективность, полнота расследования преступлений, предусмотренных указанными статьями уголовного закона. Важным аспектом в этой связи является верная оценка не только составов легализации преступных доходов, но и предикатного преступления.

Директор НИИ УП РФ, доктор юридических наук Р. В. Жубрин отмечает, что зачастую в погоне за показателями ст. ст. 174, 174¹ УК РФ вменяются необоснованно, чем нивелируется важность экономического подхода в борьбе с преступностью. Ошибки в квалификации – одна из основных причин ходатайств прокуроров об исключении из обвинения легализации денежных средств и иного имущества и оправдания судом обвиняемых по этим составам².

Не имея возможности подробно рассмотреть все вопросы квалификации, которые обусловлены особенностями взаимосвязи легализации преступных доходов с предикатными преступлениями остановимся на некоторых основных моментах.

При рассмотрении уголовных дел о легализации (отмывании) преступных доходов принципиальное значение имеет правильное определение момента окончания предикатного преступления³. Правоприменители зачастую неверно определяют момент окончания предикатного преступления, что приводит к спорным выводам о наличии состава преступления, предусмотренно-

¹ См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН : с изм. от 15 ноября 2000 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма : заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г. Там же.

² Жубрин Р. В. Квалификация легализации преступных доходов // Законность. 2009. № 9. С. 23.

³ Ляскало А. Н. Спорные вопросы соотношения предикатных преступлений и легализации (отмывания) преступных доходов // Законодательство. 2014. № 3.

го ст. ст. 174, 174¹ УК РФ.

Для правильного применения ст. ст. 174, 174¹ УК РФ следует учитывать положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём». Из содержания данного постановления следует, что обязательным условием для вменения легализации преступных доходов является установление преступного характера приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению которым виновный стремится придать правомерный вид. В судебном решении по делам об обвинении в совершении легализации преступных доходов должны быть приведены доказательства, на которых основывается вывод суда о том, что денежные средства или иное имущество были приобретены преступным путем (в результате совершения преступления)⁴.

Целесообразно отметить, что при описании преступного характера приобретения отмываемого затем имущества такие понятия как «приобретение преступным путем» и «приобретение в результате совершения преступления» следует считать тождественными, «в обоих случаях для вменения состава легализации необходимо доказать преступность приобретения «отмываемых» денежных средств или иного имущества»⁵.

При решении вопроса о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 174 или ст. 174¹ УК РФ, следует отличать сделки, которые являются способом совершения предикатного преступления, например, хищения, от сделок, посредством которых отмывается полученный преступный доход.

Исследования специалистов в области уголовного права и правоприменительная практика дают возможность выявить факт непосредственной связи легализации преступных доходов с обналичиванием денежных средств. В частности, в качестве легализации зачастую рассматривается получение крупных сумм наличных денежных средств в банках. Ввиду этого, существует потребность правильной правовой оценки подобных действий. В противном случае – исключение судом состава преступления из предъявленного обвинения либо из приговоров нижестоящих судов, так как схемы обналичивания не всегда квалифицируются как легализация.

С правильной правовой оценкой обналичивания связано правильное определение дохода от предикатного криминального деяния.

Так, доход от совершения хищения – похищенные денежные средства

⁴ См.: О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 07 июля 2015 г. № 32. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Яни П. С. Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? // Законность. 2005. № 8. С. 9.

или иное имущество; от незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ) – процент, полученный за криминальную деятельность, а не перечисленные в процессе ее совершения суммы денег; от незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) – выручка от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с ее осуществлением. Таким образом, доход от предикатного преступления следует определять в каждом конкретном случае вменения легализации.

Следует отметить, что для квалификации легализации не является обязательным условием то, что предикатное преступление должно быть окончательным. Это обусловлено тем, что доходы могут образоваться в результате покушения или же продолжаемого преступления. К примеру, лицо покушалось на хищение чужого имущества в особо крупном размере, но по определенным причинам успело совершить только хищение в крупном размере, при этом сразу начало легализовывать полученные денежные средства. Из этого следует, что предикатное преступление может совершаться одновременно с легализацией, но отмыть можно только уже полученный преступный доход.

Кроме того, отмываемый криминальный доход может быть получен в результате совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В таком случае если лицо участвовало в совершении предикатного преступления в составе группы и отмывает затем преступный доход, то оно должно нести ответственность за отмывание полученных им преступных доходов (ст. 174¹ УК РФ), ст. 174 УК РФ вменяется в случае, если лицо не участвовало в совершении предикатного преступления.

Таким образом, в рамках проблемы взаимосвязи легализации преступных доходов с предикатными преступлениями возникает большое количество спорных вопросов квалификации, при решении которых на практике необходимо глубокое теоретическое осмысление. Правильная квалификация легализации преступных доходов влияет на эффективность, полноту расследования отмывания денег, где важным аспектом является верная оценка не только составов легализации преступных доходов, но и предикатного преступления.

Информация об авторе

Чичёв Александр Александрович – магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Электронный адрес: chichyov_alexandr@mail.ru

УДК 343.7
Ч 92

К. А. Чупрова,

студентка 4 курса

ИИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России)

Присвоение или растрата: понятие, спорные вопросы квалификации ст. 160 УК РФ

Статья посвящена исследованию понятия присвоения или растраты как состава преступления, а также наиболее проблемных моментов квалификации совершенного противоправного уголовно наказуемого деяния по статье 160 УК РФ.

Ключевые слова: присвоение, растрата, хищение, вверенное имущество.

Актуальное состояние криминогенной ситуации в Российской Федерации характеризуется достаточно стабильным сохранением негативных тенденций и процессов, связанных с преступностью, динамику и структуру которой определяют не столько традиционные причины и условия, хотя они и сохраняют свою значимость, сколько многочисленные факторы, вытекающие из современных кризисных явлений в социально-экономической сфере. Особенно остро проявляет себя указанная тенденция в структуре корыстной преступности, преступлений имущественной направленности.

Отечественный законодатель в рамках положений статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) определяет, что присвоение или растрата представляют собой хищение чужого имущества, вверенного виновному¹. Как разъясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации, присвоение как преступление представляет собой безвозмездное обращение лица чужого имущества, которое было вверено, в собственную пользу при условии отсутствия на такое действие воли собственника присвоенного имущества. Принципиальным в данном случае является наличие у лица, корыстной цели. Растрата как противоправное уголовно наказуемое деяние имеет место в том случае, если лицо растратило вверенное ему чужое имущество, при условии отсутствия воли собственника на данное действие, посредством расходования такого имущества, либо передачи его третьим лицам².

Под хищением по смыслу статьи 160 УК РФ, следует понимать такое противоправное безвозмездное изъятие либо обращение чужого имущества в

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 16 июля 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

пользу виновного либо иных лиц, которое было совершено с корыстной целью, а результатом данных действий явилось причинение ущерба собственнику имущества. Вверенное имущество в рамках анализируемого состава преступления представляет собой такое имущество, в отношении которого виновное лицо в силу должностных обязанностей, договорных отношений либо специального поручения государственной или общественной организации осуществляет определенные полномочия по распоряжению, управлению, хранению. Такие полномочия могут быть переданы собственником имущества другим гражданам на основании гражданско-правовых договоров (например, договора подряда, аренды, комиссии)³.

В доктрине отечественного уголовного права большинство исследователей высказывают мнение о том, что присвоение, также как и растрата являются самостоятельными формами хищения. Однако некоторые ученые придерживаются такой позиции, в рамках которой присвоение или растрата представляют собой единое противоправное уголовно наказуемое деяние, отличающееся сложносоставным характером.

Разделяя мнение К. А. Бодобаева, следует отметить, что присвоение и растрата вверенного имущества представляют собой все же самостоятельные противоправные уголовно наказуемые деяния, схожие по порядку неправомерного изъятия вверенного имущества, однако различные между собой по способу противоправного изъятия вверенного имущества, а также последующего его обращения⁴.

По мнению Н. Д. Эриашвили, в качестве одной из отличительных черт и качеств присвоения и растраты вверенного имущества следует рассматривать особое положение лица, совершившего анализируемые составы противоправных уголовно наказуемых деяний. Так, лицо правомерно, на законном основании, обладает определенным имуществом, не являясь при этом его собственником. Данное имущество может быть вверено ему собственником или титульным владельцем⁵.

Следует отметить, что присвоение и растрата, представляя собой на первый взгляд, в определенной степени схожие противоправные уголовно наказуемые деяния, все же имеют достаточно принципиальные различия, которые проявляются в юридической конструкции анализируемых составов преступлений, а также их объективной стороне. Данные различия оказывают непосредственное воздействие на квалификацию совершенного виновным лицом противоправного уголовно наказуемого деяния.

Так, присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправ-

³ Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства : утв. ФССП России от 15 апреля 2013 г. № 04-4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Бодобаев К. А. К вопросу о присвоении или растрате вверенного имущества // Наука, образование и культура. 2017. № 4. С. 44–46.

⁵ Эриашвили Н. Д. Объективные признаки присвоения и растраты // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 227–236.

ным и данное лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства). В свою очередь растрата как противоправное уголовно наказуемое деяние считается оконченным с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (например, его потребления либо отчуждения)⁶.

Различия в объективной стороне присвоения и растраты заключаются в том, что в результате присвоения вверенного лицу чужого имущества, виновное лицо обращает такое имущество в свою пользу, либо в пользу третьих лиц (например, у ФИО 1, находящейся на рабочем месте в офисе ФИО 2 возник преступный умысел, направленный на присвоение вверенных ей денежных средств, принадлежащих ФИО 2, путем хищения из кассы офиса денежных средств, переданных ей физическими лицами в счет оплаты договоров купли-продажи, бытового подряда и поставки, и частичного отображения в документации организации поступающих денежных средств)⁷. Так, присвоенное имущество не утрачивается, не перестает существовать в объективной реальности, не изменяет свои качественные и количественные характеристики.

В свою очередь, в случае совершения лицом такого деяния как растрата, вверенное ему имущество, в результате его расходования, изменяет свои физические свойства. Так, растроченное имущество может перестать существовать полностью, либо быть уменьшенным или качественно измененным в своих характеристиках (например, у ФИО 1, находящейся на рабочем месте в офисе ФИО 2, возник преступный умысел, направленный на присвоение вверенных ей денежных средств, принадлежащих ФИО 2, путем хищения из кассы офиса денежных средств, переданных ей физическими лицами в счет оплаты договоров купли-продажи, бытового подряда и поставки, после чего данные денежные средства ФИО 1 начала потреблять и отчуждать)⁸.

Достаточно интересным с исследовательской точки зрения и неоднозначным с точки зрения правоприменительной практики, и в то же время, оказывающее решающее влияние на возможность квалификации в качестве противоправного уголовно наказуемого деяния, представляется определение вверенного имущества, выступающего как в случае присвоения, так и растраты, – предметом преступного посягательства виновного лица. Разделяя мнение С. М. Килепо, следует отметить, что не представляется возможным рас-

⁶ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Приговор Кимовского городского суда от 29 мая 2019 г. № 1-46/2019 // СудАкт : судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZVllizOYOWom/> (дата обращения 23.11.2019).

⁸ Приговор Семикаракорского районного суда (Ростовская область) от 29 мая 2019 г. № 1-96/ 2019 // СудАкт : судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mwwNEYcIGFZI/> (дата обращения 23.11.2019).

смагивать в качестве вверенного имущества такое имущество, которое было предоставлено лицу с целью его осмотра, примерки, перемещения либо временного пользования. В данном случае вверенное имущество объективно может изменить свои качественные либо количественные характеристики, поскольку юридически и фактически такое имущество остается у собственника. Тот, факт, что потерпевший в силу определенных причин открывает доступ к имуществу, а также наделяется правами временного использования, не является основанием квалифицировать данные действия в качестве преступления, предусмотренного положениями статьи 160 УК РФ⁹.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Присвоение и растрата вверенного имущества представляют собой самостоятельные составы преступлений, схожие по порядку неправомерного изъятия вверенного имущества, однако различные по способу изъятия, а также последующего его обращения;

2. Различие между присвоением и растратой вверенного имущества заключается в формулировке законодателем юридической конструкции, а также объективной стороны анализируемых составов преступлений;

3. Не всякое вверенное имущество может выступать в качестве предмета преступного посягательства в рамках присвоения или растраты.

Информация об авторе

Чупрова Кристина Андреевна – студентка 4 курса Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (ИИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России. 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. Электронный адрес: chuprova1995@icloud.com

УДК 343.7
Ш 96

С. И. Шупрунов,

*студент 4 курса
ИИ (ф) ВГУЮ
(РПА Минюста России)*

Отграничения мошенничества в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) и проблемы квалификации

В данной статье рассматриваются отграничения мошенничества в сфере кредитования от незаконного получения кредита, а также проблемы квалификации, которые могут возникнуть на практике.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, незаконное получение кредита, кредит.

⁹ Килепо С. М. Проблема вверенного имущества в уголовном праве // Молодой ученый. 2018. № 38. С. 121–123.

В современный период одной из самой популярной услугой, предоставляемой кредитными учреждениями, является «кредитование».

Число организаций, с правом заключения кредитного договора растёт и каждая из них предлагает свои условия кредитования. Поэтому получить денежные средства в кредит не представляет больших трудностей, тем более что положительным фактором для этого является конкуренция финансовых организаций, которая заставляет их создавать для заемщиков максимально приятные и комфортные условия.

Однако большое число организаций и лёгкость получения кредита создаёт условия для совершения рода преступления. Одним из самым распространённым преступлением в данной сфере является мошенничество в сфере кредитования (ст. 159¹ УК РФ) и незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ). При этом как в теории, так и в практике встаёт вопрос, в чём различие данных составов преступления и как их отграничивать друг от друга?

В отношении непосредственного объекта преступления незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) нет единого мнения ни ученых, ни практикующих юристов. Одни считают, что страдают общественные интересы в сфере кредитования¹, другие придерживаются, что непосредственным объектом данного деяния являются общественные отношения, которые обеспечивают надлежащее функционирование финансово – кредитной системы, в состав которой входят: кредиты, кредитные организации, предприятия, государственные и иные органы, распределяющие кредитные ресурсы, заемщики, в качестве которых могут выступать организации и индивидуальные предприниматели, а также граждане; дополнительным объектом выступают отношения собственности². Однако мы придерживаемся мнения, что непосредственным объектом являются интересы кредиторов.

Что касается мошенничества, то объектом данного посягательства будет являться интересы собственника имущества, в качестве которого может выступать банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения договора.

Но в данном случае для правильной квалификации объект не является столь важным, нежели предмет рассматриваемых нами составов.

Предметом статьи 159¹ УК РФ законодатель чётко называет денежные средства, а статьи 176 кредит или льготные условия кредитования. Согласно статье 819 ГК РФ кредитом будут являться денежные средства, предоставляемые заемщику по кредитному договору под определенные проценты. Однако законодательством предусмотрены также и другие виды кредитов, такие как: товарный кредит (ст. 822 ГК РФ), коммерческий кредит (ст. 823 ГК РФ)³

¹ Алешина-Алексеева Е. Н. Отграничение мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) от незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 124–130.

² Гринев В. А. Правовые и криминалистические основы расследования незаконного получения кредита : учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 2015. 97 с.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2 : Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. С. 410.

и инвестиционный налоговый кредит (ст. 66 НК РФ)⁴.

О том, могут ли данные кредиты являться предметом преступления статьи 176 УК РФ и как квалифицировать содеянное, не сказано ни в диспозиции статьи, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции, ни в каком-либо ином отраслевом законодательстве. И судебная практика тоже не даёт нам положительного ответа. Получается, что взыскивать причиненный ущерб кредитор будет в порядке гражданского судопроизводства.

Так же предметом статьи 176 УК РФ выступают льготные условия кредитования. В законодательстве отсутствует легальная дефиниция, которая могла бы объяснить нам данное понятие. Однако на практике это не вызывает проблем. Под льготными условиями кредитования следует понимать наиболее выгодные, чем обычно, предлагаемые условия предоставления кредита. Сюда, мы, к примеру, можем отнести процентную ставку по кредиту, срок его возврата, обеспечения кредита.

Такой признак как объективная сторона данных состав преступления очень схожа между собой.

Объективная сторона мошенничества в сфере кредитования заключается в представлении кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений. Например, это сведения согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, которое является предметом залога⁵.

Объективная сторона незаконного получения кредиты выражается представлении банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации. Это могут быть сведения: об учредителях, акционерах, поручителях; об имуществе, предоставляемом в залог и на которое может быть обращено взыскание; об инвентаризации и бухгалтерском учёте.

Если моментом окончания мошенничества является получение заемщиком денежных средств и приобретение права на распоряжение ими, то моментом окончания незаконного получения кредита является причинение крупного ущерба. Крупным ущербом признается два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Во втором случае возникает сразу несколько проблем относительно квалификации.

Во-первых, что считать моментом окончания преступления по статье 176 УК РФ? Никаких официальных разъяснений на этот счёт не даётся. По

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть 1 : Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. С. 3824.

⁵ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

нашему мнению, деяние считается оконченным с момента перечисления денежных средств в размере более и равном размеру крупного ущерба, а также приобретение права на распоряжение ими.

Также неизвестно, включать ли в причиненный ущерб проценты, которые обязан уплатить заемщик по договору кредитования. С нашей точки зрения является необходимым, поскольку интерес кредитора заключается не только в возврате денежных средств, а также в уплате процентов заемщиком за пользование денежными средствами.

Принципиальным отличием данных составов является субъективная сторона.

Мошенничество в сфере кредитования совершается с прямым умыслом, целью которого является безвозмездное обращение в свою пользу или в пользу третьих лиц денежных средств при заведомом отсутствии у него намерения возратить их в соответствии с требованиями договора.

Незаконное получение кредита может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом, однако целью данного состава является не хищение денежных средств, а получение кредита либо льготных условий кредитования, при этом намереваясь исполнить свои кредитные обязательства. Из этого мы можем сделать вывод: если заемщик приобретает кредит с целью дальнейшего его погашения, однако в процессе выполнения объективной стороны или после получения денежных средств в своё пользование у него возникает умысел на их хищение, то в данном случае квалификация по статье 176 УК РФ исключается, а ответственность наступает по статье 159¹ УК РФ.

Исходя из всего вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что данные составы очень схожи между собой и поэтому нередко на практике возникают проблемы при их квалификации. Так нет единого мнения, какие виды кредитов могут являться предметом преступления по статье 176 УК РФ, что считать моментом окончания и необходимо ли учитывать при определении крупного ущерба проценты, подлежащие уплате по договору?

В целях единообразного применения исследуемых нами норм на практике возможно было бы предусмотреть соответствующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором должны и быть разъяснены вопросы квалификации экономических преступлений в сфере кредитования.

Информация об авторе

Шупрунов Сергей Игоревич – студент 4 курса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (ИИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста России).

664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4.

Электронный адрес: shuprunov98@list.ru

УДК 343.1
Б 90

Е. А. Бураева,

студентка 3 курса ЮИ ИГУ

Общая характеристика уголовно-процессуальной формы

В статье анализируются общие вопросы уголовно-процессуальной формы, которая служит неотъемлемым механизмом в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации. Понимание этого урегулированного законом порядка производства уголовно-процессуальной деятельности способствует дальнейшему быстрому, глубокому и четкому осознанию всего уголовного процесса, применению без особых трудностей полученных знаний как при решении уголовно-процессуальных задач в рамках семинарских занятий по заданной дисциплине, так, и, несомненно, на практике при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма, процессуальные условия, процедуры, уголовно-процессуальные гарантии.

Процессуальная форма является одной из основных категорий науки уголовного процесса, однако в УПК ее определение отсутствует. Понятие и сущность процессуальной формы были и остаются предметом бурных дискуссий между учеными-процессуалистами. Так, например, М. С. Строгович отмечал, что уголовно-процессуальная форма – это совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности¹. В свою очередь, М. А. Чельцов писал, что процессуальной формой следует называть установленный законом порядок производства отдельных процессуальных действий (или их совокупности)². Р. Д. Рахунов определял уголовно-процессуальную форму как регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные в целях достижения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов его участников³. Н. П. Кузнецов предлагает такое определение: «Процессуальная форма – это закрепленная уголовно-процессуальным правом структура всего уголовного процесса и отдельных его стадий, последовательность и порядок совершения процессуальных действий, и закрепле-

¹ См.: Строгович М. С. Уголовно-процессуальный закон и уголовно-процессуальная форма // Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В. М. Савицкого. Москва : Наука, 1979. С. 16.

² Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Москва : Госюриздат, 1951. С. 33.

³ Рахунов Р. Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. Москва : Юрид. лит., 1978. № 29.

ние их в правовых актах»⁴. Некоторые авторы высказывают мнение о том, что «процессуальную форму можно назвать специфической разновидностью правовой формы государственной деятельности. А детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, стабильный правовой порядок производства по уголовному делу, отвечающий назначению судопроизводства и его принципам является основным качеством процессуальной формы»⁵.

Проанализировав разные точки зрения на данное понятие и разделяя их, считаем целесообразным их дополнить включением в ее определение таких элементов, как процессуальные условия, процедуры и уголовно-процессуальные гарантии.

Процессуальные условия, как нормативные предписания, устанавливающие предпосылки и основания производства процессуальных действий, а также определяющих круг участников и их процессуальный статус, отдельными авторами⁶ классифицированы на несколько групп:

1) процессуальные условия, устанавливающие основания производства процессуальных действий (например, основанием для проведения очной ставки является наличие существенных противоречий между показаниями ранее допрошенных лиц (ст. 192 УПК РФ);

2) процессуальные условия, обязывающие должностных лиц получить предварительное разрешение на проведение процессуального либо следственного действия (примером могут служить положения ч. 2 ст. 29 УПК РФ, предусматривающей случаи получения судебного разрешения на производстве следственных и процессуальных действий);

3) процессуальные условия, определяющие круг участников и их процессуальный статус (например, задержание уполномочены проводить орган дознания, дознаватель, следователь, но, ни в коем случае, ни прокурор);

4) процессуальные условия, устанавливающие в определенных законом случаях время, место, сроки проведения процессуальных действий. Примером могут служить правила проведения допроса (место – по месту производства предварительного следствия или, признав необходимым, следователь вправе провести допрос в месте нахождения допрашиваемого; время – с 6 часов утра до 22 часов вечера, но в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, допускается в ночное время (с 22 часов вечера до 6 часов утра), сроки – не может длиться непрерывно более 4 часов, далее перерыв не менее одного часа для приема пищи и отдыха, но в любом случае продолжительность допроса в течение дня не может превышать 8 часов).

Следующим элементом процессуальной формы являются процедуры, т. е. установленная законом последовательность совершения процессуальных

⁴ Кузнецов Н. П. Сущность, назначение и основные положения уголовного процесса. Предмет и система курса. // Уголовный процесс России : учебное пособие / под ред. Н. П. Кузнецова, З. Ф. Ковриги. Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2003. С. 104.

⁵ См.: Ивашкина Т. С., Овчинников Ю. Г. Единство и дифференциация процессуальной формы // Теология. Философия. Право. 2018. № 2(6). С. 78.

⁶ Смирнов В. А., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. Москва : Норма, 2018. С. 42.

действий. Так, в качестве примера показателен институт привлечения лица в качестве обвиняемого, который включает следующие процедуры: первый этап – вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого; второй этап – извещение лица о дне предъявления обвинения и разъяснение права на участие защитника, если он еще не вступил в уголовное дело; третий этап – непосредственное предъявление обвинения и разъяснения его существа; четвертый этап – допрос обвиняемого по существу предъявленного обвинения.

Третьим элементом уголовно-процессуальной формы являются процессуальные гарантии – правовые средства, обеспечивающие реализацию прав и исполнение обязанностей участников уголовного судопроизводства. Так, например, принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), случаи обязательного участия защитника (ст. 51 УПК РФ), правила о недопустимости доказательств – это крен в сторону прав обвиняемого, подозреваемого.

Процессуальные гарантии можно классифицировать по различным основаниям. Наиболее известные классификации: 1) по источнику закрепления (в международных актах, в Конституции РФ, в УПК РФ); 2) по сфере действия (гарантии всего уголовного процесса либо гарантии прав личности).

Резюмируя изложенное, можно прийти к следующим выводам: процессуальная форма придает единообразие судебной деятельности на всей территории России; закрепляет наиболее целесообразный порядок производства по уголовному делу, устанавливает гарантии, обеспечивающие защиту прав и законных интересов личности в ходе производства по уголовному делу. Уяснение сущности и значения уголовно-процессуальной формы способствует осознанию сущности уголовно-процессуальной деятельности, что в дальнейшем является залогом успешного расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Информация об авторе

Бураева Евгения Анатольевна – студентка 3 курса, Юридический институт Иркутского государственного университета.

**УДК 343.13
Б 90**

**А. О. Бурзалова,
Е. Ю. Воробьева,**
*студентки 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Проблемы сохранения имущества лица, заключенного под стражу

В статье анализируется проблема сохранения имущества лица, заключенного под стражу. На основании обобщения практики сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: имущество, жилище, заключение под стражу.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ применение мер пресечения, ограничивающих права и свободы человека, может быть оправдано публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. При разрешении вопросов, касающихся применения мер пресечения, необходим баланс между публичными интересами и интересами лица, чьи права могут быть ограничены.

В сфере уголовного судопроизводства при применении к подозреваемому или обвиняемому мер процессуального принуждения в виде задержания или заключения под стражу для органов предварительного расследования возникает необходимость принятия дополнительных мер по защите прав и законных интересов названных участников процесса, в том числе права на сохранность принадлежащего им имущества.

В качестве общего условия предварительного расследования ч. 2 ст. 160 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) установлена обязанность следователя, дознавателя, принять меры по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемого и обвиняемого, задержанного или помещенного под стражу¹. В ч. 3 ст. 160 указано, что о принятых мерах следователь или дознаватель уведомляет подозреваемого или обвиняемого. Суд одновременно с вынесением приговора, связанного с лишением свободы, обязан также принять меры по сохранности имущества осужденного (ч. 2 ст. 313 УПК РФ). Между тем, УПК РФ не содержит в себе механизма выполнения обязанностей по сохранности имущества. При этом согласно ч. 2 ст. 1070 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрена гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный гражданину незаконными действиями (бездействиями) государственных органов и должностных лиц.

В практической деятельности имущество передается, как правило, родственникам или близким лицам, на которых укажет подозреваемый, обвиняемый. Сложности возникают тогда, когда у задержанного (арестованного) лица нет родственников или близких лиц, которым имущество может быть передано на хранение, либо указанные лица не готовы осуществлять функции, направленные на обеспечение сохранности имущества.

На практике в тех случаях, когда необходимо обеспечить сохранность имущества, оставленного в жилом помещении, приглашаются участковый уполномоченный, представитель жилищно-эксплуатационной организации (ЖЭК, ДЭЗ, РЭУ) либо местной администрации. Помещение обесточивается, перекрывается водоснабжение, помещение закрывается на замок, опечатывается. Таким же образом перекрывается доступ в строения, находящиеся в собственности арестованного. Однако перекрытие доступа в помещение само

¹ См.: Лавдаренко Л. И., Усов А. Ю. Прокурорский надзор за законностью задержания и заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу : учебное пособие. Иркутск, 2018. С. 42.

по себе не может служить гарантией сохранности имущества в дальнейшем. С этого момента имущество данного лица остается без контроля. В правовом поле не решён вопрос о том, на кого может быть возложена обязанность по сохранности такого имущества. Так, Федеральный закон «О полиции»² и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ не предусматривают полномочия органов внутренних дел и органов местного управления по охране и содержанию рассматриваемого имущества. В связи с тем, что жилищно-эксплуатационные организации функционируют на коммерческой основе, на них также не может быть возложена обязанность по охране и содержанию имущества.

В ст. 109 УПК РФ указан возможный срок нахождения лица под стражей, который не должен превышать два месяца, однако этот срок можно продлить при определенных условиях на шесть, двенадцать и даже восемнадцать месяцев. Кроме того, находящемуся под стражей лицу по приговору суда может быть назначено наказание в виде лишения свободы. При этом как собственник такое лицо не освобождается от обязательных выплат за капитальный ремонт и оказываемые жилищные и коммунальные услуги (содержание и ремонт общего имущества, водоснабжение, электроснабжение, теплоснабжение, вывоз мусора). В итоге у него возникает значительный долг, справиться с которым не всегда возможно. В таких случаях имущество должника может быть арестовано и, по решению суда, выставлено на торги. В случае продажи арестованного имущества часть денежных средств будет направлена на оплату задолженности и возмещение издержек, а оставшаяся сумма – передана этому лицу, как бывшему собственнику этого имущества.

Существует и еще одна серьезная проблема, связанная с оставлением без контроля имущества арестованного лица. Такое имущество может стать объектом преступных посягательств, быть похищено, повреждено, уничтожено. Так, в деревне Ивановская Владимирской области у собственника за один день был разобран и похищен дом, представляющий двухэтажное деревянное строение свыше двухсот квадратных метров⁴. Имеют место обращения в суды с исками к Министерству финансов РФ и соответствующим правоохранительным органам о возмещении материального ущерба и морального вреда со стороны лиц, чье имущество было похищено в период, когда они были лишены свободы⁵.

Мы предлагаем следующие пути решения данной проблемы. В УПК РФ необходимо установить обязанность органов расследования разьяснять

² О полиции : Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : в ред. от 06 февраля 2020 г. № 12-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ : в ред. от 27 декабря 2019 г. № 521-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Из деревни во Владимирской области украли двухэтажный дом // Newsru.com : сайт. URL: <https://www.newsru.com/crime/18sep2002/house.html> (дата обращения: 10.02.2020).

⁵ См.: Определение Липецкого областного суда по делу № 33-804/2011. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

лицу, заключенному под стражу, его права и обязанности по поводу имеющегося у него имущества, а именно: право распоряжения имуществом, право продать имущество и открыть вклад в банке, право заключить договор доверительного управления имуществом. Если лицо не имеет родственников или не желает вступать с ними в обязательственные правоотношения, то он может заключить договор с коммерческой организацией. Полагаем, что возможно и создание государственной структуры, в компетенцию которой будет входить содержание недвижимого имущества лица, заключенного под стражу. Не исключено, что такое имущество, с согласия собственника, будет использовано в социальных целях (временное проживание лиц в жилище при чрезвычайных ситуациях и др.).

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», поэтому существует необходимость детального урегулирования рассматриваемого в данной статье вопроса.

Информация об авторах

Бурзалова Анна Олеговна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ);

Воробьёва Елена Юрьевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.1:347.963

Г 60

И. А. Головатинская,

*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о роли прокурора на стадии возбуждения уголовного дела

В работе исследуется вопрос о полномочиях прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Оценивается объем таких полномочий, а также производится их сравнение с международно-правовыми стандартами.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, стадия возбуждения уголовного дела, прокурор, прокурорский надзор.

Возбуждение уголовного дела, являясь начальной стадией уголовного процесса, представляет собой сложное правовое явление, занимающее важное место среди прочих институтов российского уголовно-процессуального права. В рамках возбуждения уголовного дела начинается реализация назначения уголовного судопроизводства, так как эта стадия наиболее близка по

времени к моменту совершения преступления. Для обеспечения надлежащей защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, а также для защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод необходимо неуклонное соблюдение закона начиная с данной стадии уголовного судопроизводства. В связи с этим большое значение имеет своевременный и эффективный прокурорский надзор за исполнением законов на стадии возбуждения уголовных дел.

О необходимости существования эффективного прокурорского надзора в уголовном процессе ученые высказывались еще в советский период. Так, В. И. Басков отмечал, что действенность прокурорского надзора заключается в стремлении прокурора установить конкретное нарушение закона, а также в создании таких условий, которые исключат нарушения законности в будущем. В связи с этим прокурор должен не «снимать с контроля» ход устранения нарушения закона до тех пор, пока не убедится в достижении поставленной цели¹. Современные исследователи полагают, что под эффективностью прокурорского надзора следует понимать «реально достигнутый уровень состояния законности, обеспеченный деятельностью прокуратуры, осуществляемой посредством минимальной затраты времени и с использованием надзорных полномочий (средств), содержание которых обуславливается спецификой режима правового регулирования сферы реализации надзора»².

Эффективный прокурорский надзор необходим и в стадии возбуждения уголовного дела, которая с момента принятия в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), претерпела неоднократные изменения³. При этом одним из самых существенных изменений явилось лишение прокурора полномочия на возбуждение уголовного дела. В связи с этим среди ученых в области процессуального права не прекращаются споры о том, насколько обоснованным является такое изменение закона по отношению к прокурору.

Проанализировав имеющиеся по данному вопросу позиции ученых и практических работников, возможно все их высказывания по данному вопросу объединить в две группы. Сторонники первой точки зрения считают, что лишение прокурора полномочия на возбуждение уголовного дела является обоснованным. Например, И. С. Дикарев отмечает, что «лишение прокурора права возбуждать уголовное дело является логическим продолжением осу-

¹ Басков В. И. Прокурорский надзор в СССР : учебник. Москва, 1991. С. 82–83.

² См.: Харебава Г. Д. Эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. Ростов-на-Дону, 2012. С. 7.

³ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830 ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 16 ; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1. (ч. 1). Ст. 60 и др.

шествяемой судебной реформы, следствием которой стало отстранение прокурора от выполнения обязанностей, непосредственно связанных с осуществлением уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства»⁴.

Согласно второй точке зрения, которую мы считаем наиболее обоснованной и разделяем, принятое законодателем решение о лишении прокурора полномочия по возбуждению уголовного дела является необоснованным. К. А. Таболина справедливо высказывается о том, что рассматриваемые изменения досудебного производства вызвали на сегодняшний день проблему дефицита полномочий прокурора для обеспечения эффективного надзора в стадии возбуждения уголовного дела. При этом под дефицитом полномочий прокурора, по ее мнению, следует понимать отсутствие у прокурора полномочий по своевременному и эффективному предупреждению нарушения законности и по устранению выявленных им нарушений законов, которые позволяли бы восстановить нарушенное право⁵. В. С. Балакшин в унисон этим высказываниям обосновывает мысль о том, что «прокурор, оставаясь должностным лицом, на которое возложен надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, лишен одного из эффективных средств устранения нарушений закона, каковым было предоставленное ему право при наличии соответствующих оснований возбудить уголовное дело»⁶.

О целесообразности наделения прокурора полномочием по возбуждению уголовного дела свидетельствует некоторая нелогичность ст. 148 УПК РФ в части того, что выявив нарушение закона, и имея право отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, прокурор не имеет права устранить данное нарушение. При этом прокурор вынужден направлять материал в орган предварительного следствия или орган дознания для производства дополнительной проверки, по результатам которой следователь, дознаватель решают вопрос о возбуждении уголовного дела. Указанное обстоятельство не только затрудняет возможность расследования уголовного дела по горячим следам, но также блокирует лицу, потерпевшему от преступления, доступ к правосудию и вызывает лишнюю бумажную волокиту.

С учетом изложенного полагаем целесообразным на законодательном уровне вернуть прокурору полномочие по возбуждению уголовного дела. Такое решение рассматриваемого вопроса соответствовало бы и международно-правовым стандартам. В частности, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия», в п. 2 указано: «Во всех системах уголовного правосудия прокуроры: решают

⁴ Дикарев И. С. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела. Волгоград : ВолГУ, 2011. С. 32.

⁵ Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел : монография. Москва : Норма, 2020. С. 106.

⁶ Балакшин В. С. Возбуждение уголовного дела прокурором // Законность. 2008. № 8. С. 22–25.

вопрос о возбуждении или продолжении уголовного преследования...»⁷. Отметим, что в отличие от России, в большинстве государств-участников Содружества Независимых Государств прокуроры наделены полномочием по возбуждению уголовных дел (в Азербайджанской Республике, Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Молдова, Республике Таджикистан, Туркменистане, Республике Узбекистан).

Информация об авторе

Головатинская Ирина Александровна – магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.16:347.963
Г 95

В. А. Гуров,
студент 5 курса УП РФ

Процессуальное руководство расследованием как функция прокурора в досудебном производстве по уголовным делам

Данная статья посвящена процессуальному руководству расследованием как самостоятельной функции прокурора в досудебном производстве. Произведен анализ некоторых научных позиций по данной функции прокурора. Обосновывается важность сохранения такой функции прокурора. Выработаны функциональные ориентиры и обоснована их значимость для предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурор, функция, процессуальное руководство расследованием.

В настоящее время в соответствии со ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁸ (далее – УПК РФ) за прокурором как участником уголовного процесса закреплены две функции: уголовное преследование и прокурорский надзор, однако в теории уголовного процесса выделяют функцию процессуального руководства расследованием, что, полагаем, нуждается в определенном анализе.

⁷ О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия : рекомендация № R (2000) 19 Комитета министров Совета Европы государствам-членам принята Комитетом министров Совета Европы 06 октября 2000 г. // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 65–70.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 27 декабря 2019 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В юридической литературе встречаются разные подходы к данной функции прокурора. Одни ученые полагают, что данная функция является специфическим способом надзора¹, другие – что данная функция является лишь полномочиями внутри функции уголовного преследования². Однако, на наш взгляд, процессуальное руководство расследованием является самостоятельной функцией прокурора, как это указано в Концепции «О судебной реформе в РСФСР»³, формально действующей в настоящее время.

Представляется, что процессуальное руководство расследованием необходимо для выработки общих подходов при расследовании схожих преступлений, производству отдельных следственных действий, а также должно содействовать укреплению единства следственной практики. Согласимся с мнением И. Ю. Чеботаревой, что данная функция представляет собой «систему процессуальных полномочий прокурора, руководителя следственного органа, начальника органа дознания по использованию правовых механизмов обязывания лица, осуществляющего предварительное расследование, совершить определенные процессуальные действия или принять процессуальное решение»⁴.

Стоит отметить, что в случае реализации полномочий по процессуальному руководству расследованием прокурор должен обладать знаниями не только в сфере уголовно-процессуального и уголовного права, но и активно использовать разработки и достижения криминалистики, поскольку во многом процессуальное руководство расследованием связано с криминалистической методикой и тактикой. Располагая знаниями о криминалистической методике, прокурор может определять последовательность совершения следственных и иных процессуальных действий при расследовании той или иной категории преступлений, с помощью криминалистической тактики – решить вопрос о лучшем способе для проведения определенного следственного действия. В связи с вышеизложенным, мы убеждены, что положительных результатов по процессуальному руководству расследованием можно достичь лишь тогда, когда требования прокурора об алгоритме действий дознавателя по доказыванию события и состава преступления, а также установлению лица, виновного в его совершении, основаны на опыте и знаниях в области криминалистики.

Изменения, внесенные в УПК РФ в период с 2007 по 2010 г., существенно ограничили властно-распорядительные полномочия прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Такие изменения непосредственно связаны с концепцией разделения процессуальных функций предварительного

¹ См.: Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве Москва : Юрист, 1975. С. 44.

² Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. 7-е изд., перераб. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. С. 130.

³ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Суда РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

⁴ Чеботарева И. Ю. Некоторые вопросы соотношения функций процессуального руководства и прокурорского надзора // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 17.

расследования, прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Некоторые ученые полагают, что такое руководящее положение прокурора над дознавателями ставит их в ущемленное положение по отношению к следователю, что является недопустимым. Так, У. А. Мусеибоб полагает, что «принцип разделения полномочий по осуществлению прокурорского надзора и процессуальному руководству предварительным расследованием, реализованный законом в настоящее время только в отношении деятельности органов предварительного следствия, необходимо в связи с указанными обстоятельствами реализовать в законе и по отношению к уголовно-процессуальной деятельности органов дознания и дознавателя»⁵. По нашему мнению, такая точка зрения не учитывает современные реалии правового статуса органов дознания, в связи с чем остаются не учтенными весьма важные обстоятельства, не позволяющие поставить знак равенства между следователем и дознавателем в данном вопросе.

Полагаем, современные полномочия прокурора по процессуальному руководству расследованием в отношении органов дознания являются обоснованными, так как предварительное расследование является не единственной функцией органа дознания, в его обязанности так же входит оперативно-розыскная и административная деятельность. В данном вопросе согласимся с позицией А. С. Анненковой, что «возможность процессуального руководства по отношению к органу дознания со стороны прокурора позволяет минимизировать число некачественно расследованных уголовных дел»⁶. Прокурор, осуществляющий руководство в данной форме предварительного расследования, несомненно, выступает гарантом законности, качества и обоснованности обвинения.

Согласно действующему законодательству, для осуществления функции по руководству дознанием прокурор наделен следующими полномочиями: 1) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); 2) давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); 3) разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы (п. 9 ч. 2 ст. 37 УПК РФ); 4) продлевать срок дознания (ст. 223 УПК РФ).

Согласимся с позицией А. В. Образцова о том, что «процессуальное руководство обращено по большей части в будущее, оно носит перспективный, прогностический характер»⁷. Прокурор, осуществляя процессуальное руководство, призван обеспечить поступательное расследование по уголов-

⁵ Мусеибов У. А. Процессуальные функции и полномочия прокурора // Российский следователь. 2016. № 21. С. 6–10.

⁶ Анненкова А. С. Дознаватель и следователь: должны ли быть одинаковыми процессуальные полномочия? // Прокурор. 2015. № 1. С. 79–82.

⁷ Образцов А. В. Процессуальное руководство предварительным расследованием: функциональные ориентиры // Уголовное судопроизводство. 2017. № 4. С. 31–37.

ному делу, на нем лежит обязанность по формированию ориентиров, на которые должен быть нацелен дознаватель для эффективного и своевременного производства всех процессуальных действий. Рассматривая вопрос о вышеупомянутых ориентирах, полагаем, можно выделить несколько основных аспектов:

1) важность соблюдения установленных законом сроков дознания в целях исключения возможности нарушения разумных сроков досудебного производства по уголовному делу. Согласно ст. 223 УПК РФ прокурор является лицом, принимающим решение о продлении сроков дознания, и несет персональную ответственность за сроки производства дознания;

2) установление всех подлежащих доказыванию по уголовному делу обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. Без их установления невозможно говорить о полноте, объективности и всесторонности предварительного расследования, что будет являться прямым основанием для принятия прокурором решения для возвращения уголовного дела для производства дополнительного дознания (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ).

Конечно, указанный перечень не являются исчерпывающим, а лишь базовым для любого уголовного дела. Дополнительные ориентиры должны выработываться в науке и практике для расследования конкретных категорий преступлений. Кроме того, ориентиры, выработанные прокурором для дознавателя, будут являться и критериями оценки эффективности осуществления дознавателем предварительного расследования и выполнения письменных указаний прокурора о направлении расследования, производстве процессуальных действий. В случае же обнаружения явных нарушений требований УПК РФ в деятельность дознавателя прокурор вправе использовать полномочие по отстранению дознавателя от дальнейшего производства расследования (п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Итак, на основании изложенного можно сделать вывод, что прокурор как лицо, осуществляющее процессуально руководство расследованием в отношении дознавателя и органа дознания, отвечает не только за законность, полноту и объективность расследования по конкретному уголовному делу, но и за обеспечение единого режима законности расследования преступлений во всех поднадзорных органах, в чью компетенцию входит производство дознания по уголовным делам.

Информация об авторе

***Гуров Владислав Александрович** – студент 5 курса, юридический факультет Университета прокуратуры Российской Федерации (УП РФ). 107078, Москва, ул. Новая Басманная, д. 10, стр. 1.*

Электронный адрес: vlad-gurov-97@mail.ru

УДК 343.98
Г 95

М. В. Гурулёва,
студентка 5 курса
ИИ (ф) ВГУЮ

Проблемы следственного действия – предъявления для опознания

В статье анализируется такое следственное действие, как предъявление для опознания. На основе изучения и обобщения практики выявлены проблемы, которые встречаются в работе правоприменителей. В связи с этим предложены пути их решения, среди которых автором видится необходимость законодательного регулирования предъявления для опознания лица по видеозаписи; дополнения ст. 5 УПК РФ понятием «предъявление для опознания».

Ключевые слова: следственное действие, предъявление для опознания, опознающий, опознаваемый.

Предъявление для опознания является не только одним из самых распространенных, но и трудоемких следственных действий, проводимых на стадии предварительного расследования. Данное следственное действие требует тщательной подготовки, планирования. Как правило, к его производству следователь (дознатель) привлекает сотрудников органа дознания, в частности, оперативных подразделений¹.

Согласно ч. 1 ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) следователь может предъявить для опознания лицо или предмет свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Для опознания может быть предъявлен и труп. В следственной практике встречаются и иные виды опознания: домашних и диких животных, транспортных средств, участков местности, видеозаписи, реже – частей трупа. Распространенность данного следственного действия можно обусловить многими факторами. Среди них – распространенность преступлений, при которых присутствует кратковременный контакт как самого потерпевшего с преступным лицом, так и лицам, которые стали свидетелями преступного деяния.

УПК РФ не дает конкретного определения понятия «предъявление для опознания». Ст. 193 УПК РФ, регламентирующая предъявление для опознания, может трактоваться далеко не однозначно. Закон, достаточно детально прописывая процедуру предъявления для опознания, увы, не даёт конкретного определения этого действия, что никак не способствует правильному и

¹ Плеснёва Л. П. Содействие при производстве следственных и иных процессуальных действий как форма взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 88.

единообразному представлению о сущности и целях его производства². Представляется возможным сформулировать новый п. 27¹, дополняющий базисную ст. 5 УПК РФ: «предъявление для опознания – следственное действие, заключающееся в представлении опознающему лицу для восприятия лиц, предметов, участков местности или трупа (либо их фотографий) с целью идентификации одного из представленных объектов как воспринимавшегося этим лицом ранее при обстоятельствах, имеющих значение для расследования по делу, либо установления между ними сходства или отсутствия сходства»³.

Следует отметить проблему проведения данного следственного действия после проведения схожего оперативно-розыскного мероприятия. Так, в силу п. 7 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴ одним из оперативно-розыскных мероприятий является отождествление личности, когда очевидцам преступления демонстрируют фотоснимки человека, после предварительного опроса о внешних признаках разыскиваемого. Таким образом, оперативное отождествление личности, становится предшественником самого предъявления для опознания. Сначала лицо опознает разыскиваемого по фотокарточкам, а потом данное лицо предъявляется для опознания в порядке предусмотренным УПК РФ. В данной ситуации возникает вопрос об объективности и допустимости в последующем данного следственного действия к числу доказательств, на основании которого будет формироваться обвинительный уклон. Как показывает практика, органы предварительного расследования предъявляют личность, которую ранее опознающий опознал в ходе оперативного мероприятия.

В ч. 3 ст. 193 УПК РФ законодатель устанавливает императивный порядок предъявления для опознания, который исключает возможность опознания лица тем же опознающим по тем же признакам внешности. Недопустимость показа опознающему того же человека или его фотоснимков перед предъявлением для опознания указывают и многие отечественные криминалисты. Например, по мнению О. Я. Баева «опознание, проведенное по фотографии, исключает возможность дальнейшего предъявления, запечатленного на ней человека «в натуре» тому же опознающему, ибо неумолимо является «наводящим» действием», которое «не может быть расценено иначе, как инсценировка этого важнейшего следственного действия, не имеющая, разумеется, никакого доказательственного значения»⁵.

В данной ситуации имеется законодательный пробел, который непосредственно должен быть урегулирован нормами уголовно-процессуального

² Солодов Д. А. Опознание: проблемы правопонимания и правоприменения // Воронежские криминалистические чтения. 2009. Вып. 11. С. 317–326.

³ Белкин А. Р. Процессуально-тактические сложности предъявления для опознания // Вестник криминалистики. 2015. Вып. 4(56). С. 27–28.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. от 2 августа 2019 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁵ Бабаев О. С. Концептуальные основы и тенденции развития криминалистической тактики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 1998.

законодательства, а именно, корректировкой ч. 3 ст. 193 УПК РФ в части того, возможно ли предъявление для опознания, после оперативного отождествление личности.

Точка зрения ученых и практиков, которые говорят о том, что ознакомление опознающего по фотокарточкам в ходе оперативно-розыскного мероприятия перед самим производством предъявления для опознания является допустимым. С данной позицией невозможно согласиться, так как в данном случае утрачивается объективность и достоверность данного следственного действия.

Следует отметить, что большинство научных работ, затрагивающих тактику производства предъявления для опознания, были опубликованы еще в период действия УПК РСФСР 1960 г., в котором, например, отсутствовали положения о предъявлении для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, а также возможность предъявления для опознания в судебном заседании. В настоящее время ряд проблем по организации и тактике проведения данного следственного действия остается не урегулированным и на теоретическом уровне.

Наибольшее количество организационных и тактических особенностей проведения данного следственного действия связано с предъявлением для опознания живых лиц. Так, предъявление для опознания по признакам внешнего облика, оразившимся на видеозаписи, в настоящее время нуждается в усовершенствовании со стороны уголовно-процессуального законодательства, т. к. в современном УПК РФ отсутствует норма, регулирующая данный вид предъявления для опознания.

Необходимость предъявления для опознания лица по видеозаписи возникает в том случае, когда опознаваемого надо показать в движении, воссоздать ситуацию, при которой его последний раз наблюдали. Данная ситуация возникает тогда, когда непосредственное присутствие опознаваемого невозможно (например, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования и его место нахождения невозможно установить по объективным причинам и т. д.). Следует заметить, что предъявление для опознания по видеозаписи зарекомендовал себя как один из методов получения объективных данных по расследуемому событию.

Поскольку в настоящее время предъявление для опознания по видеозаписи законодательно не закреплено, следует согласиться с Д. А. Степаненко о том, что в данном случае необходимо руководствоваться принципом «приоритета норм права в конкуренции с криминалистическими научными рекомендациями»⁶. На практике следователи обычно производят осмотр видеозаписи в соответствии с ч. 1 ст. 176 УПК РФ либо привлекают специалистов. Специалисты выбирают один или несколько видеок кадров и делают их распечатку, и в последующем следователь данные кадры предъявляет как фото-

⁶ Степаненко Д. А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 34, 37.

карточки.

Таким образом, можно сделать вывод, что предъявление для опознания является одним из сложных следственных действий. Из-за его многоэтапности правоприменители нередко встречаются с проблемами, которые не урегулированы законодательно в ст. 193 УПК РФ. Эти законодательные пробелы могут негативно сказываться на судебной и следственной практике, в связи с чем, нуждаются в их законодательном урегулировании. Представляется, что предложенные рекомендации будут способствовать возможности получить важное доказательство, имеющее значение для расследуемого события, а само предъявление для опознания не вызовет сомнений в его достоверности.

Информация об авторе

Гурулёва Маргарита Вадимовна – студентка 5 курса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского Государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Электронный адрес: rita.guruleva.97@mail.ru

УДК 343.1

Д 58

А. И. Довбня,

*магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

Научные и законодательные подходы к классификации оснований прекращения уголовного дела

В статье анализируются классификации оснований прекращения уголовного дела. Дается теоретическая и практическая оценка таких классификаций. Выделяются ее достоинства и недостатки нормативной классификации оснований прекращения уголовного дела.

Ключевые слова: классификация, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного дела и уголовного преследования.

Уголовно-процессуальное законодательство содержит достаточно широкий перечень оснований прекращения уголовного дела, которые частично классифицированы законодателем, но в большой степени ученые высказывают различные подходы к данной классификации. Так, одной из наиболее долго существующих классификаций оснований прекращения уголовного дела является подразделение их на 1) юридические, которые устраняют либо преступность деяния, либо его наказуемость, 2) фактические, которые так или иначе указывают на недоказанность участия конкретного лица в совершении преступления или связаны с отсутствием события преступления¹.

¹ См.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс : учебник. Москва : Госюриздат, 1962. С. 327–328 ; Илюхина С. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования в стадии предва-

Данная классификация подлежала многочисленной и, на наш взгляд, обоснованной критике. Так, по мнению ряда авторов, указанная классификация является неинформативной, не несущей в себе ни познавательной (образовательной), ни практической ценности². Обосновываются указанные замечания тем, что, во-первых, все основания, изложенные в УПК РФ, являются юридическими, а во-вторых, каждое основание по своей природе предполагает существование определенных факторов, значит, является и фактическим.

Другая классификация оснований прекращения уголовного дела подразделяет их на 1) материально-правовые, которые базируются на нормах уголовного права, т. е. лежат в плоскости уголовно-правовых институтов (например, отсутствие состава преступления), и 2) процессуально-правовые, при которых, несмотря на наличие всех обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления, не может быть начата или продолжена уголовно-процессуальная деятельность (например, смерть обвиняемого)³.

Мнения относительно рассматриваемой классификации в науке уголовного процесса разделились. Так, А. Б. Юрасов полагает, что классификация является удачной, т. к. указывает, в чем состоят основные правовые категории оценки оснований прекращения уголовного дела, а также объясняет некоторые процессуальные особенности прекращения уголовных дел по отдельным видам оснований⁴. На наш взгляд наиболее обоснованной представляется позиция авторов, указывающих на то, что данная классификация имеет ряд недостатков. Среди таких выделяют, например, условность классификации, поскольку почти все основания прекращения уголовного дела затрагивают и материальные, и процессуальные аспекты⁵; возможность возникновения ситуаций, которые невозможно отнести ни к одной из обозначенных групп. Например, непричастность лица к совершению преступления – материально-правовой аспект заключается в ошибке оценки субъекта, а процессуально-правовой аспект – в отсутствии доказательств виновности лица.

Имеется классификация оснований прекращения уголовного дела на: 1) влекущие прекращение уголовных дел всегда (в обязательном порядке) и 2) влекущие прекращение уголовных дел по решению компетентных органов. Причем последнюю группу оснований авторы подразделяют на решения, принимаемые органом самостоятельно, решения, принимаемые с согласия руководителя следственного органа или прокурора или решения, прини-

рительного расследования по основаниям, предусмотренным в ст. 25, 28 УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саранск, 2003. С. 46–47.

² См.: Жогин Н. В. Предварительное следствие в советском уголовном. Москва : Юрид. лит., 1965. С. 304–305 ; Попов И. А. Законность и обоснованность прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 1992.

³ См.: Давыдов П. М. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе. Москва : Госюриздат, 1963. С. 10–11 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред Л. А. Воскобитова. Москва : Норма : ИНФРАМ, 2020. С. 536–537.

⁴ Юрасов А. Б. Основания прекращения уголовного дела действующем российском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2005. С. 38.

⁵ Курс уголовного процесса / под ред. проф. Л. В. Головкин. Москва : Статут, 2017. С. 778.

маемые судом⁶. Однако указанная дихотомия породила дискуссию о том, является ли прекращение уголовного дела, влекущее за собой освобождение лица от уголовной ответственности, правом или обязанностью органов предварительного расследования. Следовательно, данная классификация представляется достаточно спорной.

В науке уголовного процесса предложена классификация, в которой основания прекращения уголовного дела подразделены на: 1) исключающие уголовную ответственность и 2) освобождающие от уголовной ответственности⁷. Эту классификацию можно считать более проработанной, т. к. лицо освобождается от уголовной ответственности лишь тогда, когда он совершил деяние, являющееся преступным и уголовно наказуемым – именно это является основным отличием оснований, освобождающих от уголовной ответственности от оснований, исключаящих уголовную ответственность.

Наиболее теоретически обоснованной и практикоориентированной, на наш взгляд, является классификация оснований прекращения уголовного дела в зависимости от правовых последствий прекращения уголовного дела для лица, в отношении которого применяется это решение, на: 1) реабилитирующие и 2) нереабилитирующие⁸.

Однако такая классификация имеет ряд интерпретаций. Так, В. Г. Степанов и В. В. Шимановский подразделяют нереабилитирующие основания на основания, исключаящие возможность применения к виновному лицу мер административного, общественного и воспитательного воздействия и основания, предполагающие обязательное применение к виновному лицу мер административного, общественного и воспитательного воздействия⁹. А. П. Рыжаков предлагает дополнить данную классификацию третьей группой оснований, к которым предлагает относить такие, которые могут относиться как к первой, так и ко второй группе¹⁰. Некоторые авторы предлагают помимо реабилитирующих и нереабилитирующих оснований выделить и основания, указывающие на невозможность повторного расследования деяния лиц, о которых компетентные органы приняли решение, не отмененные в установленном законом порядке; и иные основания, предусматривающие при наличии определенных условий исключение уголовной ответственности отдельных категорий лиц, не предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством¹¹.

⁶ Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. Москва, 1970. С. 168.

⁷ Несвит В. В. Процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2002. С. 14.

⁸ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л. А. Воскобитова. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2020.

⁹ Степанов В. Г. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования : учеб. пособие / отв. ред. А. А. Любавин. Ленинград : Ин-т усовершенствования следственных работников прокуратуры и МВД СССР, 1979. С. 23–24.

¹⁰ Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Москва : Дело и сервис, 2011. С. 530.

¹¹ Петуховский А. А. Окончание предварительного расследования составлением постановления о прекращении уголовного дела : лекция. Москва : Академия МВД России, 1994. С. 5–6.

На наш взгляд, классификация оснований прекращения уголовного дела на две основные группы – реабилитирующие и нереабилитирующие – наиболее полно раскрывает сущность института прекращения уголовного дела и уголовного преследования, указывает на основания его применения и вытекающие из этого последствия и не требует более мелкого дробления.

Необходимо отметить, что несмотря на широкую распространенность указанной классификации оснований прекращения уголовного дела на сегодняшний день так и не выработано единой позиции относительно того, какие конкретно основания необходимо относить к реабилитирующим, а какие – к нереабилитирующим, что, возможно, обусловлено и спецификой регулирования смежных правовых институтов, в частности, института реабилитации. Реабилитация, безусловно, охватывает такие бесспорные (безусловные) реабилитирующие основания прекращения уголовного дела, как отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), отсутствие состава преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Вместе с тем в соответствии с положениями гл. 18 УПК РФ право на реабилитацию возникает и при прекращении уголовного дела по другим основаниям, например, за истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). Хотя данное основание прекращения уголовного дела в науке прямо относить к нереабилитирующим основаниям¹². Одновременно законодатель указал, что право на реабилитацию не возникает ввиду недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ч. 4 ст. 133 УПК РФ), хотя в соответствии с уголовным законодательством недостижение возраста уголовной ответственности означает отсутствие в деянии одного из элементов состава преступления – субъекта преступления, следовательно, в данном случае должно иметь место прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления, которое влечет право на реабилитацию.

Полагаем, что положения гл. 18 УПК РФ нуждаются в совершенствовании, что, безусловно, повлияет и на содержание основной классификации оснований прекращения уголовного дела на реабилитирующие и нереабилитирующие.

Информация об авторе

Довбня Алина Игоревна – магистрант 2 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

¹² См.: Виноградова О. Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2003.

УДК 343.1
Д 80

Б. З. Дугарова,

*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Проблемы процессуального регулирования производства эксгумации

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы процессуального регулирования производства эксгумации, предложены способы их решения.

Ключевые слова: следственное действие, эксгумация

Статьей 178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусмотрена эксгумация в качестве отдельного следственного действия, которая представляет собой извлечение трупа из мест захоронения. Однако законодателем не регламентирован четкий порядок производства эксгумации, а также обратный порядок захоронения трупа после проведения эксгумации, в связи с этим на практике возникает ряд проблем.

Согласно УПК РФ рассматриваемое следственное действие проводится по постановлению следователя об эксгумации, и по согласию близких родственников и родственников покойного. В случае возражения указанных лиц против эксгумации, процедура проводится с разрешения суда (ст. 178 УПК РФ). Но в ст. 29 УПК РФ среди полномочий суда в уголовном судопроизводстве такое полномочие не указано.

Кроме того, возникает вопрос, необходимо ли разрешение суда, если у покойного нет родственников? Учитывая, что эксгумация не относится к ряду неотложных процессуальных действий, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, на практике в такой ситуации (при отсутствии родственников) допускается проведение эксгумации по постановлению следователя без судебного разрешения.

Для разрешения указанных пробелов, на наш взгляд, целесообразным является дополнение некоторых статьей УПК РФ. Так, в ч. 2 ст. 29 и ч. 3 ст. 178 УПК РФ следует дополнить следующим положением: «Суд принимает решение о производстве эксгумации и изъятии образцов или частей эксгумированного трупа для проведения экспертных исследований»; «При отсутствии близких родственников и родственников покойного проведение эксгумации не требует разрешения суда».

Необходимо отметить, что вопрос, касающийся оформления хода и результатов эксгумации, также вызывает сложности. В доктрине нет единого подхода к пониманию, в каком количестве и какие именно протоколы необходимо составлять в случае производства эксгумации трупа и его последующего осмотра. Существуют следующие точки зрения:

– результаты эксгумации и осмотра трупа оформлять единым протоколом;

– результаты эксгумации фиксировать в протоколе осмотра;

– оформлять эксгумацию отдельным протоколом.

Решение обозначенной проблемы зависит от установления следующего обстоятельства – является ли эксгумация самостоятельным следственным действием или нет. Мы разделяем позиции ученых, утверждающих, что эксгумация представляет собой самостоятельное следственное действие по следующим причинам:

– во-первых, аргумент оппонентов, что эксгумация является лишь предпосылкой для производства осмотра трупа, признаваемого следственным действием, не свидетельствует о том, что сама эксгумация – не следственное действие. Уголовно-процессуальное законодательство знает и иные следственные действия, которые неразрывно связаны с другими следственными действиями. К примеру, очная ставка проводится только по результатам ранее проведенных допросов и сама является разновидностью допроса. Вместе с тем, она сохраняет за собой статус самостоятельного следственного действия. Поэтому эксгумация как разновидность осмотра трупа имеет право признания самостоятельным действием;

во-вторых, одним из основных признаков следственных действий является поисково-доказательственный характер, иными словами они направлены на получение новых доказательств. В определенных случаях эксгумация носит самостоятельное доказательственное значение в независимости от результатов последующего осмотра трупа. То есть эксгумация имеет собой определенную цель – получение доказательство. Данное мнение высказывают в своих трудах Е. С. Жмуров, В. М. Быков, подчеркивая, что в ходе эксгумации может устанавливаться наличие (отсутствие) умершего в определенном месте захоронения в целях идентификации его личности, осуществляться повторный осмотр трупа, добываться образцы для сравнительного исследования, может предъявляться труп для опознания. Эксгумация зачастую осуществляется для проведения судебной экспертизы¹.

Исходя из того, что эксгумация представляет собой самостоятельное следственного действия, следует признать необходимым оформление эксгумации отдельным протоколом, хотя об этом прямо не указано в УПК РФ. Предлагаем включить в УПК РФ норму о порядке составления протокола эксгумации, в котором следует отражать порядок фиксации и проведения дополнительных действий.

Информация об авторе

Дугарова Бутит Зоригтуевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

¹ Быков В. М., Жмурова Е. С. Эксгумация трупа как самостоятельное следственное действие // Вестник Саратовской государственной академии права. 2003. № 2. С. 61.

УДК 343.1
Ж 68

Д. М. Жигулина,
М. С. Кротов,
студенты 3 курса РГУП

К вопросу о способах преодоления преюдиции и пути их развития

В данной статье приведены существующие на данный момент способы преодоления преюдиции, которые проанализированы через призму их эффективности. На основе найденных проблем были внесены предложения о их совершенствовании, базирующиеся на рассмотренных механизмах зарубежного законодательства.

Ключевые слова: преодоление преюдиции, уголовное судопроизводство, анализ механизмов, преюдиция.

Для рассмотрения существующих способов преодоления преюдиции и возможных путей их совершенствования необходимо, в первую очередь, обратиться к правовой природе самого института. В действующей редакции ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) под преюдицией понимается обязательность признания без проведения дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившими в законную силу судебными актами. Помимо обстоятельств, установленных в судебном приговоре (апелляционном определении) уголовного дела, должны учитываться и обстоятельства судебных решений, принятых в административном, гражданском, арбитражном судопроизводстве, что говорит о межотраслевом характере института. Как конструкция статьи, так и правовая природа института устанавливает императивный характер данного правила, за исключением точно выбранных законодателем случаев. Такое требование, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации необходимо для обеспечения общеобязательности и стабильности судебных актов, что служит поддержанием непротиворечивости и обеспечивает действие принципа правовой определённости¹.

Несмотря на то, что ст. 90 УПК РФ предусматривает межотраслевую неопровержимую преюдицию², в правоприменительной практике встречаются ситуации, когда может возникнуть потребность в её преодолении. Это может иметь место, когда имеется сомнение в достоверности установленных фактов или выявляется явное несоответствие их действительности. Помимо

¹ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кюттенен Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав положением статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 ноября 2015 г. № 2685-О. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Семенов В. Г. Пути решения проблемы неопровержимой преюдиции в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2011. № 8. С. 2.

этого, не стоит забывать о возможной фальсификации или допущения судебной ошибки. Для разрешения подобных ситуаций и необходимы стабильный способ преодоления, которые не только не поколеблет авторитет судебного акта, но и позволит сохранить процессуальную экономию³.

Первая возможность преодоления преюдиции предусмотрена законодателем в самой рассматриваемой правовой норме – приговоры, вынесенные в особом порядке (ст. 226⁹, 316, 317⁷ УПК РФ), которые лишены преюдициальной силы постольку, поскольку они не содержат исследование оценки доказательств дела, а также отмечаются случаи неучастия подозреваемого (обвиняемого) в ранее рассмотренном деле из-за невозможности выражения своей позиции и предоставлении доказательств в опровержение (ст. 234 ГПК РФ, ст. 247 УПК РФ, ст. 292 КАС РФ, ст. 229 АПК РФ и т. д.). Закрытый перечень всех видов неприюдициальных категорий итоговых судебных приговоров и решений не установлен ст. 90 УПК РФ, что затрудняет установление их места в системе преодоления того же судебного приказа (ст. 126 ГПК РФ, ст. 229⁵ АПК РФ, ст. 123⁵ КАС РФ), постановления или определения о рассмотрении жалобы (ст. 125 УПК РФ), которые в силу специфических особенностей доказывания подобным образом не рассматриваются в качестве преюдициальных судебных актов. По нашему мнению, верным решением было бы внести изменения в данную статью отдельный пункт с закрытым перечнем исключений, что придало бы данной норме определённость и позволило бы избавиться от затруднений с её применением, ограничив её пределы.

Второй способ закрепил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 21 декабря 2011 г. № 30-П, где указано, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом, могут не учитываться судом только после его пересмотра в установленном порядке по вновь открывшимся обстоятельствам. Для такого пересмотра необходим факт установленного преступления против правосудия или фальсификации доказательств⁴. Данная рекомендация хоть и ответила на вопрос о возможности игнорировать преюдициальные решения, но оставила ряд нераскрытых вопросов.

Одна из проблем связана с тем, что данный способ невозможно будет применить в том случае, когда причина пересмотра не будет связана с преступлением против правосудия, а будет связана с тем же разногласием в субъективной оценке доказательств и фактов или с иной причиной. Это обусловлено тем, что пересмотр не может быть осуществлён, так как данные обстоятельства не были известны суду на момент вынесения решения.

³ См.: Колоколов Н. А. Преюдиция. Преступление в сфере экономики: факты одни, а их оценки у судов общей юрисдикции и арбитражных судов разные // Юрист. 2009. № 6. С. 56–65.

⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2011 г. № 30-П г // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2012/01/11/ks30p-dok.html> (дата обращения: 21.03.2020).

Другая проблема связана с продолжительностью такой процедуры, что нарушает изначальную цель данного института – процессуальную экономию. Это вызвано тем, что для продолжения рассмотрения данного дела параллельно вне его рамок должно пройти судебное разбирательство, которое должно быть окончено вынесением обвинительного приговора. Это предаёт данному механизму неэффективность, обусловленную длительностью проведения данной процедуры, что может «играть на руку подсудимому».

Разумным решением было бы развить данную рекомендацию Конституционного Суда Российской Федерации по пути расширения перечня оснований для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, дополнив его новым обстоятельством и расширив перечень субъектов с данной инициативой. Так, в ходе рассмотрения зарубежной практики в УПК Италии было найдено такое новое применяемое обстоятельство, как противоречие фактов, служащих обоснованием решения, фактам, признанных в другом окончательном решении⁵.

Как видно из выделенных проблем, способы нуждаются в кардинальной доработке как с точки зрения законодательной уточняющей коррективы пределов применения института в отношении изначально неприюдициальных итоговых судебных решений, так и возможности расширения оснований опровержения ранее установленных обстоятельств. Считается необходимым усовершенствовать способ преодоления преюдиции, опираясь на выделяемые проблемы, и завершить его официальное оформление в основном источнике уголовно-процессуального права или в качестве Постановления Верховного Суда, что придало бы ему стабильность и эффективность.

Информация об авторах

Жигулина Дарья Михайловна – студентка 3 курса, Восточно-Сибирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (ВСФ ФГБОУ ВО «РГУП»).

E-mail: positiffchick@gmail.com.

Кротов Максим Сергеевич – студент 3 курса, Восточно-Сибирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (ВСФ ФГБОУ ВО «РГУП»).

E-mail: krotoff.maksim@outlook.com.

⁵ Codice di procedura penale 2007. Leggi complementari. Annotato con la giurisprudenza // Luigi Tramontano // HALLEY Editrice, 2007. С. 428.

УДК 343.126.4
З 13

А. С. Заворотный,

магистрант 2 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ

К вопросу об эффективности залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве

В статье рассматриваются проблемные вопросы применения уголовно-процессуальных норм о залоге. Последовательно раскрываются основные тенденции развития данного института на современном этапе, приводятся различные мнения авторов, встречающиеся в литературе, анализируется судебная практика, предлагаются механизмы повышения эффективности данной меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, залог, размер залога, гуманизация, уголовно-процессуальная политика.

Залог как мера пресечения известна российскому законодательству с давних времен, в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. указывалось: «когда обвиняемый подозревается в преступном действии, за которое в законе положено заключение в тюрьме... суд вправе потребовать ... Несмотря на глубокие исторические корни, современный институт залога в уголовном судопроизводстве не раз подвергался критике в научной литературе и до сих пор не находит широкого распространения в правоприменительной практике, хотя его преимущества по сравнению с заключением под стражу очевидны: ограничения личного характера, в том числе свободы передвижения, менее обременительны для подозреваемого или обвиняемого и наиболее соответствуют уважительному отношению к достоинству личности; его применение позволяет избежать возможных негативных последствий для физического и психического здоровья личности; важную роль играет также материальная составляющая в стимулировании надлежащего поведения лица, поскольку в случае установления факта нарушения данной меры пресечения внесенный залог будет обращен в доход государства; нельзя не отметить возможность разгрузки уголовно-исполнительной системы и экономии бюджетных средств на содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых.

Несмотря на кажущуюся привлекательность института залога на должном уровне реализации данной меры не произошло. Согласно статистическим данным, содержащимся в отчете Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 г., судами рассмотрено всего 122 ходатайства избрания меры пресечения в виде залога, из них удовлетворено – 108. Для сравнения за этот же период судами рассмотрено 113 141 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 28 980

ходатайств о применении домашнего ареста¹.

Такое положение первоначально связывалось в основном с недостаточностью правового регулирования, потому нормы о залоге подвергались постоянной модернизации. Сначала в УПК РФ были установлены минимальные границы суммы залога в зависимости от тяжести совершенного преступления: 100 000 рублей по преступлениям небольшой и средней тяжести, не менее 500 000 рублей – за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 3 ст. 106 УПК РФ). Некоторые авторы отметили, что широкому применению залога препятствует существенный минимальный размер залога, который необходимо было внести по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести². В 2014 г. ст. 106 УПК РФ подверглась изменениям в части снижения минимального размера залога по преступлениям небольшой и средней тяжести со 100 000 до 50 000 рублей. Однако и после этих изменений ситуация с избранием залога существенно не изменилась, о чем свидетельствуют изложенные в начале статьи статистические данные.

В литературе высказывается мнение о том, что столь редкое применение залога связано с тем, что многие не имеют материальной возможности внесения залога, потому необходимо отказаться от ограничения в виде его минимального размера, установленного УПК РФ³. С такой позицией сложно согласиться, поскольку при существенном снижении размера залога, теряется всякий смысл существования данной меры пресечения, ведь сумма залога должна быть достаточно существенной для лица, чтобы быть гарантией выполнения процессуальных обязанностей подозреваемого, обвиняемого. На наш взгляд, по означенной проблеме (отсутствие материальной возможности) предусмотреть в законе для таких подозреваемых, обвиняемых возможность снижения судом в исключительных случаях за совершение преступлений небольшой и средней тяжести установленного минимального размера залога с учетом имущественного положения залогодателя.

Практическому распространению залога не помогло и принятие Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления № 41, где указано, что решение об избрании меры пресечения в виде залога суд вправе принять по результатам обсуждения возможности применения альтернативных заключению под стражу или домашнему аресту мер пресечения (п. 49)⁴.

В настоящее время в России в сфере уголовного судопроизводства за

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 20.01.2020).

² См.: Шувалова М. Верховный Суд РФ скорректирует свои разъяснения о назначении мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога. URL: <https://www.garant.ru/news/692522/> (дата обращения: 18.09.2019).

³ См.: Ковтун Ю. А., Шевцов Р. М., Рудов Д. Н. Мера пресечения залог: проблемы теории и практики применения // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 6. С. 103.

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 : в ред. от 24 мая 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

основу взят устойчивый курс на гуманизацию, демократизацию и укрепление правовых гарантий личности. Особенно четко прослеживается тенденция смягчения ответственности за преступления экономической направленности. В сфере уголовного судопроизводства знаковым является установление запрета на применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность⁵. Учитывая данные рекомендации, полагаем, что избрание залога представляется наиболее обоснованным, прежде всего, в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений экономической направленности, в том числе, в сфере предпринимательской деятельности.

Некоторые авторы считают, что избрание залога как меры пресечения следует отменить в отношении подозреваемых, обвиняемых за совершение ими тяжких и особо тяжких преступлений в связи с их особой общественной опасностью⁶. Однако анализ судебной практики показывает, что отказ в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога только на основании тяжести совершенного преступления не состоятелен. Так, например, Оренбургский областной суд указал, что выводы суда первой инстанции о необходимости удовлетворения возбужденного следователем ходатайства о продлении срока домашнего ареста основаны лишь на том, что М. обвиняется в совершении особо тяжкого преступления. Однако сама по себе тяжесть преступления не может служить достаточным основанием для продления домашнего ареста, никаких объективных данных о том, что М. может скрыться от органов предварительного расследования и суда в деле не имеется и суду не представлено. Учитывая изложенное, суд находит, что цели применения меры пресечения могут быть достигнуты и при избрании М. меры пресечения в виде залога, которая будет являться гарантией его явки в органы предварительного расследования и в суд⁷.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об определении судом размера залога, который должен решаться с учетом тяжести совершенного преступления, данных о личности подозреваемого или обвиняемого и других обстоятельств (ст. 99 УПК РФ). Сложность состоит в том, что сумма залога не должна ставить залогодателя в тяжелое материальное положение, с одной стороны, при этом дисциплинировать подозреваемого или обвиняемого, с другой. В научной литературе обращено внимание на неэффективность уста-

⁵ О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 3 октября 2017 г. № 33. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Дорошева А. А. Некоторые проблемы применения «строгих» мер пресечения в уголовном судопроизводстве РФ // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 8. С. 140–145.

⁷ Апелляционное постановление Оренбургского областного суда от 15 марта 2019 г. по делу № 22К-838/2019 // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xtxcNKupKEHN/> (дата обращения: 19.09.2019).

навливаемого судами размера залога по преступлениям экономической направленности: «...вред, причиненный преступлением экономической направленности, зачастую во много раз превышает установленный судом залог и практически не стимулирует лиц, в отношении которых избрана данная мера пресечения к надлежащему поведению»⁸.

Представляется, что при расчете размера залога следует учитывать, в первую очередь, уровень доходов подозреваемого, обвиняемого и залогодателя, стоимость имеющегося у них имущества, размер причиненного преступлением вреда.

В целях повышения эффективности залога как меры пресечения необходимо тщательно исследовать вопросы о личности залогодателя, в т. ч., его имущественном положении. В связи с чем целесообразно внести изменения в УПК РФ в части, касающейся возможности в исключительных случаях снижения минимального размера залога судом с учетом имущественного положения залогодателя и тяжести совершенного обвиняемым преступления. Разумным видится и подход правоприменителей, сочетающих залог с мерой пресечения в виде запрета определенных действий, что также положительно сказывается на действенности данного института.

Информация об авторе

***Заворотний Александр Сергеевич** – магистрант 2 года обучения, Иркутский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).*

УДК 347.963

К 21

Р. О. Каргин,

студент 2 курса

магистратуры ЮИ ИГУ

Вопросы, связанные с реализацией прокурором полномочий при избрании отдельных мер пресечения

В статье рассматриваются полномочия прокурора при разрешении судом ходатайства следователя об избрании в отношении подозреваемых (обвиняемых) таких мер пресечения, как залог, запрет определенных действий, домашний арест и заключение под стражу; отмечается проблема, связанной с рассогласованностью позиций указанных участников по решению об избрании указанных мер пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, избираемые по судебному решению; полномочия прокурора; прокурорский надзор; рассогласованность позиций следователя и прокурора.

⁸ См.: Фетищева Л. М. Законодательное регулирование и практика применения залога в качестве меры пресечения в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 353–356.

В июне 2007 г. законодательная регламентация полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве подверглась значительным изменениям путем перераспределения ряда надзорных полномочий в пользу руководителя следственного органа. Однако многие ученые отмечают, что данная реформа не привела к ожидаемому эффекту. Так, Л. В. Головки указывает, что рассматриваемые изменения не привели к установлению независимости следователя, а функция надзора вместе с большей частью полномочий прокурора перешла от последнего к руководителю следственного органа и получила название «ведомственный контроль», которой также именуется «процессуальным контролем»¹. И. Г. Коршунов отмечает, что механизм защиты прав в уголовном судопроизводстве был нарушен подменой прокурорского надзора ведомственным контролем².

Одним из существенных изменений УПК РФ 2007 г. стала передача полномочий прокурора руководителю следственного органа в части дачи согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании мер пресечения, требующих судебного разрешения. В нынешней редакции УПК РФ давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании одной из рассматриваемых мер пресечения (залог, запрет определенных действий, домашний арест, заключение под стражу) уполномочен руководитель следственного органа (ст. 39). Что, по мнению Ж. К. Коняровой является подтверждением постепенного сужения сферы деятельности прокурора, связанной с осуществлением надзора на стадии предварительного следствия³.

Однако прокурор полностью не отстранен от решения данного вопроса. В соответствии с УПК РФ (п. 8 ч. 2 ст. 37 и др.) прокурор участвует в судебном заседании, в ходе которого рассматривается ходатайство следователя об избрании одной из указанных мер пресечения, а также обосновывает его самостоятельно либо дает поручение лицу, возбудившему ходатайство. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» конкретизирует данное полномочие прокурора, указывая, что на прокурора возлагается обязанность по участию в судебном заседании, в ходе которого подлежит рассмотрению ходатайство следователя об избрании одной из мер пресечения, указанных в п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, подчеркивается необходимость проверки законности постановления следователя, его соответствия обстоятельствам, установленным в ходе расследования, соразмерности и обоснованности избрания меры пресечения, заявленной в ходатайст-

¹ Головки Л. В. Реформирование следственных органов в России // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2013. № 3. С. 44.

² Коршунов И. Г. О проблемах реформирования прокурорского надзора в современный период // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2013. № 4. С. 295.

³ Конярова Ж. К. Реализация дискреционных полномочий прокурора при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по ходатайству следователя // Вестник Оренбургского университета. 2008. № 3. С. 42.

ве⁴.

Поскольку заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, остановимся более подробно на проблемных моментах, связанных с полномочиями прокурора в случае избрания данной меры пресечения следователем. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в УПК РФ законодательно не закреплена обязанность следователя направлять прокурору копию постановления о возбуждении соответствующего ходатайства и материалы, подтверждающие его обоснованность. В соответствии с положениями ч. 6 ст. 108 УПК РФ действия прокурора при рассмотрении судом ходатайства об избрании данной меры пресечения сводятся к самостоятельному обоснованию ходатайства следователя, либо к даче последнему соответствующего поручения, что, на наш взгляд, не означает обязательности для прокурора позиции, выработанной следствием. Из анализа данных правовых норм следует вывод, что прокурор может не согласиться с доводами следователя, изложенными в рассматриваемом виде ходатайства, что может привести к возникновению ситуаций, когда либо два государственных органа, осуществляющих уголовное преследование от имени государства, спорят не со стороной защиты, а друг с другом в суде; либо прокурор соглашается с доводами стороны защиты по рассматриваемому вопросу. Как справедливо отмечают отдельные авторы, такие ситуации нежелательны, поскольку и следователь, и прокурор, являясь участниками со стороны обвинения, ставят перед судом задачу разрешения таких разногласий, что, безусловно, является недопустимым, поскольку противоречит концептуальным положениям УПК РФ (ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39 УПК РФ и др.)⁵.

Для решения обозначенных проблем учеными-процессуалистами и практическими работниками предлагаются некоторые способы:

1. Передать (вернуть) полномочие руководителя следственного органа по даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании соответствующих мер пресечения прокурору. Отметим, что некоторые сторонники данной точки зрения, уточняют, что рассматриваемое полномочие должно быть передано, в первую очередь, применительно к такой мере пресечения, как заключению под стражу, поскольку именно оно наиболее существенно ограничивает свободу лица⁶. Соглашаясь с содержанием обозначенного аргумента, тем не менее, заметим, что подобное разделение рассматриваемого полномочия между обозначенными субъектами в зависимости от степени накладываемых ограничений, как представляется, не является обоснованным, поскольку противоречит логике законодателя, основанной на единообразном подходе к правовому регулированию процедуры из-

⁴ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации от 28 декабря 2016 г. № 826 // Законность. 2017. № 3. С. 57.

⁵ Спирин А. В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 4. С. 64.

⁶ Щерба С. П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 23.

брания таких мер пресечения, как залог, запрет определенных действий, домашний арест и заключение под стражу.

2. Установить, что руководителю следственного органа необходимо осуществлять согласование позиции об избрании меры пресечения и ее виде с прокурором, а в случае недостижения между указанными лицами консенсуса, итоговое решение должен принять вышестоящий прокурор⁷. При этом сторонники данной концепции не предлагают механизмов согласования позиций. Данное предложение представляется не совсем обоснованным по следующей причине: если бы консенсус между следователем (руководителем) следственного органа достигался всегда, на практике не возникало бы рассматриваемых проблем. Передача же права принять итоговое решение вышестоящему прокурору приведет к затягиванию процесса избрания меры пресечения, что является недопустимым.

3. Не изменяя существующую модель дачи согласия на возбуждение ходатайства об избрании меры пресечения, обязать следователя направлять прокурору копию постановления о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения и копии обосновывающих его материалов⁸ и установить, что позиция прокурора в споре со следователем по поводу избрания меры пресечения (ее вида) является определяющей, в том числе, в силу того, что именно прокурору в дальнейшем предстоит поддерживать государственное обвинение⁹. При этом приоритетность соответствующей позиции на законодательном уровне может быть закреплена, к примеру, в виде предоставления прокурору права на отзыв ходатайства следователя и (или) права на отказ от поддержания соответствующего ходатайства (применение аналогии закона с ч. 7 ст. 246 УПК РФ), поскольку в ином случае видится потенциальное противоречие с положениями ст. 8¹ УПК РФ¹⁰.

Ряд авторов придерживается иных воззрений. Некоторые ученые дают положительную оценку действующей редакции ст. 108 УПК РФ. Их позиция заключается в том, что судом, в конечном счете, разрешаются не споры между прокуратурой и органами следствия, а вопросы наличия или отсутствия законных и фактических оснований для принятия решения об избрании меры пресечения (ее виде)¹¹. Другие процессуалисты полагают, что норма об обязательном участии прокурора в соответствующем судебном заседании, подлежит удалению из уголовно-процессуального закона, поскольку в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа дает со-

⁷ Колоколов Н. А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 28.

⁸ Рагулин А. В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4. С. 61.

⁹ Буланова Н. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав участников уголовного судопроизводства: состояние, проблемы, перспективы // Уголовное право. 2011. № 2. С. 113.

¹⁰ Халиулин А. Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 5.

¹¹ Ковтун Н. Н. К дискуссии об «утраченных» полномочиях прокурора. Есть ли предмет для дискуссий? // Российская юстиция. 2010. № 5. С. 30.

гласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения, он и должен поддерживать данное ходатайство в суде¹². В качестве дополнительной аргументации обе группы исследователей приводят тот факт, что прокурор в соответствии с ч. 1 ст. 389¹ УПК РФ наделен правом обжалования судебного решения об избрании меры пресечения либо об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения.

Проанализировав положения правовых актов, а также наиболее распространенные в научной литературе воззрения, можно сделать вывод о том, что при современном устройстве уголовного судопроизводства наиболее целесообразным шагом на пути устранения рассматриваемых проблем является возвращение прокурору полномочия по даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения. Указанная модель в полной мере отвечает принципу состязательности уголовного процесса, способствует сохранению единства стороны обвинения и наиболее эффективной реализации прокурорского надзора.

Информация об авторе

Каргин Руслан Олегович – студент 2 курса магистратуры, Иркутский государственный университет, Юридический институт.

УДК 343.1

К 54

Я. П. Князева,

*студентка 2 курса магистратуры
ИГП БГУ*

Актуальные вопросы прекращения уголовного дела (преследования) в отношении лиц, впервые совершивших преступление, по основаниям, предусмотренным ст. 25, 25¹, 28, 28¹ УПК РФ

В данной статье анализируются проблемные аспекты практики прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, в том числе компетенции органов, принимающих данные решения. Обозначена проблематика принятия решения о прекращении уголовного дела (преследования) при повторном совершении преступления после аннулирования правовых последствий привлечения лица к уголовной ответственности, а также освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела и уголовного преследования, нереабилитирующие основания, преступление небольшой или средней тяжести, совершение преступления впервые.

¹²Рябцева Е. В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства! (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 59.

Увеличение доли лиц, осужденных за преступления небольшой тяжести, в общей структуре имеющих судимость в Российской Федерации в последние десятилетия расценивается представителями органов законодательной и судебной власти как явление негативное¹. В настоящее время всё яснее наблюдается тенденция к смене концепции борьбы с преступностью на противодействие ей, и, следовательно, имеет место всё большее смещение вектора воздействия на сознание индивидуальной личности. В связи с этим, уголовная политика постепенно складывается таким образом, чтобы избежать излишней стигматизации лиц, впервые совершивших преступления, то есть государство даёт такому лицу ограниченный «кредит доверия», шанс на исправление, не исключая из общественных отношений.

С этой целью существует институт прекращения уголовного дела (преследования) по основаниям, предусмотренным ст. 25, 25¹, 28, 28¹ УПК РФ. Сокращая сроки разрешения уголовного конфликта, получая определенную процессуальную экономию, возмещая потерпевшему причиненный преступлением вред, государство прекращает уголовное преследование, отказываясь от признания лица, подозрение или обвинение в отношении которого доказано, виновным и от назначения наказания².

Вместе с тем возникают вопросы: Готово ли общественное сознание к такому подходу регулирования публичных отношений? Позволит ли данный подход соблюсти баланс в защите прав потерпевших и лиц, виновных в совершении преступления?

В судебной практике имеются случаи прекращения уголовного преследования по ст. 28 УПК РФ (в связи с деятельным раскаянием) по преступлениям, последствием которых стало причинение имущественного вреда³, тогда как требование о его возмещении данное основание прекращения уголовного преследования не содержит. Наличие такой судебной практики создаёт неблагоприятную возможность для виновного лица избежать уголовной ответственности в нарушение п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ.

В целях недопущения такой ситуации суды во всех случаях, несмотря на отсутствие требований о согласии потерпевшего, принимают меры к установлению его мнения, а также данных о возмещении имущественного вреда. Тем самым суды фактически дублируют иное основание к прекращению уголовного делу (ст. 25 УПК РФ) – примирение сторон, что также делает такую судебную практику негативной.

¹ Стенограмма заседания Совета Государственной Думы № 308 от 21 июня 2016 г. по законопроекту № 953369-6, представленному ответственным комитетом // Lexfeed : сайт. URL: <http://lexfeed.ru/law/953369-6> (дата обращения: 11.12.2019).

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : ред. от 29 ноября 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Солнечного районного суда Хабаровского края № 1-84/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 1-84/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

Существует вопрос и о том, требуется ли согласие потерпевшего на прекращение уголовного преследования по основанию, предусмотренному ст. 25¹ УПК РФ. Следуя буквальному смыслу закона, в получении согласия потерпевшего необходимости не имеется. Однако высказываются обоснованные сомнения в справедливости такого законоположения. Представляется, что во всех случаях выяснение мнения потерпевшего необходимо, и суды идут данным путём, заранее устанавливая позицию лица, пострадавшего от совершения преступления⁴. Тем самым снова наблюдается абсолютное сходство с основанием, предусмотренным ст. 25 УПК РФ.

Таким образом, имеется некоторая правовая неопределённость в указанном аспекте, однако, законодательное уточнение требований ст. 25¹, 28 УПК РФ в части позиции потерпевшего при унификации данного положения, приведёт к фактическому сращению оснований прекращения уголовного дела (преследования), а, следовательно, ставит под сомнение необходимость существования столь широкого перечня таких оснований.

Ещё один вопрос, заслуживающий внимания, касается субъекта, который может прекратить уголовное преследование и уголовное дело (преследование) по анализируемым основаниям. Так, в ст. 25, 28, 28¹ УПК РФ полномочными принять данное решение субъектами являются суд, следователь, дознаватель, тогда как в ст. 25¹ УПК РФ данное право предоставлено лишь суду.

Мнения исследователей по данному вопросу разделились. С. В. Илюхина, анализируя позицию советских учёных В. М. Савицкого и А. М. Ларина, рассматривающих данный вопрос через призму презумпции невиновности, придерживается позиции о возможности прекращения уголовного дела (преследования) на досудебной стадии производства следователем, дознавателем, указывая, что «признание виновным постановлением о прекращении уголовного дела, уголовного преследования не идентично установлению виновности вступившим в законную силу приговором суда, поэтому прекращение уголовных дел, уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям не противоречит принципу презумпции невиновности»⁵.

Н. В. Зароченцева рассматривает вопрос о прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующему основанию как разновидность согласительной процедуры и полагает, что «в силу своего функционального назначения – обеспечения баланса публичного и частного интересов сторон, в качестве фасилитатора должен выступать прокурор»⁶. Е. А. Куценко при-

⁴ Постановление Усть-Илимского городского суда Иркутской области № 1-180/2019 от 29 апреля 2019 г. по делу № 1-180/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 26.10.2019).

⁵ Илюхина С. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования в стадии предварительного расследования по основаниям, предусмотренным в ст. ст. 25, 28 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саранск, 2003. С. 3.

⁶ Зароченцева И. В. Полномочия прокурора при осуществлении согласительных процедур в досудебном производстве // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 1 А. С. 128–138.

ходит к выводу о необходимости прекращения уголовного дела только судом, поскольку «решение о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию не подменяет собой приговор суда, так как признание лица виновным является прерогативой исключительно судебных органов, таким образом, вынесенное постановление должностным лицом не будет актом, устанавливающим виновность предусмотренной в ст. 49 Конституции РФ. Но, несмотря на это, на практике уголовное дело в таком случае является прекращенным и лицо, в отношении которого оно велось ранее, является субъектом его совершившим»⁷.

Представляется разумным поддержать позицию тех исследователей, которые полагают, что полномочия прекращения уголовного преследования следует возложить только на суд. Данное мнение основывается не лишь на важности порождаемых правовых последствий решения, не только на том, что при прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, лицо признаётся виновным, а вопрос о виновности лица может быть решён только судом, что является бесспорным, но и на влиянии избранного порядка на сознание лица, совершившего преступление.

Из наблюдаемой в практике повторности совершения преступлений после принятия решения о прекращении уголовного дела (преследования) следует вывод о недостаточности того правового воздействия, которое оказано на виновное лицо ранее. Полагаем, что принятие данного решения судом в присутствии сторон в большей мере препятствует формированию чувства безнаказанности, осознанию возможности избежать ответственности за совершённое деяние.

Последний из вопросов, которые следует поднять, касается того, что прекращение уголовного дела (преследования) является правом, а не обязанностью следователя, дознавателя, суда, следовательно, необходимо установить и оценить все обстоятельства уголовного дела, а также характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого. Во всех анализируемых основаниях в качестве требований указано на совершение лицом преступления впервые, при этом Верховный Суд Российской Федерации высказал подробную позицию о том, какое именно лицо следует считать впервые совершившим преступление⁸.

Вместе с тем, для того, чтобы принять решение о прекращении уголовного дела (преследования) необходимо дать оценку утрате общественной опасности лица, совершившего преступление. Случай, когда лицо ранее не привлекалось в уголовной ответственности, не представляет особой сложно-

⁷ Куценко Е. А. Прекращение уголовного дела в связи со смертью обвиняемого (подозреваемого) // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты : материалы Крымского студ. юрид. форума от 25 мая 2018 г. Симферополь : Ариал, 2018. С. 49–50.

⁸ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : в ред. от 29 ноября 2016 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

сти. Однако, например, при неоднократности привлечения ранее лица к уголовной ответственности за преступления, судимость по которым погашены, или при многократном освобождении от уголовной ответственности, разрешение вопроса об утрате общественной опасности встаёт наиболее остро.

Что считать пределом, после пересечения которого правоприменитель должен сделать вывод о невозможности прекращения уголовного дела (преследования), поскольку принятие такого решения не соответствует задачам УК РФ и назначению уголовного судопроизводства?

Полагаем, что существует два пути. Первый – установление формального предела, основанного на признаке систематичности: «лицо два или более раза совершавшее преступление, судимость по которому погашена, или два и более раза освобождавшееся от уголовной ответственности». Второй – законодательная разработка развёрнутой концепции, основанной на категориях ранее совершавшихся преступлений и объектах преступного посягательства с учётом признака аналогичности совершённого деяния.

Информация об авторе

Князева Яна Павловна – студентка 2 курса магистратуры, помощник Свободненского городского прокурора Амурской области. Байкальский государственный университет (БГУ). Электронный адрес: knyazeva.yr@mail.ru.

УДК 343.1
М 20

А. А. Малышева,
студентка 5 курса
ИИ (ф) ВГУЮ
(РПА Минюста России)

Сравнительно-правовой анализ правового статуса потерпевшего в Российской Федерации и за рубежом

В статье рассматривается категория потерпевшего в уголовном процессе в плоскости отечественного и зарубежного развития, их общие и отличительные черты. Характеризуются особенности правового статуса потерпевшего в правовых системах общего и континентального права.

Ключевые слова: потерпевший, жертва, правовой статус потерпевшего, уголовный процесс.

Институт потерпевшего является одним из главных компонентов предварительного расследования и рассмотрения дела в суде, особенно если речь идет о преступлении против личности. Конкретные обстоятельства, причины и условия преступления не могут быть раскрыты полностью без учета и изучения категории «потерпевший». Это обусловлено тем, что последствия преступности тесно связаны не только с поведением тех, кто нарушает закон, но

и тех, в отношении кого совершаются преступные посягательства.

Для изучения личности потерпевшего в первую очередь необходимо определить его правовой статус на законодательном уровне России и зарубежных стран.

Появление, развитие и становление института потерпевшего на протяжении всей истории было динамичным. Содержание понятия «потерпевший» формируется постепенно, получая детальные дополнения по мере развития уголовно - процессуальной практики, как отечественного, так и зарубежного права.

В уголовном процессе России под потерпевшим понимают как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, так и юридическое лицо, которому причинен вред имуществу и деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ). Отметим, что на сегодняшний день уголовно-процессуальное законодательство России содержит ряд положений направленных на защиту интересов лиц, пострадавших от преступных посягательств, правовой статус потерпевшего усовершенствовался, т. е. законодатель наделил потерпевшего процессуальными правами, которые позволяют ему добиваться справедливости, удовлетворения своих моральных и имущественных притязаний.

Однако, несмотря на закрепленные в конституционных нормах гарантии обеспечения и восстановления нарушенных прав потерпевшего система компенсации морального вреда и имущественного вреда фактически не действует. Кроме того, лица, которые понесли имущественный, физический ущерб и моральный вред от преступных посягательств, ограничены в применении предоставленных прав на первоначальных стадиях процесса, что приводит к дальнейшему ущемлению возможностей для их защиты.

Потерпевший является одной из ключевых фигур в уголовном законодательстве зарубежных стран. В теории выделяют две правовые системы: общего и континентального права.

В странах общего права (Великобритания, США и других) многие процессуальные положения, касающиеся потерпевшего, закреплены в источниках материального права, т. к. эти страны не имеют четкого деления норм материального права и процедуры (процесса). В Великобритании понятие потерпевшего заменяется на общий термин «жертва». Правовой статус потерпевшего определяется требованием претворения надлежащей правовой процедуры. Потерпевший имеет право самостоятельно установить, совершено в отношении него преступление или нет, согласно ст. 2-1 английского Закона об уголовном праве 1967 г. данное правило применимо к преступлениям, за которые виновный не может быть приговорен к тюремному заключению на срок более 5 лет. Соответственно, обвинение поддерживает потерпевший (его представитель). При этом в компетенцию потерпевшего входит его согласие на прекращение уголовного преследования. Такая процедура частного обвинения используется достаточно редко в связи с процессуальными ограничениями и материальными затратами со стороны жертвы.

В уголовном процессе США у пострадавшего от преступления лица сохранилось право на возбуждение уголовного преследования. Однако это положение все реже применяется на практике. В конце 60-х – начале 70-х в США появились нормативные акты, направленные на обеспечение безопасности «жертв» преступлений и свидетелей. В настоящее время важной гарантией прав потерпевшего в США выступает компенсация ущерба, причиненного в результате преступления, которая включает не только прямые убытки от преступных деяний, но и понесенные расходы на консультации и медицинскую помощь, юридические услуги. Помимо прочего, если виновный в совершении преступления не установлен, то возмещение вреда осуществляется за счет средств федеральных и региональных программ¹. Несмотря на это, в российском законодательстве потерпевший обладает значительно большим объемом процессуальных прав и является полноценным участником уголовного процесса.

Законодательство стран континентального права (Германия, Франция) определяет материально-правовой статус потерпевшего без четкой дефиниции, но с указанием общих черт, присущих потерпевшему в уголовном праве. Среди таких черт можно выделить следующие: а) статус потерпевшего связан с фактом причинения ему вреда в результате преступления, процессуального решения для этого, как правило, не требуется; б) общеправовой статус потерпевшего основан на конституционном законодательстве того или иного государства; в) законодательство зарубежных стран не содержит перечня специфических обязанностей потерпевшего, в чем и проявляется забота о потерпевшем как о личности, пострадавшей от деликта².

Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ (Федеративной Республики Германия) 1887 г. рассматривает жертву преступления как участника процесса в статусе частного обвинителя, сообвинителя. Потерпевший обладает наименьшим объемом прав, что не позволяет принять активное участие в процессе и в этом случае статус обвинителя дает возможность эти права расширить. Статус сообвинителя возможен по делам частного обвинения, а основным обвинителем является прокурор. В настоящее время в законодательстве Германии вред потерпевшему возмещается за счет конфискованного имущества и денег осужденного, приобретенные в результате преступления, а в иных случаях вред компенсируется государством.

Так же в странах континентального права примирение с потерпевшим является мерой компромисса в борьбе с преступностью. Способы примирения являются, например, транзакция – соглашение между правонарушителем и потерпевшим, сопровождаемое взаимными уступками (Франция, Бельгия); медиация - полное разрешение конфликта между нарушителем и жертвой

¹ См.: Клопова Е. Н. О зарубежном опыте формирования концепции потерпевшего и системы его прав в уголовном судопроизводстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Рос. Федерации. 2018. № 1. С. 99–103.

² См.: Полянский В. В. Отражение правового статуса потерпевшего в уголовном законодательстве зарубежных стран // Современное право. 2011. № 2. С. 143–146.

(Франция); прощение виновным потерпевшего – простое волеизъявление лица (Испания).

Таким образом, можно сказать, что развитие прав потерпевшего в России на данный момент приостановилось. Во-первых, потому что система прав потерпевшего достаточно развита и детализирована. Во-вторых, на практике активно пользуются данной системой менее трети потерпевших – большинство же реализует лишь отдельные свои права. В странах общего и континентального права у потерпевшего меньше прав, чем в России, однако, они более востребованы. Причина этого противоречия упирается в тот интерес потерпевшего, который реально может быть обеспечен судебной защитой.

Информация об авторе

Малышева Анастасия Алексеевна – студентка 5 курса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Электронный адрес: anastasiya.malysheva.1998@mail.ru

УДК 343.14

Н 28

П. А. Нарышкин,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Особенности доказывания в суде с участием присяжных заседателей

В статье рассматриваются проблемы осуществления доказывания на стадии судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей. Анализируется судебная практика по уголовным делам, рассмотренным судом присяжных. Автором делается предложение по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, касающегося доказывания при рассмотрении уголовных дел судом присяжных.

Ключевые слова: суд присяжных, доказывание, уголовный процесс, оценка доказательств.

Доказывание в уголовном процессе имеет ключевое значение для решения задач уголовно-процессуальной деятельности, закреплённых в ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законе закреплена только дефиниция «доказывание» в разделе III УПК РФ, однако определения данного понятия не имеется. Тем не менее, в доктрине предлагаются различные трактовки этого понятия.

Так, по мнению С. С. Алексеева, доказывание в широком смысле – «деятельность субъектов, направленная на установление с помощью доказа-

тельств истинности обстоятельств дела», в узком – деятельность «по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц»¹. О. И. Андреева считает, что «доказывание в уголовном процессе это установленная уголовно-процессуальным законом познавательная деятельность уполномоченных на то субъектов, направленная на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию»². Имеется и такая точка зрения, согласно которой «в уголовном процессе доказывание есть деятельность представителя обвинения, а также защиты, преследующая цель убедить с помощью уголовно-процессуальных средств доказывания суд в наличии всех значимых для принятия решения фактов»³.

Как видно из представленных мнений, доказывание – это, в первую очередь, деятельность наделённых специальными полномочиями субъектов по участию в судебном следствии, направленная на установление обстоятельств дела, имеющих юридическое значение для принятия судом решения о причастности либо непричастности лица к совершению преступления, виновности либо невиновности лица. В суде с участием присяжных заседателей процесс доказывания имеет определённые особенности. Одна из особенностей заключается в субъектном составе процесса, так как в качестве независимого арбитра помимо судьи выступает коллегия присяжных заседателей, наделённая правом выносить вердикт, т. е. решение о виновности или не виновности подсудимого.

Другая особенность доказывания в суде с участием присяжных заседателей состоит в том, что в доказывании особое значение приобретают чувства, интуиция, эмоции, в то время как в профессиональном процессе превалирует рациональное начало, а именно логический анализ, синтез, соблюдение правил аргументации при обосновании выдвинутого тезиса.

Весьма спорным остается вопрос о предмете доказывания в суде с участием присяжных. Если ст. 73 УПК РФ определяет общее понятие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, то ч. 1 ст. 334 УПК РФ ограничивает круг обстоятельств, подлежащих доказыванию в суде присяжных. Так, присяжные заседатели исследуют и устанавливают доказанность обстоятельств уголовного дела, входящих в их компетенцию. Однако законодатель предусматривает возможность исследования присяжными только тех данных о личности подсудимого, которые необходимы им для объективного и непредвзятого ответа на поставленные вопросы. При этом в соответствии с ч. 8 ст. 335 УПК РФ, в присутствии присяжных уголовно-процессуальный закон запрещает исследовать факты, свидетельствующие о наличии у подсудимого хронической зависимости (наркотической или алко-

¹ Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций. В 2 т. Т. 2. Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение) Свердловск : Изд-во Свердлов. унта, 1973. С. 247–248.

² Андреева О. И. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата. Ростов-на-Дону : Феникс, 2015. С. 107.

³ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2004. С. 173.

гольной), прежней судимости.

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 ноября 2005 г. № 23 ориентирует на то, что в присутствии присяжных заседателей не подлежат обсуждению и исследованию: процессуальные решения, вопросы и ходатайства, направленные на обеспечение условий судебного разбирательства (принудительный привод свидетеля и т. д.); вопросы о мере пресечения, оглашение приговора по другому делу в отношении ранее осужденного соучастника (соучастников), а так же вопросы права, не входящие в полномочия присяжных заседателей⁴.

Заметим, что в присутствии присяжных заседателей недопустимо касаться вопросов и об оправдании подсудимого, об отсутствии в его действиях состава преступления, т. к. данные вопросы имеют правовой характер.

Соответственно, стороны обвинения и защиты не вправе ссылаться в своих выступлениях на не исследованные в судебном процессе или признанные недопустимыми доказательства (ч. 3 ст. 336 УПК РФ).

Одной из проблем, возникающих в ходе доказывания в уголовном процессе в суде с участием присяжных заседателей, является то, что порой сторона защиты злоупотребляет своим правом и незаконно воздействует на волю присяжных заседателей. Присяжные заседатели являются, прежде всего, людьми, которые, возможно, впервые пришли в уголовный процесс, и это приводит к тому, что повышается вероятность их внушаемости, они не сопротивляются незаконным манипуляциям со стороны защиты. В результате чего, суд может вынести неправосудный приговор.

Примером, иллюстрирующим выше обозначенную проблему, является следующий случай из судебной практики. Северо-Кавказским окружным военным судом с участием присяжных заседателей был вынесен оправдательный приговор по уголовному делу в отношении гражданина Х, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ст. 295, ч. 3 ст. 222 и ч. 2 ст. 209, ч. 1 ст. 30 УК РФ, ст. 317 и ч. 1 ст. 30 УК РФ, в связи с оправдательным вердиктом присяжных вследствие отсутствия в его действиях состава преступления. Защитник подсудимого Х. на стадии прений сторон в присутствии присяжных заседателей нарушал ч. 8 ст. 335 и ст. 336 УПК РФ: приводил доказательства, которые не были исследованы присяжными, оценка которых не входила в их компетенцию; приводил сведения о личности подсудимого, которые не входили в предмет доказывания по делу, то есть являлись недопустимыми. В последующем оправдательный приговор по данному делу был отменён Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации⁵.

⁴ О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 23 дек. 2015 г. № 4 «Определение № 205-АПУ15-4сп» // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.vsrp.ru/documents/practice/15157/html> (дата обращения: 12.02.2020).

Другой проблемой при доказывании в процессе по уголовному делу следует назвать вопрос о демонстрации присяжным заседателям аудио-, фото- и видео доказательств содержащих сведения о применении жестокого насилия над потерпевшим. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации подчеркнул отсутствие «доказательственной информации» в подобных сведениях: «... фотографии трупа К. не содержат какой-либо доказательственной информации, в том числе о предметах, с помощью которых мог быть лишен жизни К. (петля, шнурок, веревка), и о следах воздействия этих предметов»⁶. Суд считает, что внешний вид вскрытых трупов может оказать на присяжных эмоциональное воздействие и повлиять на принятие ими объективного решения. В подобной ситуации считаем, что необходимо закрепить в УПК РФ конкретные условия исследования указанных доказательств с участием присяжных, на основе подходов, сформировавшихся в судебной практике.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, процесс доказывания в суде с участием присяжных заседателей имеет определённые особенности, а также проблемы, решение которых видится законодательной регламентации отдельных аспектов доказывания.

Информация об авторе

Нарышкин Пётр Алексеевич – студент 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

**УДК 343.1
Н 41**

Е. А. Неговора,
*студент 4 курса
УП РФ*

**О некоторых проблемах применения института
досудебного соглашения о сотрудничестве**

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения института досудебного соглашения о сотрудничестве. На основании действующего законодательства, анализа судебной практики, исследования теоретических положений делается вывод о значении данного института. Автор аргументирует необходимость реформирования института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, предмет досудебного соглашения о сотрудничестве, прокурор, суд.

⁶ Насонов С. А. Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория, практика. Москва, 2001. С. 175.

В 2009 году Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ¹ в уголовный и уголовно-процессуальный закон были внесены изменения, которыми введен новый правовой институт – институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако закрепленные уголовно-процессуальным законом положения не были совершенны, и при их применении возник ряд проблем.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, каково назначение данного института. В пояснительной записке к проекту рассматриваемого закона его предназначение было определено следующим образом: «в целях раскрытия и расследования «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений чрезвычайно важно предоставлять правоохранительным органам возможность привлекать к сотрудничеству лиц, состоящих в организованных группах и преступных сообществах, при условии значительного сокращения таким лицам уголовного наказания и распространения на них мер государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»². Из изложенного следует, что досудебное соглашение о сотрудничестве применимо, в первую очередь, к обвиняемым по делам о преступлениях, совершенных в соучастии.

При этом право заключать досудебное соглашение следует относить к дискреционным полномочиям прокурора (ч. 5 ст. 21 УПК РФ). Стороны самостоятельно определяют характер сведений, которые обязуется сообщить лицо, с которым заключается досудебное соглашение. Суду при поступлении дела с представлением прокурора надлежит удостовериться в добровольности заключения такого соглашения, подтверждении государственным обвинителем выполнения обвиняемым условий заключенного соглашения (ст. 317⁶ УПК РФ). Кроме того, в силу положений п. 2, 3 ч. 4 ст. 317⁷ УПК РФ суд исследует значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изблечения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления; преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым.

Однако следует отметить, при применении вышеприведенных норм суды в некоторых случаях исходят из того, что лицо, с которым заключено досудебное соглашение, должно сообщить сведения исключительно о соучастниках, при этом сведения о других преступлениях, совершенных другими лицами, не будут учитываться при определении степени содействия следствию и выполнения условий досудебного соглашения³.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Российская газета. 2009. 3 июля.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : пояснительная записка к проекту Федерального закона № 485937-4. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обобщение судебной практики по рассмотрению районными (городскими) судами дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), причин отмены и изменения судебных решений в апелляционном и кассационном порядке за 1-е пол-е 2014 г // Офи-

Представляется, исходя из вышеописанного, позиция законодателя сводится к тому, что суд независимо от стороны обвинения оценивает, в том числе, предмет соглашения, при этом определяя доказанность обвинения. Заметим, что такой подход противоречит иным положениям, закрепленным в уголовно-процессуальном законе. Согласно п. 61 ст. 5 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.

Однако даже после мотивированного подтверждения прокурором выполнения обвиняемым всех обязательств перед следствием, суд вправе не признать такое содействие достаточным, что приводит к юридической ничтожности такого соглашения.

Способы преодоления указанной проблемы предлагаются следующие: закрепить в УПК РФ положения о пассивности суда в доказывании и недопустимости с его стороны признания юридически ничтожными результатов деятельности сторон в рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, если ими были выполнены все требования закона к основанию и условиям заключения соглашения⁴. К данному предложению, по нашему мнению, следует подходить критически. Устанавливать полную пассивность суда в рассматриваемом вопросе нельзя, поскольку это может привести к злоупотреблению участниками процесса своими полномочиями, а также неспособности суда выявить и пресечь такое злоупотребление.

В этой связи представляется более разумным ограничить круг удостоверяемых судом вопросов. Так, с одной стороны, суд будет вправе требовать от прокурора мотивированного подтверждения результатов досудебного соглашения, с другой же, – не вправе оценивать круг взятых обвиняемым на себя обязанностей.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о том, возможно ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с лицом, обвиняемым в совершении единоличного преступления? С одной стороны, прямого законодательного запрета нет, с другой – это противоречит назначению данного института, – как было указано ранее, – изобличению соучастников преступной деятельности. Практика правоприменения также не единообразна. Известны случаи, когда досудебные соглашения заключались с обвиняемыми в единоличных преступлениях⁵.

Представляется, по смыслу положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 досудебное соглашение о сотруд-

циальный сайт Саратовского областного суда. URL: <http://oblsud.sar.sudrf.ru> (дата обращения: 03.02.2020).

⁴ Колесник В. В. Некоторые пробелы в законодательном регулировании досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Наука. Мысль. 2015. № 9. С. 96.

⁵ Цит. по: Иванов А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 2013. С. 132.

ничестве возможно только с соучастниками преступления. К аналогичному заключению приходят действующие правоприменители⁶.

По нашему мнению, при разрешении данного вопроса следует исходить из того, что, поскольку досудебное соглашение заключается между обвиняемым и стороной обвинения, обязанности, возлагаемые на обвиняемого, должны определяться интересами следствия. При наличии заинтересованности изобличить преступников, не связанных с преступлением, единоличным исполнителем которого является обвиняемый, такое соглашение может быть заключено.

В связи с этим, представляется разумным в целях повышения эффективности борьбы с преступностью распространить применение рассматриваемого института на уголовные дела в отношении обвиняемых, обладающих ценной для правоохранительных органов информацией о преступлениях, в которых они не принимали участия. Необходимо расширить закрепленные в главе 40¹ УПК РФ цели досудебного соглашения, распространив их на раскрытие и расследование преступлений, совершенных без участия обвиняемого⁷. Предлагаемое решение будет отвечать как интересам стороны обвинения, так и стороны защиты, поскольку позволит расширить сферу действия досудебного соглашения.

Информация об авторе

Неговора Егор Андреевич – студент 4 курса, юридический факультет Университета прокуратуры Российской Федерации. 107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 10, стр. 1. Телефон: 8 (926) 472-40-72, электронный адрес: negovora21061999@icloud.com.

**УДК 343.1
Н 50**

А. В. Немеров,
*магистрант 1 года обучения
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о понятии и сущности досудебного соглашения о сотрудничестве

В работе рассматриваются вопросы о понятии и сущности досудебного соглашения о сотрудничестве. Анализируется понятие соглашения в уголовно-процессуальном праве России. Обосновывается необходимость совершенствования понятия досудебного соглашения о сотрудничестве.

⁶ Костенко Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2013. С. 60.

⁷ Тисен О. Н. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым в единоличных преступлениях в целях раскрытия деяний, в которых он не принимал участия. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, досудебное соглашение о сотрудничестве, подозреваемый, обвиняемый, прокурор.

В современной науке уголовного процесса большое значение придается такому институту, как досудебное соглашение о сотрудничестве. Несмотря на то, что данный правовой институт введен в УПК РФ более 10 лет назад, в научной литературе нет однозначного подхода к определению его места в уголовном процессе. Так, одни ученые относят досудебное соглашение к ускоренным формам уголовного судопроизводства, другие – к упрощенным¹, третьи – в качестве согласительной процедуры², не относя его ни к упрощенному, ни к ускоренному порядкам судопроизводства.

Так, например, Г. В. Абшилава рассматривает досудебное соглашение о сотрудничестве не в качестве «упрощенной уголовно-процессуальной формой, а квалифицированным видом сделки о признании уголовного иска, что обусловлено природой этой согласительной процедуры, заключающейся не в ее упрощении, а в сделке»³. Т. Б. Саркисян отмечает: «... согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве – предусмотренная законом процессуальная форма достижения компромисса между участниками производства по уголовному делу, основанная на соглашении об определении и выполнении условий, необходимых для принятия желаемого процессуального решения»⁴.

Считаем, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве является видом согласительных процедур, основанном на добровольно взятом на себя обязательстве подозреваемого (обвиняемого) способствовать разоблачению соучастников преступления в обмен на существенное снижение наказания за содеянное преступление.

Понятие рассматриваемого правового института раскрыто в п. 61 ст. 5 УПК РФ следующим образом: «Досудебное соглашение о сотрудничестве — соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения». На наш взгляд, данное нормативное определение является некорректным в силу следующих причин.

Прежде всего, наблюдается коллизия правовых норм, изложенных в п. 61 ст. 5 УПК РФ, называющих участников досудебного соглашения, и в

¹ См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник. Санкт-Петербург, 2006. С. 200–201 ; Кищенко А. В. Упрощенные производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Владивосток, 2010. С. 76–79.

² Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2012. С. 115.

³ Абшилава Г. В. Указ. соч. С. 116.

⁴ Саркисян Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2012. С. 11, 45.

п. 47 ст. 5 УПК РФ, перечисляющих участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Так, например, в п. 47 ст. 5 УПК РФ к представителям стороны обвинения отнесены потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец, его представитель, однако в главе 40¹ УПК РФ они не упоминаются. О факте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве они, как правило, узнают лишь при ознакомлении с материалами уголовного дела. Мнение потерпевшего вообще не предусмотрено в качестве обязательного условия заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с чем, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отметил, что потерпевшему обеспечивается доступ к правосудию путем изложения своей позиции суду по данному вопросу, которая не является для суда обязательной⁵.

Названные в п. 47 ст. 5 УПК РФ дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания в соответствии с содержанием главы 40¹ УПК РФ также не принимают участия в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что, если расследование по уголовному делу начато в форме дознания и возникает необходимость заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, то такое уголовное дело передается следователю для производства предварительного следствия в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 150 УПК РФ⁶, что влечет за собой исключение дознавателя из числа участников рассматриваемых правоотношений.

В связи с чем представляется необходимым скорректировать имеющееся в п. 61 ст. 5 УПК РФ определение досудебного соглашения о сотрудничестве, заменив в нем фразу «между сторонами обвинения и защиты» на словосочетание «между соответствующими участниками сторонами обвинения и защиты».

Теперь обратимся к содержанию досудебного соглашения о сотрудничестве. Из нормативного определения досудебного соглашения (п. 61 ст. 5 УПК РФ) следует, что при его заключении стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий. Согласно словарю русского языка «условие – обстоятельство, от которого что-нибудь зависит»⁷. При употреблении указанного словосочетания в п. 61 ст. 5 УПК законодатель фактически указал, что при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемый может согласовать условия наступления уголовной ответственности. Однако условия наступления уголовной ответственности указаны в ст. 19 УК РФ, где сказано: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее

⁵ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2012 г. № 16 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 9.

⁶ Там же.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва, 1997. С. 712.

возраста, установленного настоящим Кодексом». Фактически предметом досудебного соглашения являются конкретные способы сотрудничества подозреваемого (обвиняемого) со следователем в обмен на гарантированное законом смягчение наказания за совершенное преступление.

Нет единого подхода в уголовно-процессуальной науке и относительно правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, например, Н. С. Костенко указывает, что «досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение, в котором стороны согласовывают условия реализации ответственности в зависимости от действий обвиняемого после возбуждения уголовного дела или с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного расследования»⁸. М. В. Головизнин указывает, что досудебное соглашение необходимо рассматривать в качестве самостоятельного процессуального документа⁹. Р. Р. Саркисянц в свою очередь понимает под досудебным соглашением «процессуальное действие»¹⁰. Некоторые ученые считают, что досудебное соглашение о сотрудничестве необходимо рассматривать как «разновидность сделки, основанной на взаимных обязательствах сторон»¹¹.

Проанализировав множество подходов относительно правовой природы института досудебного соглашения о сотрудничестве, можно заключить, что данный институт является разновидностью сделки с правосудием.

По нашему мнению, досудебное соглашение о сотрудничестве следует понимать как призванный способствовать раскрытию наиболее общественно опасных преступлений уголовно-процессуальный институт диспозитивного характера, входящий в систему согласительных процедур, в рамках которого привлеченный к уголовной ответственности в обмен на смягчение наказания за содеянное предоставляет стороне обвинения ценную информацию о собственной роли и действиях соучастников преступления, обязуясь содействовать их изобличению и уголовному преследованию до вступления приговора в отношении них в законную силу.

Информация об авторе

Немеров Артем Владимирович – магистрант 1 года обучения, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

⁸ Костенко Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Волгоград, 2013. С. 110–111.

⁹ Головизнин М. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2012. С. 81.

¹⁰ Саркисянц Р. Р. Соглашение о сотрудничестве как новый термин в уголовном процессе // Криминалистика. 2011. № 1 (8). С. 72.

¹¹ Лошкобанова Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 2015. С. 12.

УДК 343.1
П 54

Н. Д. Полякова,

*студентка 2 курса магистратуры
факультета истории и права
СмоЛГУ*

**Разграничение компетенций эксперта и специалиста
в уголовном процессе: исторический, теоретико-правовой
и процессуальный аспекты**

Предметом исследования данной работы является вопрос о разграничении компетенций эксперта и специалиста в уголовном процессе. Основная проблема разграничения лиц, обладающих специальными знаниями, состоит в отсутствии должной терминологической разработки. Данная проблема рассмотрена в историческом, теоретико-правовом и процессуальном аспектах.

Ключевые слова: эксперт, специалист, исследование, суждение.

Сегодня уголовный процесс немислим без лиц, обладающих специальными знаниями в различных сферах общественной жизни человека и гражданина. К таким лицам относятся эксперт и специалист. Законодательная норма о них появилась в социалистический период и в соответствии с законом, в сфере деятельности эксперта находилось проведение экспертизы, в тоже время, специалисту отводилось содействие в производстве следственных действий¹.

Действующий уголовно-процессуальный закон также содержит в себе нормы об эксперте и специалисте, однако они претерпели некоторые изменения. Так, согласно ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в сфере деятельности специалиста теперь находилось не только содействие в производстве процессуальных действий, но и постановка вопросов эксперту, а также разъяснение участникам уголовного судопроизводства вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста². Полномочий эксперта изменения не коснулись.

Возникновение правовой нормы о разъяснении специалистом участникам уголовного судопроизводства вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию породило юридическую коллизию в отношении использования специальных знаний в судопроизводстве по уголовным делам.

Данная коллизия получила новый виток после принятия Федерального закона 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, в соответствии с которыми, в списке доказа-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

тельств вместе с заключением эксперта появилось заключение специалиста³. Для преодоления данной юридической коллизии, законодателем были введены нормы-дефиниции вышеуказанных терминов. Так, законодателем заключение эксперта определяется как исследования и выводы, а заключение специалиста – как суждения (ст. 80 УПК РФ). Как видим, законодатель не уделил должного внимания различению данных нормативных дефиниций.

В связи с чем у научного сообщества возник ряд вопросов. Например, возможно ли проведение исследования специалистом. Соответственно мнения ученых разделились. Сторонники классической точки зрения утверждают, что специалист не имеет полномочий проводить исследований. В качестве основного аргумента, они приводят положение о том, что исследования специалисту не нужны, в силу того, что ответы от специалиста на вопросы участников судопроизводства по уголовному делу требуют именно осмотра объектов, ознакомления с предоставленными специалисту письменными вопросами или вещественными доказательствами. Таким образом, специалист довольствуется только суждениями, полученными после осмотра либо ознакомления⁴.

Их противники, неоклассики, говорят об обратном: специалист также проводит исследование. В обоснование своей точки зрения они приводят аргумент, о том, что специалисту как лицу, которое обладает специальными знаниями, для ответа на поставленные вопросы может понадобиться проведение физических измерений, химических или биологических экспериментов, математических расчетов. Этот факт служит основанием, чтобы считать, что для специалиста нет никаких препятствий, чтобы провести исследование»⁵.

Представители научного сообщества пытаются разграничить предложенные законодателем в ст. 80 УПК РФ понятия «исследования» и «суждения». Некоторые авторы под суждением предлагают понимать: поверхностный осмотр, перечисление нескольких признаков объекта, логический вывод без практических действий, решение теоретических задач⁶. Имеются авторские мнения о том, что «суждение» – это один из способов познания окружающего мира, но отличное от «исследования».

В 2010 г. российский законодатель изменил свою позицию, к специалисту было применено понятие «исследование»⁷. Теперь в соответствии со

³ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

⁴ См.: Россинская Е. Р. Судебная экспертология: генезис, современное состояние, направления развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 86–93.

⁵ Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 32–33.

⁶ Быков В. М., Ситников Т. Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминалистики. Москва : Спарк, 2004. Вып. 1 (9). С. 19–25.

⁷ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 09 марта 2010 г. № 19-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 11. Ст. 1168.

ст. 144 УПК РФ, лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении вправе требовать исследование письменных и вещественных доказательств, а также привлекать к участию в этом действии специалистов.

2013 г. был ознаменован очередной новеллой в сфере уголовного процесса – появилась новая форма предварительного расследования – сокращенное дознание⁸. И в ст. 226⁵ УПК РФ появилась формулировка, согласно которой дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам проведенного им исследования.

Заметим, что в научном сообществе, как правило, признают наличие монизма гносеологии деятельности лиц, обладающих специальными знаниями. Однако некоторыми учёными выделяется точка зрения, согласно которой компетенции специалиста и эксперта не подлежат единению.

На сегодняшний день российское уголовно-процессуальное законодательство нуждается в доработке. Полагаем, что целесообразно внести изменения в УПК РФ в виде дополнения закона нормами-дефинициями. Так, необходимо дополнить ст. 80 УПК РФ: 1) частью 1¹ следующего содержания: «Исследование эксперта – это деятельность эксперта, осуществляемая на систематической основе с целью увеличения знаний об исследуемых вещественных доказательствах, документах, предметах, животных, трупах, их частях, образцах для сравнительного исследования, а также материалах дела, по которому проводится судебная экспертиза»; 2) частью 3¹: «Суждение специалиста – применение соответствующих специальных знаний при принятии обоснованных решений в обстоятельствах конкретного уголовного дела, не исключающих проведение исследований».

Таким образом, введение данных норм-дефиниций позволит качественно разграничить деятельность эксперта и специалиста в уголовном процессе, а также поспособствует избавлению от юридических коллизий в данном вопросе.

Информация об авторе

Полякова Нина Дмитриевна – студентка 2 курса магистратуры, факультет истории и права, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет» (ФГБОУ ВО «СмолГУ»). 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. Электронный адрес: poliakova.nina2018@yandex.ru

⁸ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

УДК 347.963

II 57

Н. О. Попова,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Некоторые аспекты прокурорского надзора за исполнением законов при прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия

В статье анализируются вопросы, касающиеся осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Рассматриваются основания прекращения, порядок, полномочия прокурора при рассмотрении данного вопроса на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурор, уголовное преследование, предварительное расследование, прекращение уголовного дела.

В производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних российский законодатель предусмотрел специальное основание прекращения уголовного дела – с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ). Как и любое иное процессуальное решение, данное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным (ст. 7 УПК РФ). Поскольку данное решение затрагивает права несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), прокурор с особым вниманием проверяет законность и обоснованность принятия следователями, дознавателями решений о прекращении уголовных дел с применением принудительных мер воспитательного воздействия. На такой подход к осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при производстве по делам несовершеннолетних ориентирует и Генеральный прокурор Российской Федерации¹.

Одной из проблем осуществления прокурорского надзора за исполнением законов при прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия, на наш взгляд, является разный подход законодателя к принятию данного решения в зависимости от формы предварительного расследования. Так, если уголовное дело было расследовано в форме дознания, то прокурор, изучив материалы уголовного дела, проверив выполнение всех необходимых условий принятия данного решения, дает согласие на прекращение уголовного дела. Если же уголовное дело расследовал следователь, то такое согласие да-

¹ См.: Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Ген. прокурора Рос. Федерации от 14 ноября 2017 г. № 477. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет руководитель следственного органа (ч. 1 ст. 427 УПК РФ). Представляется, что для осуществления эффективного надзора за обеспечением прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве при принятии указанного решения, целесообразно в ст. 427 УПК РФ внести изменения и установить единый порядок дачи согласия на прекращение уголовного дела прокурором независимо от формы расследования.

Проверяя законность прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия, прокурор в обязательном порядке обращает внимание на выполнение следователем, дознавателем требований закона, указывающих на условия принятия рассматриваемого решения. Так, прекращение уголовного дела по данному основанию возможно, если несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые совершили преступления небольшой или средней тяжести, исправление может быть достигнуто без применения наказания (ч. 1 ст. 427 УПК РФ), а также, если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый или его законный представитель против этого возражают (ч. 6 ст. 427 УПК РФ).

Необходимо отметить, что условие прекращения уголовного дела в виде отсутствия возражений несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя является достаточно спорным в науке и проблемным на практике. По мнению некоторых авторов, согласие несовершеннолетнего или его законного представителя вообще должно быть исключено как условие прекращения уголовного преследования, поскольку в предлагаемой редакции ст. 427 УПК РФ оно утрачивает какое-либо значение². Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 11 февраля 2011 г. № 1 указывает, что согласие несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя является обязательным условием для прекращения уголовного преследования³. Более того в указанном постановлении обращено внимание на то, что принудительные меры воспитательного воздействия могут быть применены к несовершеннолетнему только при наличии совокупности всех оснований, предусмотренных в ст. 427 УПК РФ.

Согласно исследованиям некоторых ученых при принятии решения о прекращении уголовного дела с применением принудительной меры воспитательного воздействия следователи, дознаватели учитывают и иные обстоятельства, такие как: возмещение причиненного преступлением вреда, совершение преступления впервые, положительные характеристики несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, признание им вины, раскаяние в содеянном, болезнь несовершеннолетнего, стечение тяжелых жизненных об-

² См.: Быданцев Н. А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Томск, 2007. С. 19.

³ См.: О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 11 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2011. № 4.

стоятельств, необходимость заботиться о родственниках, незначительная роль в совершении преступления и пр.⁴

Согласно справке Иркутского областного суда по результатам изучения судебной практики прекращение уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия реализуется крайне редко. Одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие в уголовном деле исчерпывающих сведений о семье правонарушителя и о возможности освобождения подростка от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия⁵.

Таким образом, при осуществлении прокурором надзора за законностью и обоснованностью принятия решений о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних с применением принудительной меры воспитательного воздействия необходимо обращать внимание на соблюдение следователями, дознавателями условий прекращения уголовного дела по данному основанию, которые указаны в ч. 1 ст. 427 УПК РФ. Причем они подлежат применению в совокупности и расширительному толкованию не подлежат.

Информация об авторе

Попова Наталья Олеговна – студентка 5 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.1
С 79

И. А. Степанова,
*студентка 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Принцип публичности в уголовном судопроизводстве

В статье анализируется сущность принципа публичности в уголовном судопроизводстве. На основе норм УПК делается вывод о роли и значении данного принципа, а также дается определение принципа публичности. Показано проявление принципа публичности на разных стадиях уголовного процесса.

Ключевые слова: принцип публичности, уголовное судопроизводство, общественный интерес, государственный интерес, частный интерес.

⁴ Быданцев Н. А. Указ. соч. С. 19–20.

⁵ Справка по результатам обобщения судебной практики применения судами Иркутской области законодательства, регламентирующего основания и порядок прекращения уголовного дела и уголовного преследования, освобождения от уголовной ответственности, за 2016. // Официальный сайт Иркутского областного суда. URL: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?id=490&name=docum_sud (дата обращения: 01.02.2020).

Прежде чем начать рассуждение о принципе публичности необходимо определиться с тем, что же в науке понимается под термином публичность. Так, в уголовно-процессуальной литературе публичность принято рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, как требование закона ведения процесса от имени государства в интересах государства и общества. С другой стороны, под публичностью многие понимают господство общественных и государственных интересов над интересами личности в процессе поиска истины.

Стоит отметить точку зрения Т. Н. Добровольской, которая утверждала, что в деятельности всех органов государства, в том числе суда в сфере уголовного судопроизводства преобладает начало публичности¹. Имеется в виду, что данная деятельность построена на служении интересам государства и общества. Соответственно публичность процесса представляет собой выражение общественного интереса в уголовном судопроизводстве.

Такой подход к пониманию принципа публичности во многом объясняется преобладающей в советское время в нашей стране идеологией, когда на первый план выдвигались исключительно интересы государства и общества. В настоящее время в результате демократизации в общественной жизни произошли изменения и в законодательстве. Так, например, из УПК РФ исчезли понятия «общественный поручитель», «общественный защитник», «участие общественности» и т. д., что говорит о смещении вектора деятельности законодателя в сторону защиты интересов личности². Доказательством тому может послужить следующий пример. Так, УПК РФ не называет в качестве назначения уголовного процесса защиту интересов общества и государства, в нем речь идет лишь о защите интересов физических и юридических лиц³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что термин «публичность» используется в ч. 2. ст. 21 УПК РФ, посвященной уголовному преследованию. В связи с чем, напрашивается вывод о том, что законодатель выражает публичное начало уголовного процесса, в большей степени, в обвинительной деятельности.

Для того чтобы полнее раскрыть вопрос о содержании и формах выражения принципа публичности в уголовном судопроизводстве, необходимо обратиться к нормам права, в которых данный принцип находит свое отражение.

В первую очередь, необходимо обратиться к положениям Конституции РФ. Так, ст. 2 Конституции РФ говорит о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Согласно ст. 18 Основного закона права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность

¹ Добровольская Т. Н. Принципы уголовного процесса. Москва : Юрид. лит., 1971. С. 24.

² Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. Москва, 1991. С. 161.

³ Азаров В. А. Уголовно-процессуальный кодекс российской Федерации: оценка концептуальных основ // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 2003. С. 87.

законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивают правосудие. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Федеральным законом только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обороноспособности страны и безопасности государства». Кроме того, принцип публичности выражается в ст. ст. 15, 17, 46 Конституции РФ.

Данный принцип отражен также в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Например, в ст. 2 УК РФ, где устанавливаются задачи уголовного закона: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений; в ст. 14 УК РФ, устанавливающей в качестве признака преступления общественную опасность.

В УПК РФ отражение принципа публичности можно найти в следующих статьях: 1) ст. 20, которая уравнивает все виды уголовного преследования, а именно: публичное, частно-публичное и частное. Здесь публичное преследование является одним из выражений принципа публичности. А частно-публичное и частное, в свою очередь, представляют собой ни что иное как исключения из принципа публичности; 2) ч. 2 ст. 21 УПК РФ, которая обязывает прокурора, следователя, орган дознания, дознавателя в случае обнаружения признаков преступления принимать все меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления; 3) ч. 1 ст. 11 УПК РФ предписывает суду, прокурору, следователю, дознавателю разъяснять права и обязанности участникам процесса. Следует назвать также ст. 8, 29 УПК РФ, в которых законодатель обязывает суд осуществлять правосудие от имени государства. УПК РФ указывает на принцип публичности и в ст. 20–28, 37–41, 73 и др.

Исходя из анализа рассмотренных положений, содержащихся в статьях Конституции РФ, УК РФ и УПК РФ, можно заключить, что принцип публичности представляет собой обязанность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, во всех случаях обнаружения общественно-опасного деяния расследовать и разрешать уголовное дело, обеспечивать права и законные интересы участников уголовного процесса. Данный принцип, выражая императив преимущественной защиты публичного интереса в юридико-техническом смысле (интереса государства и общества), «... является мотивирующей силой правоприменителя, выступает фактором, консолидирующим средства уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц по активному и целенаправленному выявлению и раскрытию преступлений, принятию мер по восстановлению справедливо-

сти, нарушенной преступлением»⁴.

Если же говорить о месте и значении принципа публичности уголовного судопроизводства в системе других основных начал, то следует поддержать мнение Л. В. Головки по данному вопросу, который рассматривает указанный принцип в качестве «системообразующего» для континентальной модели судопроизводства⁵.

Бесспорным остается тот факт, что данный принцип носит обязательный характер для каждой стадии уголовного судопроизводства. В досудебном производстве принцип публичности проявляется в правовых нормах, обязывающих компетентные органы и должностные лица при наличии достаточных оснований возбуждать уголовное дело, несмотря на усмотрение потерпевшего.

Однако следует обратить внимание, что нормами УПК РФ принцип публичности также может ограничиваться. Так, традиционным ограничением действия принципа публичности принято считать особый порядок решения вопроса о возбуждении и дальнейшем производстве по делам частного обвинения. В ходе предварительного расследования дознаватель и следователь проводят следственные действия исключительно по собственной инициативе, а ходатайства сторон для осуществления такой деятельности не требуются, что и является еще одним примером проявления принципа публичности.

Информация об авторе

Степанова Ирина Алексеевна – студентка 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.1
Ш 95

Н. С. Шуплецов,

*студент 3 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Некоторые проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства

В статье анализируются проблемы применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. На основании исследования нормативных правовых актов делаются выводы о существующих проблемах и возможных путях их решения.

Ключевые слова: принцип безопасности, меры государственной защиты, участники уголовного судопроизводства.

⁴ См.: Лавдаренко Л. И. Проблема реализации принципа публичности в уголовном судопроизводстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. мат. XXIV межд. научно-практич. конференции ВСИ МВД России. Москва, 2019. С. 143.

⁵ Головка Л. В. Курс уголовного процесса. Москва, 2017. С. 33–56.

В статье 11 Уголовного процессуального кодекса закреплено положение о необходимости обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, которое подразумевает, что при достаточных основаниях и информации о возможной опасности участникам уголовного судопроизводства, их родственникам и близким лицам соответствующими органами в пределах своих полномочий применяются определённые меры в целях: 1) реализации конституционного права на судебную защиту, 2) создания условий для беспрепятственной реализации имеющихся уголовно-процессуальных прав и обязанностей, 3) обеспечение защиты от возможной мести преступников¹.

Реализация данного принципа обеспечивается в первую очередь, Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» № 119-ФЗ от 20 августа 2004 года, а также совокупностью подзаконных нормативных правовых актов, в частности указами Президента Российской Федерации (например, Указ от 11.08.2002 № 960), постановлениями Правительства Российской Федерации (например, от 25.10.2018 № 1272) и приказами органов исполнительной власти.

Меры по обеспечению безопасности можно разделить на две основные группы: на уголовно-процессуальные и непроцессуальные меры. К уголовно-процессуальным мерам следует отнести все специальные правила производства следственных и судебных действий, предусмотренные УПК РФ (участие лица под псевдонимом, проведение очной ставки вне визуального наблюдения и т. д.). К непроцессуальным относятся меры, перечисленные в федеральном законе № 119: личная охрана, охрана жилища и имущества, переселение на другое место жительства и иные меры, направленные на реализацию принципа безопасности².

По второй группе мер возникает проблема, связанная с полномочиями органов, принимающих решение о применении мер государственной защиты (суд, руководитель следственного органа, начальник органа дознания, следователь). Данные органы, принимая соответствующие решение, сами меры безопасности не осуществляют. Их осуществление и установление оснований для применения таких мер, возложено на ОВД, ФСБ, таможенные органы. Эти органы в трёхдневной срок проверяют заявления и устанавливают основания для применения мер безопасности и в дальнейшем, после согласования, эти же органы реализовывают утверждённые меры безопасности. Сложившаяся ситуация приводит к тому, что роль суда, руководителя следственного органа, начальника органа дознания, следователя ограничивается принятием формального решения на основании предоставленных данных, что в

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лебедева В. М. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики : практическое пособие / под ред. В. М. Лебедева. Москва, 2016. С. 119.

свою очередь обозначает разграничение полномочий органов, которое не закреплено в диспозиции ч. 2 ст. 18 ФЗ «О государственной защите участников уголовного судопроизводства» № 119-ФЗ.

Возникают также вопросы об отмене применяемых мер государственной защиты. Так в ст. 20 названного закона перечисляются основания для отмены применяемых мер, а именно: «устранены основания их применения, защищаемое лицо отказывается от предоставляемой защиты либо невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий договора»³. В случае добровольного отказа защищаемого лица от предоставляемых мер безопасности вопросов не возникает. Однако решение об отмене предоставляемых мер безопасности может приниматься органом, принявшим соответствующее решение, без учета мнения защищаемого лица. Указанные органы обладают широким усмотрением в части отмены предоставляемых мер, что может негативно сказаться на законных интересах и фактической безопасности защищаемого лица.

Еще одним аспектом данной проблемы является то, что определением оснований для принятия мер безопасности и оснований для их отмены осуществляют разные органы, что может отрицательно сказаться на эффективности государственной защиты.

На основании изложенного полагаю возможным усовершенствовать правовое регулирование обеспечения мер безопасности участников уголовного судопроизводства с целью исключения формального подхода в их применении. С целью своевременного принятия мер безопасности при вовлечении граждан в уголовно-процессуальные правоотношения отдельно разъяснять право на применение мер безопасности.

Информация об авторе

Шуплецов Никита Сергеевич – студент 3 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

³ О государственной защите участников уголовного судопроизводства : Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ : в ред. от 7 февраля 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.98

А 18

Д. Д. Авдеева,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Проблема определения признаков фальсификации папиллярных узоров

В статье анализируется проблема фальсификации папиллярных узоров. Описаны виды фальсификации папиллярных узоров и характерные для них особенности. Предложены признаки, позволяющие отличить «натуральные» папиллярные узоры от фальсифицированных.

Ключевые слова: папиллярные узоры, искусственные папиллярные узоры, способы фальсификации.

В настоящее время дактилоскопическая экспертиза широко применяется при расследовании преступлений по сравнению с иными видами судебных экспертиз. По статистике примерно 25% преступлений раскрывается благодаря наличию отпечатков пальцев и дальнейшей дактилоскопической экспертизы¹. Однако, несмотря на проверенную временем методику производства дактилоскопических экспертиз и достоверность их результатов, в последнее время на практике, имеет место проблема, связанная с фальсификацией папиллярных узоров следов рук.

Существующие способы фальсификации папиллярных узоров, условно, принято делить на две группы: изменение папиллярного узора непосредственно на кожном покрове руки человека и изготовление искусственных папиллярных узоров в виде различных муляжей и копий. В первом случае речь идет именно об изменении папиллярного узора непосредственно на руке человека. Способы изменения, встречающиеся на практике достаточно разнообразные, но всех их можно сгруппировать таким образом: химические, механические, термические, хирургические. Они варьируются от низких технологий, таких как растирание кожи, жжение кончиков пальцев, обливание пальцев кислотой и нанесение себе увечий с помощью острых предметов, до высокотехнологичной хирургии, например, применение специальных лазеров или пересадка кожных покровов. Необходимо отметить, что папиллярные узоры в течение времени восстанавливаются и при использовании таких способов в дальнейшем возникают характерные особенности папиллярного рисунка, указывающие на наличие вмешательства. Например, применение лазерных технологий не позволяет изменить папиллярный узор без образования признаков вмешательства. Воздействие лазерного излучения на элементы строения папиллярного узора приводит к уменьшению их высоты, при

¹ Соколова О. А. К вопросу о совершенствовании методики производства дактилоскопических экспертиз в связи с возможной фальсификацией папиллярных узоров // Вестник Московского ин-та МВД России. 2017. № 2. С 125.

этом повреждения кожи не заметны даже при микроскопическом исследовании кожного покрова. Локальное уменьшение высоты папиллярных линий вызывает видоизменение отображений некоторых частных признаков папиллярного узора при образовании следа².

Из сказанного выше, следует, что даже при применении различных способов создания искусственных папиллярных узоров можно установить, что данное лицо оставило изучаемые следы пальцев.

Во втором случае, фальсификация связана с изготовлением муляжей папиллярных узоров с использованием различных технологий. Чаще всего злоумышленники используют изготовление слепков из различных веществ: технический желатин, глина, пластилин, стоматологический гипс. Возможна также печать муляжа на 3D-принтере. Следует отметить, что в настоящее время активно используются автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (далее – АДИС), которые изначально не были предназначены для определения следов, изъятых с мест происхождения, как искусственных. Из-за этого следы от муляжей и копий воспринимаются системами как следы естественных папиллярных узоров. Подтверждением сказанному являются результаты экспериментов с использованием АДИС «Папилон», проведенных российскими учеными. Ими были изготовлены муляжи с папиллярными узорами двумя способами: из силиконовых компаундов и с использованием лазерной гравировки на различных материалах. В ходе эксперимента муляжами оставлялись поверхностные следы папиллярных узоров пальцев рук нескольких лиц, дактилоскопические карты которых ранее были введены в базу данных АДИС. При проверке этих следов по массиву из более 900 тысяч дактилоскопических карт в рекомендательном списке на первое место всегда выводилась информация на участника эксперимента, чей искусственно изготовленный след проверялся³.

Поэтому проведение дактилоскопической экспертизы, в ходе которой признаки характерные для фальсификации папиллярных узоров могут быть обнаружены, представляется важным при расследовании уголовных дел. Вместе с тем заметим, что на практике иногда отсутствуют признаки, позволяющие достоверно отличить следы, оставленные на месте преступления непосредственно преступником, от следов, оставленных с помощью изготовленных копий и муляжей. Признаком фальсификации папиллярных узоров можно считать, отсутствие потожировых составляющих в следах, оставленных с помощью муляжа или копии. В случае если злоумышленник попытается воссоздать потожировой слой на муляже или копии, необходимо изучить сам характер потоотделения на оставленном следе, необходимо изучить и сам состав вещества.

Некоторые авторы выделяют отдельную систему методов, позволяю-

² Соколова О. А. Указ. соч. С. 127.

³ Сухарев А. Г., Стальмахов А. В., Трубицын Р. Ю. Искусственные папиллярные узоры как негативные аспекты дактилоскопической идентификации и верификации // Судебная экспертиза. 2011. № 1. С 64–72.

щую установить принадлежность оставленных следов, состоящую из: микроскопического анализа, в ходе которого изучаются морфологические признаки потожировых следов; метода вакуумной десорбции, с помощью которого изымаются летучие компоненты потожирового вещества, содержащие как индивидуальные, так и групповые признаки индивидуума; иммунологического метода, применяемого для решения таких диагностических задач, как отнесения вещества следов к поту и установление группы пота аналогично крови; хроматографических методов, с помощью которых исследуются липидные компоненты (свободные жирные кислоты) и микрофлора потожировых следов рук человека; одорологического метода, применяемого для идентификации человека по составу вещества его потожировых следов с помощью специально подготовленных собак-детекторов (биодетекторов); генотипоскопического метода, позволяющего идентифицировать человека при наличии в потожировых следах рук клетки, ядро которой является носителем генетической информации⁴.

Представляется, что из-за ограниченных технических возможностей точного воспроизведения микродеталей папиллярного узора, при изучении следов, оставленных на месте преступления, необходимо достаточное внимание уделять характеру оставленного рисунка. При оставлении следов муляжом или копией, возможно наличие необоснованных разрывов в местах утончения папиллярных линий, то есть в местах утончения папиллярных линий отображаются разрывы папиллярных линий, в свою очередь разрывы папиллярных линий отображаются как начала и окончания папиллярных линий. По этой причине видоизменяется и рисунок самих пор либо они вообще отсутствуют.

В настоящее время требуется проведение серьезных научных исследований, касающихся проблемы использования папиллярных узоров в криминальных целях. Должны быть выявлены свойства искусственно сформированных папиллярных узоров и разработаны способы распознавания фальсифицированных следов. Имеется необходимость создания системы, позволяющей отличать естественные папиллярные узоры, оставленные человеком, без внесения в них каких-либо изменений от искусственных (фальсифицированных) папиллярных узоров.

Информация об авторе

Авдеева Диана Денисовна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

⁴ См.: Моисеева Т. Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Москва, 2000. С. 14–22.

УДК 343.98
А 28

В. А. Адяева,
студентка 4 курса
(ИЮИ (ф) УП РФ)

Исследование обликовых характеристик по фонограммам речи

Статья посвящена изучению вопроса об установлении обликовых характеристик путем проведения фоноскопической экспертизы. Целью данного исследования является ознакомление правоприменителей с одной из возможностей фоноскопической экспертизы и дальнейшее ее применение на практике.

Ключевые слова: криминалистическая фоноскопия, звуковые следы, обликовые характеристики, диагностика, фонограмма.

Основным средством передачи информации является речь, которая оставляет определенные изменения в материальной среде, именуемые звуковыми следами. В настоящее время, при расследовании преступления все больше набирает популярность исследование фонограмм. Возможности судебной фоноскопической экспертизы активно используются для получения доказательственной и иной криминалистически значимой информации. Однако правоприменители далеко не всегда обладают знаниями о возможностях такого исследования.

Обратимся к характеристике данного вида судебной экспертизы. В первую очередь, перед экспертом-фоноскопистом ставится вопрос, связанный с идентификацией лица по фонограммам речи. К сожалению, не всегда возможно сразу решить идентификационную задачу, например, вследствие непригодности спорной фонограммы или отсутствия образцов для сравнительного исследования, а также, если эксперт может прийти к отрицательному выводу по результатам идентификации, соответственно появляется необходимость в получении личностной информации о дикторе. В таких ситуациях особое значение приобретает решение диагностических задач судебной фоноскопической экспертизы, в частности, задачи по установлению обликовых характеристик личности, позволяющей установить взаимосвязь между характеристиками речи и признаками облика человека.

Под обликовыми характеристиками понимается сложное системное образование, определяемое совокупностью криминалистически значимых свойств личности, устанавливаемых по результатам анализа признаков голоса и речи лица, отобразившихся в звуковом следе¹. В науке существуют различные дискуссии по поводу того, что именно относится к обликовым характеристикам. На основании анализа различных работ и мнений ученых можно

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва, С. 243.

прийти к выводу о том, что к обликовым характеристикам, в частности, относятся: пол, возраст; наличие заболеваний и дефектов органов дыхания; эмоциональное состояние говорящего; уровень образования и речевой культуры; этническая, территориальная принадлежность и т. д. В дальнейшем этот перечень может быть неоднократно дополнен по мере открытия научных и технических знаний.

Исследование фонограмм основано на том, что голос человека индивидуален, обуславливается это специфической формой и размерами ротовой и носовой полости, горла, органов дыхания. Соответственно, физические характеристики звуков – частота, длительность, интенсивность - у каждого человека строго индивидуальны. Например, что касается определения пола, то для обозначения пола диктора эксперты-фоноскописты используют понятие «сексолект», которое отражает не только физиологические и социальные характеристики пола, социальные, но и возможности имитации пола говорящего. Так, исследование сексолета диктора опирается, во-первых, на анатомических особенностях голосовых связок у мужчин и у женщин. Соответственно, у мужчин они крупнее, с увеличением толщины и длины голосовых связок, понижается высота голоса. Данная особенность влияет на частоту основного тона, то есть на частоту вибраций голосовых связок, следовательно, частота основного тона у женщин выше, чем у мужчин. А, во-вторых, на лексических особенностях, например, в мужской речи встречается больше неологизмов, терминов и профессионализмов, чем у женщин.

Также учеными было установлено, что с возрастом уменьшается жизненная ёмкость лёгких и эластичность мышц. Данные изменения оказывают прямое влияние на изменение голоса. Отсюда голос пожилого человека воспринимается как тихий, слабый, нечёткий и характеризуется частым, прерывистым дыханием, что связано с сокращением объёма лёгких и недостатком кислорода. О молодом возрасте говорившего может свидетельствовать категоричность суждений по самым разным вопросам. Пожилые же люди проявляют осторожность в высказываниях, имеют склонность давать советы и поучать собеседника. Кроме того, как показывают экспериментальные исследования ученых Нижегородского университета, при анализе речевых фрагментов длительностью около 60 секунд, погрешность в установлении возрастной группы диктора составила 7 лет, по мере увеличения длительности фонограммы точность оценки увеличивается².

Еще одной обликовой характеристикой является наличие у диктора заболеваний, дефектов органов дыхания. Для этого необходимо проведение экспертизы с участием эксперта-медика. Так, например, возможно выявить нарушения работы резонаторных полостей (глотки, полости рта, носовой полости), которые оказывают непосредственное влияние на голос и речь. Кроме того, сломанный нос, отсутствие некоторых зубов, зубные протезы, иные де-

² Лебедева А. К. Обзор состояния судебно-экспертного исследования обликовых характеристик личности по фонограммам речи // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 140.

фекты позволяют помимо особенностей речепорождения установить дефекты внешнего облика, что может облегчить в дальнейшем идентификацию лица.

Фоноскопическая экспертиза позволяет использовать диалектные особенности говорящего ((слова, фразы), грамматические формы (склонения, спряжения, сочетания слов, фонетический строй и др.), а также просодические признаки (интонация, ударение, темп речи, акцент). Например, белорусы, говорящие по-русски, вместо звука «я» нередко употребляют звук «а», (трапка, зарадка и т. п.), казахи часто говорят «биль» вместо «был»³. Более того, специалистами неоднократно разрабатывались автоматизированные системы определения акцента и диалекта в разных регионах России, такие как «РЕГИОН» и АПК «Фонексия», которые решают задачи по диагностике места рождения или места длительного проживания неизвестного диктора⁴.

Следует отметить, что в состоянии эмоциональной напряжённости у человека в организме происходят различные физиологические изменения. Например, состоянию «страха» свойственно дрожание мышц тела, сухость во рту, резкое учащение пульса, перепады артериального давления, нарушения в дыхательной системе, порождающие изменение тембра речи (голос становится хриплым и приглушенным), увеличение темпа речи. Немаловажную роль может сыграть, возможность определения состояния опьянения говорящего. Тем не менее, все ещё полностью нерешенным остается вопрос, связанный с дифференциацией состояний алкогольного и различных видов наркотического опьянения. Речь человека определяется социальной средой, которая его окружает, образованием, воспитанием и т. д. Об образовании, профессии и степени культуры человека можно судить исходя из словарного запаса, полноты и детализации выражения мысли, речевых приемов, а также произношения, наличие профессиональных и технических терминов.

Список возможностей фоноскопической экспертизы довольно обширен, поэтому правоприменителям необходимо ориентироваться в них и правильно использовать. Нами был разработан примерный перечень вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом фоноскопистом.

1. Каковы половозрастные характеристики диктора, чья речь и голос записаны на фонограмме?

2. Какова степень владения языком (на котором диктор говорит на исследуемой фонограмме), место длительного проживания и формирования речевых навыков диктора, чья речь и голос записаны на фонограмме?

3. Какова этническая (территориальная) принадлежность диктора, чья речь и голос записаны на фонограмме?

4. Каков уровень образования и речевой культуры, социокультурный статус, профессия диктора, чья речь и голос записаны на фонограмме?

5. Имеются ли у лица, чей голос и речь записаны на фонограмме, заболевания или дефекты органов речи?

³ Плотникова С. Н. Лекции по судебной фонетике. Иркутск : ИГЛУ, 2006. С. 49.

⁴ Бюро научно-технической информации. URL: <http://www.bnti.ru/des.asp?itm=3558&tbl=.&p=1> (дата обращения: 09.02.2020).

6. В каком эмоциональном состоянии находилось лицо, чья речь и голос записаны на фонограмме? Находилось ли лицо в состоянии эмоциональной напряженности?

7. Находилось ли лицо, чей голос и речь записаны на фонограмме в состоянии опьянения? Если да, то возможно ли установить степень опьянения?

Установление обликовых характеристик говорящего может существенно облегчить работу правоохранительных органов. Разумеется, существует ряд проблем, связанных с производством фоноскопической экспертизы, например, отсутствие квалифицированных специалистов или соответствующего программного обеспечения. Однако, в дальнейшем, возможность определение обликовых черт может стать одним из основных способов решения диагностических задач, а также установления психологического контакта и тактики расследования преступлений.

Информация об авторе

Адяева Валерия Алексеевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.98

А 42

А. А. Аксёнова,

*студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

К вопросу о портретной идентификации лица по видеоизображению

В статье анализируются проблемы, касающиеся портретной идентификации лица по видеоизображению. Особое внимание обращено на проблему, связанную с получением образцов для сравнительного исследования.

Ключевые слова: идентификация лица по видеоизображению, портретная экспертиза, образцы для сравнительного исследования.

С развитием информационного общества, с продолжающимся ростом преступности кадры видеозаписи все чаще становятся объектом криминалистических исследований, в связи с этим растет и количество судебно-портретных экспертиз. Методика портретной экспертизы, ориентированная на установление анатомических признаков внешности человека по фотоизображению, на данный момент является не совсем эффективной и малоприменимой для исследования видеоизображений, которые часто оказываются бесполезными при исследовании из-за невозможности идентификации по ним преступника, в виду того, что лицо преступника редко изображается крупным планом или же занимает незначительную часть кадра и запечатлено в ракурсах, осложняющих изучение анатомических признаков лица. В некоторых случаях в кадр попадает только силуэт фигуры человека, что влечет за собой невозможность проведения идентификационного исследования внеш-

него облика преступника. В связи с этим необходимо комплексное рассмотрение проблем криминалистической идентификации человека по признакам анатомических элементов внешнего облика человека, отобразившимся на видеоизображении.

Для начала стоит определиться с факторами, влияющими на полноту и достоверность. Н. Н. Ильин к ним относит: технические характеристики аппаратуры для видеозаписи; факторы условий видеозаписи (направление и характер освещения, расстояние до объекта съемки, ракурс, масштаб изображения головы человека и размещение ее в кадре, положение запечатлеваемого объекта относительно видеокамеры); факторы состояния внешности объекта запечатления (одежда человека, его эмоциональное состояние); факторы условий хранения видеозаписи¹. Практике известны случаи, когда при наличии благоприятных факторов, при которых получено хорошее изображение, все же происходит передача эксперту низкокачественного видеоизображения в виду ошибок, допущенных при записи сведений, несущих в себе криминалистически значимую информацию, на диск.

Одной из проблем производства криминалистической идентификации человека по видеоизображениям, по справедливому замечанию Н. Н. Ильина, является проведение идентификации лиц по видеоизображениям экспертами, специализирующимися на портретной экспертизе по фотоизображению. Отсутствие у экспертов опыта и методики работы с видеоизображениями влечет за собой зачастую формирование выводов о невозможности решения вопроса по существу². Здесь возможно выделить, например, такие аспекты: сложность в оформлении иллюстраций по видеоизображениям, связанная с наличием в видеозаписи серии динамических кадров (от 12 до 30 в секунду), сложность в просмотре видеозаписи возникает из-за отсутствия специальной аппаратуры и знаний по ее использованию. Вышеназванное свидетельствует об имеющихся пробелах методической базы, применяемой для идентификации человека по видеоизображению.

Посредством видеозаписи возможно произвести идентификацию личности по функциональным признакам (походка, жестикуляция, мимика, артикуляция), которые отчетливо видны на ней. Для их выявления применяются соответствующие методики. При этом к видеозаписи предъявляются определенные требования: видеоизображение должно быть получено со стационарно закрепленной камеры; формат записи должен быть с частотой 24 кадра в секунду и более; человек должен быть запечатлен в кадре во весь рост; видеозапись должна быть продолжительной, что позволит выявить устойчивый комплекс функциональных признаков³. Кроме того, следует учитывать одежду, поскольку она может сковывать движения человека или скрывать их. На

¹ Ильин Н. Н. Криминалистическая идентификация человека по видеоизображениям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. Москва, 2016. С. 131.

² Ильин Н. Н. Комплексный подход при решении проблемы криминалистической идентификации человека по видеоизображениям // Вестник Московского ун-та МВД России. 2012. № 7. С. 88.

³ Булгаков В. Г. Возможности использования информации о динамических признаках человека в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Владимирского юрид. ин-та. 2010. № 1. С. 66.

практике редко эти критерии в совокупности имеют место быть. Преступник не всегда попадает в кадр полностью, а тем более – на длительный период, в связи с этим не представляется возможным провести идентификацию по функциональным признакам.

Выход из сложившейся ситуации возможно найти путем исследования анатомических признаков внешности, если в кадре отчетливо отобразилось изображение лица преступника, используя профилирование лица и покадровую разбивку, но одновременно возникает проблема получения образцов с видеоизображения для сравнительного исследования. В науке этот вопрос подробно не рассматривается. Как верно отмечают некоторые авторы, именно от материалов, направляемых на экспертизу, зависят результативность, всесторонность и полнота исследования⁴.

Понятие – образцы для сравнительного исследования – наиболее полно отражает Н. И. Долженко, по мнению которого – это «материальные объекты, несомненно происходящие от другого объекта и являющиеся его частью либо отражающие его признаки, получаемые для проведения специальных исследований в целях идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности идентифицируемого объекта, а также для установления других обстоятельств расследуемого преступления»⁵.

В процессе исследования видеозаписи для получения сравнительных образцов эксперт выделяют разноракурсные кадры (как можно больше, так как в таком случае в большей степени будет проявляться индивидуальность элементов внешности), на которых наиболее четко просматриваются анатомические элементы, образующие контур лица. Следует учитывать, что кадры, запечатлевающие крайне эмоциональные состояния, создают препятствия для установления тождества личности, в противном случае для получения образцов, необходимо сфотографировать подозреваемого в аналогичном эмоциональном состоянии, что непросто выполнить, так как фотографируемый не заинтересован в установлении истины по уголовному делу и его изобличению. Для получения образцов необходимо совпадение оптических характеристик объективов видеокамер. Целесообразно использовать камеру, с которой и была получена видеозапись, в случае отсутствия такой возможности, следует использовать аналогичные характеристики объектива съемочной аппаратуры.

При получении образцов наиболее сложной задачей является – совпадение ракурсов, который должен быть выдержан с исследуемой записью до 1–2 градусов. На практике применяют способ, при котором подозреваемого записывают на видеосъемку последовательно слева направо, сверху вниз, медленно перемещая видеокамеру и стараясь придерживаться тех же ракурсов и положений головы и отдельных частей тела, что и в исследуемой видеозаписи. После этого производят покадровую разбивку и выбирают кадры,

⁴ См.: Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Габитоскопия : учебное пособие. Москва : Юрлитинформ, 2006. С. 112.

⁵ Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. Москва, 2007. С. 43.

подходящие для сравнения⁶. После получения серии разноракурсных сопоставимых для сравнительного исследования снимков, следует делать вывод о тождестве или различии лиц.

К положительным сторонам данного метода можно отнести: использование способов совмещения, наложения, сопоставления, являющиеся традиционными методами проведения портретной экспертизы; не требуется дополнительных специальных знаний; облегчает процесс доказывания; получение идентификационных сведений сочетания элементов внешности под определенными углами относительно объектива камеры. При всех имеющихся плюсах метода по разноракурсным изображениям с низким качеством представляется определение качественных анатомических признаков в их малой части. Количественные анатомические признаки в свою очередь основываются на использовании математических методов. В большинстве случаев используются константные точки, которые находят свое применение в методе угловых измерений признаков лица, предложенным Н. В. Завизист⁷. Суть метода заключается в том, что необходимо центром сходящихся лучей определять точно видимый элемент внешности (желательно антропометрическую точку головы, которая позволит повысить результативность производства портретных экспертиз).

Таким образом, исходя из вышеизложенного, требуется дальнейшее изучение методической базы и совершенствование практики в исследовании вопросов, касающихся криминалистической идентификации человека по признакам анатомических и функциональных элементов внешнего облика, запечатленного на видеоизображении.

Информация об авторе

Аксёнова Анастасия Андреевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.98

А 17

Е. Е. Анпилогова,

студентка 4 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

К вопросу об инструментальной ольфактронике

В статье рассматриваются вопросы осуществления судебно-одорологической экспертизы с помощью инструментальных методов. Описываются основные инструменты – газовый хроматограф и масс-спектрометр.

⁶ Попов В. Л. Особенности производства портретных экспертиз по низкокачественным изображениям // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4. С. 158.

⁷ Завизист Н. В. Применение угловых измерений признаков лица в портретной криминалистической экспертизе. Киев, 1970. С. 32.

Ключевые слова: одорологическая экспертиза, газовый хроматограф, масс-спектрометр.

Лица, совершающие преступления очень тщательно пытаются скрыть следы совершенного преступления, дабы избежать наказания. Соккрытие следов преступления затрудняет и делает невозможным для сотрудников правоохранительных органов обнаружение и фиксирование необходимой информации в целях установления конкретного человека и принадлежащих ему предметов, вещей и иных объектов. Но уничтожение одного следа очень затруднительно без специальных познаний и оборудования – это запаховый след. Он устойчив во внешней среде, не воспринимается самим человеком – эти характеристики затрудняют его уничтожение, а, следовательно, для правоохранительных органов сохраняется очень ценная информация о самом преступлении, его участниках, а также объектах.

Первооткрывателем криминалистической одорологии был А. И. Винберг, опубликовавший совместно с другими авторами в 1965 г. статью о судебно-odoroлогической экспертизе. Это ознаменовало новый этап в развитии советской криминалистики. В 1980 г. И. Ф. Крылов писал, что «криминалистическая одорология существует и отрицать этого нельзя»¹. Однако он предполагал, что в скором времени ученые разработают технические детекторы, которые позволят объективно оценивать запаховую информацию.

Итак, криминалистическая одорология (от лат. odor – запах) – это система научно разработанных методов и технических средств обнаружения, изъятия, хранения и исследования запаховых следов с целью последующего их использования для решения идентификационных задач в деятельности правоохранительных органов и уполномоченных ими должностных лиц, обладающих юридической компетенцией.

В настоящее время исследователи различают понятия «запах» и «запаховый след». Запаховые следы определяются как «вещества с предметов запахоносителей, обуславливающие индивидуально-групповые особенности запаха человека, границы запахового следа обозначены концентрацией образующих его веществ, достаточной для восприятия обонянием»². Запах, в свою очередь, представляет собой «свойство материальных объектов, которые распознаются обонятельной системой живого организма»³.

В зависимости от способов изъятия, анализа и регистрации запахов криминалистическую одорологию классифицируют на кинологическую и инструментальную. В кинологической одорологии в качестве анализатора пахучих веществ используется орган обоняния специально обученной и подготовленной служебной собаки. Метод использования биодетекторов является приоритетным в современной одорологии, но в то же время ученые ведут споры о возможности признания результатов использования служебных со-

¹ Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Москва, 1980. С. 263–264.

² Салтевский М. В. Исследование запаховых следов для раскрытия и расследования преступлений. Москва, 1982. С. 132–133.

³ Там же.

бак в качестве доказательств.

Параллельно с этой дискуссией в среде ученых возникла идея о создании и использовании в практике искусственных анализаторов запаха. В инструментальной одорологии в качестве анализатора применяются физико-химические приборы, способные выделять спектр пахучих веществ, регистрировать его в виде ольфактограммы и детектировать с высокой чувствительностью отдельные компоненты запаховых следов⁴.

Современной криминалистике известны следующие виды физико-химических приборов. Прежде всего, это газовый хроматограф, метод анализа именуется – газовой хроматографией. Целью хроматографа является определение количественного и качественного состава веществ. Методом хроматографии можно разделить растворенные жидкие вещества, газы, а также пары. Разделение может осуществляться путем многократного повторения цикла адсорбция–десорбция, а также путем чередования абсорбции и десорбции. Адсорбция, по своей сущности, представляет собой концентрирование вещества на поверхности. В свою очередь, десорбция представляет собой уменьшение концентрации.

Пропускаемые через хроматографическую колонку компоненты анализируются, и в зависимости от состояния и среды они скапливаются на поверхности или растворяются. Дозирование данных веществ, время прохождения компонентов через колонку, теплопроводность и показатель преломления – все эти данные могут дать характеристику запаховому следу.

Кроме хроматографов в криминалистике используют другие приборы для определения состава запаховых проб – масс-спектрометры. Масс-спектрометрию можно рассматривать как совокупность двух отдельных процессов: ионизации и разделения ионов по массам и регистрации образующихся ионов. Масс-спектрометры могут служить для идентификации молекулы. Однако при попытке расшифровать масс-спектр образца, состоящего из нескольких веществ с большими молекулярными массами, приходится сталкиваться с определенными трудностями, обусловленными сложностями идентификации молекул уже не одного вещества, а смеси веществ. В то же время если подключить к масс-спектрометру газовый хроматограф, то расшифровать спектры станет значительно проще, так как смесь веществ будет разделена на отдельные компоненты. На этой основе был разработан гибридный метод анализа – хромато-масс-спектрометрия, представляющий собой сочетание хроматографии (газовой или жидкостной) и масс-спектрометрии. Процессы разделения и анализа протекают независимо друг от друга. Сочетание масс-спектрометрии и хроматографии дает возможность определения состава смеси веществ.

Газовые анализаторы или хроматографы позволяют распознавать компоненты газовых смесей, например пары спирта в выдыхаемом человеком

⁴ Койсин А. А. Исследование запаховых следов: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. 2010. № 3(50). С. 146–150.

воздухе; нитроглицерин в запахе взрывчатых веществ; молекулы наркотических средств; продукты разложения тканей трупов людей и животных.

Запаховые следы, а также предметы, содержащие в себе запаховую информацию, собранные и оформленные в соответствии с гл. 10 УПК РФ, являются вещественными доказательствами. На практике запаховые следы как доказательства совершения конкретного преступления не распространены, хотя иногда запах является единственной зацепкой.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что исследование запаховых следов приборными (инструментальными) методами в современной России, хотя и является очень эффективным, но проводится очень редко. Этому есть ряд причин: во-первых, отсутствие приборов, а также специалистов, способных осуществлять данный вид экспертизы в городах России, во-вторых, недостаточное исследование физико-химических приборов, в-третьих, поверхностное изучение качественных и количественных характеристик комплекса запаха человека, его пота и крови.

Информация об авторе

Анпилогова Екатерина Евгеньевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.825

Б 33

П. С. Башкова,

*студентка 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Личность пожизненно заключенного: психолого-социальный аспект

В статье рассматриваются некоторые социально-психологические особенности отбывания наказания лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы в Российской Федерации. На основании обобщения мнений пенитенциарных психологов и сотрудников исправительных учреждений делаются выводы о формировании ряда негативных психологических качеств у отбывающих пожизненное заключение, связанное с условиями содержания и исправления.

Ключевые слова: личность осужденного, пожизненное лишение свободы, условия отбывания наказания, пенитенциарная психология.

Согласно п. 6 ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) в исправительных колониях особого режима отбывают наказание осужденные мужчины при особо опасном рецидиве преступлений, приговоренные к пожизненному лишению свободы, а также осу-

жденные, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы на определенный срок или пожизненным лишением свободы¹.

В России осужденные на пожизненное лишение свободы содержатся в семи пенитенциарных учреждениях, имеющих своеобразные неофициальные названия: «Мордовская зона», «Белый лебедь», «Вологодский пятак», «Чёрный дельфин», «Горбеевский централ», «Полярная сова», «Снежинка». На сегодняшний день в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, отбывает наказание около двух тысяч пятисот заключенных².

Пожизненное лишение свободы – это, прежде всего, условия строго режима, который предполагает существенно ограниченный объем прав осужденных. Например, осужденные, отбывающие пожизненное наказание имеют право на ежедневную прогулку продолжительностью всего полтора часа, два краткосрочных и одно длительное свидание в течение года. В сравнении с ними, осужденные, отбывающие наказание в обычных условиях (общего и строго режима), – на ежедневную прогулку продолжительностью два часа, иметь два краткосрочных и два длительных свидания в течение года³. Передвижение осужденных к пожизненному лишению свободы за пределами камер осуществляется при положении рук за спиной. При их конвоировании и охране, когда осужденные своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег либо причинить вред окружающим или себе, к ним применяются наручники.

К условиям отбывания пожизненного наказания, которые определяют физическое и психическое самочувствие осужденного, следует отнести не только социальные аспекты (строгий режим, ограниченность передвижения), но ряд психологических особенностей: бедность предметного мира; сенсорную депривацию (недостаток впечатлений); скученность на малом пространстве; специфические условные формы общения администрации и охраны с заключенными. Этот комплекс создает эффект застывшего стресса – условия неизменны, они не зависят от времени года, почти не зависят от состояний и поведения осужденного⁴.

Максимальное ограничение предметного мира создает дискомфорт и ведет к депривации сложившихся прежде потребностей (физических, психических и социальных), в том числе – потребностей в рукотворных предметах

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

² ФСИН: каждый восьмой пожизненно осужденный уже имеет право на УДО : интервью с начальником УИПСУ ФСИН России И. Ведняпиным // Официальный интернет-портал ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/5159902> (дата обращения: 14.02.2020).

³ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴ Мухина В. С. Отчужденные. Абсолют отчуждения : монография. Москва : Прометей, 2009. С. 156.

как условия нормального (полноценного) человеческого бытия.

Жизнь заключенных в камерах предопределена однообразием условий, которые провоцируют депривацию слуха, зрения, обоняния, вкуса. Высокая чувствительность, возникающая от общей сенсорной депривации, приводит к вспышкам крайней раздражительности, которая подавляется защитными механизмами психики. Заключенные грезят о ярких впечатлениях для своих чувств, начинают уходить в себя, галлюцинируя в пространстве своего аутистического состояния⁵.

А. И. Мокрецов и В. В. Новиков отмечают, что активно отыскиваются способы общения с людьми из «внешнего мира», однако примерно 10-15% осужденных избегают каких-либо контактов, «ушли в себя», у многих из них проявляется так называемый «ситуативный аутизм»⁶.

По мнению пенитенциарных психологов, осужденный к пожизненному лишению свободы, для того чтобы выжить, должен осознать необходимость не только физического выживания, но и удержания личности от дальнейшего разрушения, а также необходимость реконструкции своей личности.

«Лишь незначительное число пожизненно осужденных сохраняет здоровое видение, – отмечает О. В. Захарихина, – пытается осознать экстремальность ситуации, в которую они заслуженно попали, и пытаются сохранить и воссоздать свою личность, то есть что-либо предпринять для физического и психического выживания». Обобщенные психологические исследования, проведенные ею, показывают, что осужденных к пожизненному заключению можно разделить на несколько групп: лица, которые характеризуются особой враждебностью и агрессивностью (23,7%); с неустойчивой психикой и неврозоподобными состояниями (40,5%); склонные к суицидальным проявлениям (27,2%); с пониженным уровнем интеллекта (8,7%); с затруднениями в установлении контактов (22%)⁷.

Проявление этих качеств у осужденных, как правило, приводит к тому, что одно качество усиливает или проявляет другие негативные качества и особенности личности. Так, по мнению 64% опрошенных сотрудников исправительных учреждений, в которых отбывают наказание осужденные к пожизненному лишению свободы, у большинства из них преобладает стремление выжить; 28% респондентов считают, что осужденные ощущают отсутствие жизненной перспективы; 26% – отмечают наличие агрессии у «пожизненников»; кроме того, отмечается полная апатия осужденных (12%) и отсутствие желания жить (10%)⁸.

⁵ Мухина В. С., Хвостов А. А. Пожизненно заключенные: мотивация к жизни // Развитие личности. 2004. № 2. С. 125–145.

⁶ Мокрецов А. И., Новиков В. В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание : учебно-методическое пособие. В 2 ч. Ч. 2. Москва : НИИ ФСИН Росси, 2008. С. 120.

⁷ Захарихина О. В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Москва, 2005. С. 119.

⁸ Там же. С. 120.

К примеру, такого содержания записки можно встретить у пожизненно осужденных: «Не могу больше вынести эту жизнь. Хочу постоянно жрать, надоел режим и голод. Испытываю желание убить и съесть сокамерника, так как очень сильно хочу мяса»⁹.

Для психологического сопровождения и помощи заключенным к пожизненному лишению свободы в каждом исправительном учреждении работают психологи, которые оказывают влияние на возможность исправления заключенного. Но этого недостаточно. Для данной категории осужденных важен комплексный подход всех социальных и правовых мер, направленных на исправление осужденного, достижения им раскаяния и осознания вины.

Условия содержания осужденных к пожизненному лишению свободы не приводят к положительным результатам, отмечают исследователи, в большинстве случаев приводят к деградации личности. В условиях заключения у осужденного появляется необходимость в удержании своей личности от разрушения, необратимого регресса. Согласно мнениям сотрудников исправительных учреждений, способность здраво мыслить и рассуждать сохраняет лишь малая часть все заключенных. Большинство необратимо регрессирует¹⁰.

В ст. 9 УИК РФ законодателем отмечено «Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Однако, по нашему мнению, человек, которому был вынесен приговор о пожизненном лишении свободы, не имеет никакого желания, цели, мотива к исправлению. У человека пропадает смысл дальнейшего существования и в результате осужденный к пожизненному сроку фактически обречен, так как в Российской Федерации отсутствует судебная практика условно-досрочного освобождения по истечении 25 лет заключения, хотя осужденные не раз подают об этом ходатайство¹¹.

Информация об авторе

Башкова Полина Сергеевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

Электронный адрес: polinabaskova03@gmail.com

⁹ Мухина В. С. Отчужденные : Абсолют отчуждения. С. 157.

¹⁰ Бессонова Е. Взгляд изнутри. Самая страшная тюрьма России : документальный фильм. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=12448158203429976165&text> (дата обращения: 05.02.2020).

¹¹ ФСИН: каждый восьмой пожизненно осужденный уже имеет право на УДО : интервью с начальником УИПСУ ФСИН России И. Ведняпиным // Официальный интернет-портал ТАСС. URL: <https://tass.ru/interviews/5159902> (дата обращения: 14.02.2020).

УДК 347.963

Б 53

Е. Э. Бессмертных,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Использование знаний психологии при осуществлении прокурорского надзора в сфере предпринимательской деятельности

В статье рассматриваются психологические особенности предпринимательской деятельности, важные, по мнению автора, при осуществлении прокурорского надзора в данной сфере. Раскрываются психологические характеристики лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, которые могут быть использованы при установлении психологического контакта с ними.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предпринимательская деятельность, личность предпринимателя.

Согласно ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон «О прокуратуре») предметом прокурорского надзора является соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на ее территории, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Эти правила распространяются и на сферу предпринимательской деятельности, в отношении которой прокурорский надзор выделен в самостоятельное направление.

Полномочия прокуратуры в сфере предпринимательской деятельности закреплены также Федеральным законом «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26 декабря 2008 г. № 294. В данном законе указано, что «в целях усиления прокурорского надзора за деятельностью коммерческих и некоммерческих организаций прокуратура должна осуществлять предварительную правовую оценку плановых мероприятий и формировать планы работы органов муниципального контроля и государственного контроля (надзора), а также решать вопросы о допустимости проведения такими контрольными органами внеплановых выездных проверок индивидуальных предпринимателей и юридических лиц»². Планы проверок разрабатываются органами государственного и муниципального контроля, а затем согласуются с органами прокуратуры. Более того, в целях защиты прав предпринимателей был издан Приказ Генерального прокурора

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

² О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

России «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности»³ от 31.03.2008 № 53, согласно которому прокуратура усиливает надзор в сфере предпринимательской деятельности, так как права юридических лиц и индивидуальных предпринимателей продолжают ущемляться, а незаконное вмешательство в деятельность предпринимателей усиливается.

Взаимодействие с предпринимателями в рамках прокурорской проверки может протекать в разных ситуациях: конфликтных и бесконфликтных. С целью оптимизации взаимодействия с предпринимателями, прокурорскому работнику, осуществляющему надзор в данной сфере, важно уметь в наиболее сложных, конфликтных ситуациях применять знания психологии по установлению психологического контакта. Психологический контакт – это «создание такой атмосферы разговора, при которой опрашиваемый проникается уважением к прокурору, пониманием его задач и обязанностей, исключает всякие личные мотивы в его действиях, осознает необходимость способствовать своими действиями установлению истины»⁴. Однако психологический контакт не может быть односторонним. С этой целью прокурорскому работнику важно понимать психологические особенности деятельности предпринимателей, их личностные характеристики.

Предпринимательство, как известно, осуществляется по инициативе самого человека. Данную деятельность он осуществляет от своего имени, на свой риск и под свою ответственность, направленную на получение дохода. Основными компонентами, определяющими социальный статус предпринимателя, являются: престиж, успех и преуспевание⁵.

Субъективный статус предпринимателя определяется, прежде всего, его личностью, он связан с уровнем профессиональной компетентности предпринимателя, а также со способностью позитивно влиять на окружающие его явления. По мнению В. А. Цвык, чем больше социальный статус предпринимателя совпадает с его личностным статусом, тем более эффективно развивается его профессиональная деятельность⁶. Если социальный статус предпринимателя противоречит личностному, то это может вызвать кризис самооэффективности, а затем и различные психологические расстройства.

Особенность предпринимательской деятельности заключается также в том, что это не только профессия, носящая, как правило, отстраненный смысл для человека. Предпринимательская деятельность – это своего рода

³ Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности : приказ Ген. прокуратура Рос. Федерации от 31 марта 2008 г. № 53 : ред. от 05 декабря 2017 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности : монография / под науч. ред. О. Д. Ситковской. Москва, 2015. С. 23.

⁵ Магомедова Х. Н. Психологическая специфика предпринимательской деятельности // Вестник Университета. 2015. № 7. С. 295.

⁶ Цвык В. А. Социально-профессиональный статус личности и престиж профессии // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2009. № 4. С. 46.

образ жизни предпринимателя, он думает о ней постоянно, она является его экзистенцией. Это обуславливает формирование таких черт характера у предпринимателя, как повышенная эмоциональная вовлеченность в деятельность, защита интересов бизнеса по принципу «во что бы то ни стало», с оправдательными мотивами противоправных действий, легкость вовлечения в коррупционные схемы и др.

Для успешного осуществления предпринимательской деятельности важны определенные способности, которыми должен обладать предприниматель. Помимо профессиональных знаний, умений и навыков он должен обладать определенными мотивационно-смысловыми качествами и ценностными ориентациями, позволяющими достичь финансового успеха. Это качества, связанные с быстрой реакцией, мгновенным принятием решений, высокой ориентированностью, лидерскими способностями, умением настоять на своем мнении.

Особенную характеристику предпринимательской деятельности составляет инновационный характер деятельности, трудность ее алгоритмизации и стандартизации, а также экономические и психологические факторы. Экономические факторы связаны с получением прибыли, а психологические – с развитием личности, целями деятельности. Г. А. Федотова и С. В. Мяникова отмечают, что данная характеристика определяет дальнейшее развитие личности предпринимателя. Например, возможность инновационной деятельности предпринимателя определяет развитие таких личностных качеств, как инициативность, остроту восприятия, авторитетность, интуицию, способность оказывать влияние на окружающих⁷.

Данная характеристика обусловлена тем, что деятельность предпринимателя достаточно экстраординарна, ему постоянно приходится сталкиваться с неопределёнными ситуациями. Наиболее сложными являются ситуации, ограничивающие жизненное пространство предпринимателя и мешающие развитию его будущих планов. Из-за неопределенных ситуаций деятельность предпринимателя характеризуется когнитивной сложностью и эмоциональной насыщенностью, что способствует физическому и эмоциональному истощению. Второе приводит к равнодушию или эмоциональному перенасыщению. Это называют состоянием психического выгорания.

Огромное влияние на психологию предпринимателя оказывают деньги. Они являются не только объективным показателем успешности, но и основной целью деятельности предпринимателя. Большая зависимость от денег может стать причиной психологических проблем. Это проявляется, как и в личностных кризисах, депрессиях, так и в форме осознания того, что деньги – это власть, и с помощью них можно влиять на людей.

В заключение важно отметить, что перечисленные особенности предпринимательской деятельности, влияющие на личность предпринимателя,

⁷ Федотова Г. А. Развитие качеств инновационного предпринимателя: контекстно-компетентностный подход // Сборник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2012. С. 6.

обуславливают прокурорского работника учитывать их при осуществлении прокурорского надзора. В частности, при установлении психологического контакта в условиях противодействия, либо защищая интересы предпринимателей в ситуациях совершения противоправных действий в отношении них. Например, прокурорскому работнику важно с пониманием относиться к тому, что предприниматель, вовлеченный в сферу прокурорского надзора, независимо от того в каком качестве он находится (обвиняемого или потерпевшего), он в любом случае испытывает состояние стресса и по этой причине повышенно внушаем, подвержен к необдуманным, импульсивным действиям. В ряде случаев в поведении предпринимателя, в отношении которого производится прокурорская проверка, проявляется агрессивность, истеричность либо напротив растерянность и беспомощность.

Информация об авторе

Бессмертных Елизавета Эрнатовна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

Электронный адрес: bessmertnyxe@mail.ru

УДК 343.98

Д 22

Е. А Дохно,

студентка 4 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Способы фиксации и изъятия запаховых следов

Статья посвящена изучению вопроса об особенностях фиксации и изъятия запаховых следов с места происшествия и образцов для сравнительного исследования. В данной статье уделено внимание рассмотрению некоторых проблем криминалистической одорологии, связанных с изъятием запаховых проб.

Ключевые слова: криминалистическая одорология, запаховые следы, способы изъятия, образцы для сравнительного исследования, запаховые пробы.

В последние годы все большее распространение получает биологическое исследование запаховых следов человека в практике расследования и раскрытия преступлений. Данный факт связан с поиском дополнительной информации, необходимой для установления лица, причастного к совершению преступления, в ситуации, когда традиционных материальных следов (следы рук, следы обуви и т. д.) оказывается недостаточно или они отсутствуют совсем.

Криминалистическая одорология – раздел криминалистики, в рамках

которого разрабатываются способы обнаружения, фиксации (консервации) и исследования запаховых следов¹. Объектом исследования выступает запах, который в криминалистике рассматривается как своеобразный невидимый след в виде молекул, выделяемых в окружающую среду предметами и веществами – носителями запаха и вызывающих у живых организмов специфические раздражения нервных окончаний органов обоняния².

Запах каждого человека уникален и зависит от многих факторов: особенности кожных, потовых желез, возраста, пола и др. Важно иметь в виду, что время удержания запахового следа зависит от его носителя. Так, например, вещества и частицы биологического происхождения, такие как волосы, засохшие пятна крови, слюна могут удерживать запах человека в течение нескольких лет. Предметы, представляющие личные вещи человека, находившиеся в непосредственном контакте с ним, сохраняют запах его владельца от нескольких дней до нескольких месяцев. И, наконец, объекты, с которыми человек контактировал не менее тридцати минут (например, оружие, предметы мебели) удерживают индивидуальный запах человека не более двух суток. Данная информация позволяет правильно организовать сбор и исследование запаховых следов. Например, если изъятие запаха производится с одежды, то лучше использовать её внутреннюю сторону, непосредственно находившуюся в контакте с кожей.

На сохранность запахового следа помимо его носителя оказывает влияние ряд факторов, которые также следует учитывать. Так, высокая температура, влажность, сквозняк способствуют быстрому улетучиванию запаха. Важно иметь в виду, что для идентификационного исследования не пригодны объекты-следоносители в гнилом состоянии, покрытые плесенью, подвергшиеся воздействию высокой температуры или долго находившиеся в воде.

Одной из проблем современной криминалистической одорологии является изъятие и фиксация запаховых следов в ходе осмотра места происшествия. Это связано со сложностью совершения данных действий, так как необходимо обеспечить сохранность запахового следа, ограничить возможность занесения посторонних запахов.

Учитывая особенности и свойства запаха, его следы имеют приоритет в последовательности изъятия, при этом необходимо предупредить повреждение или уничтожение носителя запахового следа, поскольку он может быть объектом иных криминалистических исследований. Для этих целей желательно присутствие одного эксперта, который осуществит сбор запаховых следов для последующей экспертизы.

Сохранность запахового следа может быть обеспечена в ходе его обна-

¹ Шамонова Т. Н., Старовойтов В. И., Гриценко В. В., Сулимов К. Т. Использование запаховой информации при расследовании убийств и других преступлений против личности : учеб. пособие. Москва : ЭКЦ МВД РФ, 1997. С. 263–264.

² Федоров Г. В. Одорология: запаховые следы в криминалистике : монография. Москва, 2000. С. 21.

ружения. Так, предмет, удерживающий запах и поддающийся изъятию, заворачивается в алюминиевую фольгу или упаковывается в герметичные стеклянные емкости, которые хранятся в непроветриваемых местах. В том случае, если запах содержится в веществе биологического происхождения, то целесообразно изъять это вещество вместе с частью объекта, на котором оно было обнаружено (делается вырез, соскоб).

Сложностью и специфичностью обладает также технология изъятия запахового следа в отсутствии возможности изъятия предмета-носителя (например, след обуви на асфальте). В таком случае возможно применение одного из следующих методов: 1) отбор запаховых проб из воздуха шприцами и другими всасывающими емкостями; 2) адсорбирование следов запаха на искусственные носители.

Первый метод не нашел широкого применения, поскольку является наименее эффективным, что связано с быстрым рассеиванием и низкой концентрацией пахучих веществ в месте образования следа-шлейфа. Такой способ позволяет собрать менее 1% пахучих веществ. Метод адсорбирования заключается в длительном контакте адсорбента с предметом-носителем. Материал, который используется в качестве адсорбента, должен обладать свойством длительного сохранения запахов, высокой поглотительной способностью. Зачастую, для этих целей используют отрезки хлопчатобумажной ткани. Лоскут адсорбента приводят в контакт с тем местом объекта-носителя, где предполагают наличие запахового следа. Поверх адсорбента помещают фольгу и плотно прижимают. Время контакта зависит от концентрации запаха в следе, но не может быть менее часа. После этого фольгу удаляют, а адсорбент помещают в герметичную, чистую стеклянную банку, которую плотно закрывают стеклянной или металлической крышкой.

Оформление, изъятие и упаковка следоносителей осуществляется по правилам гл. 10 УПК РФ. На этикетке указывают дату, время и место изъятия; предмет, с которого был собран запаховый след; по какому делу он изъят; продолжительность адсорбации; особые условия, влияющие на сохранность пахучих следов. Надписи заверяют подписями следователя, специалиста и понятых. Объекты, с которых был произведен сбор, должны быть зафиксированы с помощью узловой и обзорной фотосъемки³. При этом, в протоколе осмотра места происшествия должны быть зафиксированы приемы и методы изъятия следов, средства для работы с запаховыми следами, предметы – носители следов.

Изъятие запахового следа на месте происшествия не всегда оказывается возможным. Такая ситуация возникает в том случае, если предмет-носитель несет на себе одновременно и другие следы (например, следы крови человека). В указанном случае изъятие производится специалистом в лабора-

³ Солодун Ю. В., Старовойтов В. И., Панфилов П. Б. Возможности судебной экспертизы запаховых следов человека в расследовании преступлений : метод. пособие. Иркутск : Изд-во ИИПКПР ГП РФ, 2006. С. 24.

торных условиях с использованием приема термо-вакуумного испарения⁴. Применение данного способа позволяет сохранить на следоносителях микро-трассы и микрочастицы и не препятствует проведению в дальнейшем дактилоскопических, трасологических и иных исследований.

Нередко возникает необходимость получения запаховых образцов для сравнительного исследования. При этом отбор должен производить специалист, не работавший с запаховыми следами на месте происшествия, чтобы исключить возможность их загрязнения.

Наилучшим источником индивидуализирующих запаховых веществ лица, проверяемого на причастность к совершению преступления, является кровь. При отсутствии возможности изъятия крови в качестве образца могут быть использованы предметы одежды или образцы пота. Отбор образцов для сравнительного исследования осуществляется в медицинских учреждениях на тампон, сделанный из стерильной марли, так, чтобы образовалось пятно диаметром 3–4 см. В том случае, если в качестве образца используется кровь, то ее просушивают при комнатной температуре (без применения искусственно созданных высоких температур, чтобы исключить разрушение структуры крови) и помещают в бумажный конверт. Высушенные образцы крови в большей мере способны сохранять пахучие вещества и менее подвергнуты выветриванию, а бумажная упаковка препятствует проникновению влаги в вещество.

Если источником индивидуального запаха служат потовые выделения, то их собирают на стерильный марлевый бинт, который выдерживают в плотном контакте с телом проверяемого лица в течение тридцати минут. При этом образцы отбирают с наиболее чистых участков кожи, не имеющих очевидных загрязнений (в том числе запахов парфюмерных изделий). Отобранные образцы упаковывают алюминиевую фольгу или герметичные стеклянные банки с целью сохранения пахучего вещества, по правилам, установленным для изъятия запаховых проб с места происшествия⁵.

При получении образцов для судебно-одорологической экспертизы зачастую допускаются ошибки, например, несоблюдение правил получения запаховых образцов у проверяемых лиц. Данная проблема связана с тем, что не во всех экспертных подразделениях органов внутренних дел на качественном уровне организовано изъятие запаховых следов человека с мест происшествий⁶. Кроме того следует учитывать, что изъятие запаховых следов – сложный и трудоемкий процесс, для его осуществления требуется принятие всевозможных мер, необходимых для предупреждения проникновения посто-

⁴ Старовойтов В. И. Идентификационная пригодность следов пахнущих веществ крови человека // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. Тула, 2013. С. 38–41.

⁵ Биленчук П. Д., Лукьянчиков Е. Д., Сегай М. Я., Старовойтов В. И. Методика собирания и использования следов запаха при расследовании преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев : Высшая школа, 1989. С. 36–43.

⁶ Сергиевский Д. А. Использование запаховых следов человека при раскрытии и расследовании преступлений в России и за рубежом в исторической ретроспективе // Манускрипт. Тамбов, 2016. № 6-1. С. 175–179.

ронних запахов.

Учитывая сложность и специфичность изъятия запаховых проб, на наш взгляд, необходимо проводить обучение экспертов-криминалистов практической работе с запаховыми следами, что исключит возможные ошибки в изъятии и фиксации запаховых следов.

Информация об авторе

Дохно Евгения Андреевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.91

К 56

А. В. Коваленко,

студентка 3 курса
ВСФ «РГУП»

Социально-психологический портрет серийного убийцы

В статье рассматривается вопрос своевременного выявления серийных убийц и предупреждения серий новых преступлений путем анализа социально-психологического портрета личности. Проводится изучение существующих методик по исследованию данного явления. На основе проведенной работы, обобщения теоретического материала инкубируется вывод.

Ключевые слова: серийный убийца, преступление, психологический портрет, личность, методика.

Ежедневно новостные сюжеты прокручивают ленты событий, повергающих в смятение. Среди них – серийные убийства, совершенные с особой жестокостью различными «извращенными» методами и способами. По мнению профессора А. А. Протасевича, под данной группой преступлений понимается совершение одним лицом двух и более тождественных действий, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации¹.

Исследуя непосредственно субъект преступления, необходимо оперировать такими понятиями как «портрет» и «личность» серийного убийцы, уметь проводить черту различий между ними. Первое дает понять о психологическом состоянии человека, о моделях возможного поведения при определенных обстоятельствах², второе – о психологических качествах, составляющих его индивидуальность, формирующихся в процессе социализации³.

¹ Цит. по: Образцов В. А., Богомолова С. Н. Криминалистическая психология. Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2002. С. 448.

² Петухов В. О разработке в России психологических портретов лиц, совершающих серийные преступления против личности // Записки криминалистов. Москва, 1994. Вып. 4. С. 3.

³ Кузьмин Г. П., Ржаницына И. П. Френология, физиогномика, хиромантия, хирогномия, графология. Москва : Радио и связь, 1990. С. 201.

На протяжении истории развития зарубежной, отечественной науки ученые проводили многочисленные исследования, среди которых анализ проблематики психологического портрета серийного убийцы, выявление общих критериев – оснований определения как самой личности, так и модели ее дальнейшего поведения, факторов-провокаторов, побуждающих на повторность деяний. На сегодняшний день данный вопрос остается актуальным, требующим внимания. Правоохранительные органы имеют в своем распоряжении множество методик, позволяющих исследовать конкретную область портрета личности, например, профайлинг, физиогномика, проективная методика (тест Зонди, СМИЛ и пр.) и иные. Однако нет рекомендаций по составлению комплексного представления.

Первые данные о подобных исследованиях появились в XVIII в. Ф. Галль, австрийский ученый, положил начало создания такой науки, как френология (выявление определенных психологических качеств возможно через внешний анализ конструкции черепной коробки человека)⁴. Позднее Ч. Ломброзо продолжил исследования Галля. Он вывел, что преступные склонности человека обусловлены физиологически, т. е. отражены в фенотипических признаках (маленькие ушные раковины, короткие руки, асимметрия лица и т. д.). В конце XIX в. Ф. Гальтон развил теорию «евгеники», суть которой в применении к человечеству искусственной селекции. Эту идею на практике реализовывали нацисты во время Великой Отечественной Войны (1941–1945 г.г.).

Несмотря на то, что все данные способы ушли в прошлое, они дали толчок развитию новых методов. В последние десятилетия появилась наука нейрокриминалогия, позволяющая изучать особенности строения мозга, которые могли бы стать биологическим фундаментом антисоциального поведения. Однако для широкого применения приемов данной суб-дисциплины требуются специализированные лабораторные условия, техника, что представляется трудоемким фактором, использование которого не всегда возможно, что следует из факта отсутствия точного местонахождения серийного убийцы, а также при его задержании отказа от прохождения подобного рода исследования⁵. Отсюда возникает необходимость внесения изменений в уголовное законодательство: право компетентных органов на принуждение к прохождению данного обследования.

Поведение серийных убийц динамично: если первое преступление было ими совершенно необдуманно, то в последующем они совершенствуют методы и средства, исходя из оценки своих предшествующих действий, что затрудняет работу следователей (трудности в составлении представления о преступнике, в том числе его психологического портрета, которые на данном этапе развития преодолеваются путем мониторинга уже исчисленных серий-

⁴ Сорокин Е. Теория Чезаре Ламброзо // ХЕХЕ. 2016. № 15. С. 7.

⁵ Игнатъевская В. К. Гены, гормоны и опухоль мозга: что превращает человека в преступника // РИА Новости. 2013 : данные официального интернет-портала. URL: <https://ria.ru/20131227/986824245.html> (дата обращения: 12.03.2020).

ных убийц, посредством постановки их на учет и углубленного изучения их личности)⁶. Авторы данного исследования прибегают к тесту Ахтниха, позволяющего вывести на основании потенциально скрытых склонностей человека его психологический портрет, к психологическому профилированию К. Ресслера, который, исследуя материалы дела и фотографии с мест совершения преступления, воссоздавал внешний и внутренний вид преступника, к исследованиям В. Вундта, рассматривающего данный вопрос с точки зрения характерологических черт убийц, к фото-тестам – лицо выбирает картинку с родом деятельности, ассоциирующуюся с ним, после чего специалистом определяется структура склонности испытуемого с учетом его эмоционального состояния, проводится параллель с преступным действием – и многие другие.

Существует три портретных типа серийных убийц (жертвы – женщины, жертвы – мужчины и смешанный). Согласно анализу практики, они имеют общий признак: субъектом преступлений, в большинстве случаев, является лицо мужского пола (с наличием неярко выраженной патологии; склонностями к садизму и иным половым извращениям; возрастом от 30 до 40 лет; жертвы – незнакомцы; привязанностью к одной территории и др.).

Х. Клекли выделил некоторые поведенческие характеристики серийного убийцы психопата: лживость, отсутствие раскаяния и стыда, беспорядочная половая жизнь, рассеянность внимания, отсутствие целей в жизни, низкая социальная адаптированность и пр.⁷

Несмотря на множественность существующих общих черт портретов, не остается без внимания факт уникальности каждого индивида.

Например, А. Чикатило, или «Маньяк из лесополосы», орудуя в Сумской области, на счету которого 53 жертвы, успешно окончил школу, университет, обзавелся семьей. Мотивами преступлений послужили события, заставшие его в детские и юношеские годы: беспокоила водянка головного мозга; страх быть съеденным (детство во время Великой Отечественной войны); недержание мочи, за что регулярно избивался матерью; изнасилование во время службы в армии; на работе, будучи преподавателем, подвергался издевательствам со стороны учащихся и др. Все эти душевные и эмоциональные волнения, которые Чикатило копил в себе, дали толчок эмоциональному всплеску, побудившего его убивать с целью освобождения от внутреннего негатива, отмщения.

Другой пример, Сергей Ткач, совершил 37 убийств (точное число преступлений может быть больше), за которые был осужден к 4-м пожизненным срокам. Значимые для исследования факты из жизни: желание отомстить за увольнение (совершил подлог) и прославиться; стремление походить на вышеуказанного персонажа; в прошлом – криминалист; отсутствие внимания со

⁶ Драпкин Л. Я., Долинин В. Н., Шуклин А. Е. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств // Российский юридический журнал : электронное приложение. 2017. № 4. С. 93–101.

⁷ Мальцев О. В., Саинчин О. С., Сотула О. С. Теоретические основы расследования умышленных убийств. Психологический портрет серийного убийцы : монография. Онтарио, 2019. С. 575.

стороны родителей (4-й ребенок в семье); неразделенная любовь; отчисление из училища и др.

Можно сделать вывод: факторы, которые являются основой составления психологического портрета, формируют личность преступника, закладываются как при рождении ребенка, так и в процессе его развития. Многочисленные неудачи, воспитание, окружение, профессиональные навыки, состояние психики, увлечения и наклонности – полноценное исследование каждого из этих элементов позволит определить серийного убийцу и спрогнозировать его дальнейшую деятельность.

Таким образом, составление социально-психологического портрета связано с множеством препятствий, в частности: отсутствие комплексной методики и условий для ее применения; недопустимость принудительного исследования из-за отсутствия нормы права по данному вопросу; нехватка специалистов, обладающих знаниями в различных отраслях наук; скрытая мотивация преступников, а также территориальность их действий, что замедляет работу правоохранительных органов. Только применяя совокупность методик, выраженных комплексным исследованием личности, можно составить наиболее точный психологический портрет серийного убийцы, спрогнозировать его дальнейшие возможные действия и локализовать его.

Информация об авторе

Коваленко Алина Витальевна – студентка 3 курса, Восточно-Сибирский филиал «Российский государственный университет правосудия» (ВСФ «РГУП»). Электронный адрес: *alina1236@list.ru*

**УДК 343.9
К 89**

А. О. Кузьмина,
*курсант 3 курса
КфКрУ МВД России*

Отдельные вопросы привлечения специалиста к осмотру места происшествия по факту совершения преступления экстремистской и террористической направленности

В статье рассмотрены особенности осмотра места происшествия по факту совершения преступления экстремистской и террористической направленности. Сделаны выводы о необходимости обязательного привлечения специалиста к осмотру места происшествия по таким категориям дел. Предлагается внести изменения в ст. 168 УПК РФ в части, касающейся участия специалиста в осмотре места происшествия по рассмотренным категориям дел.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, осмотр места происшествия, специалист.

Конституцией Российской Федерации гарантированы права и свободы человека и гражданина, в том числе и право на защиту от преступных посягательств экстремистской и террористической направленности. Понятие «экстремизма» появилось еще в середине XVIII в., но проблемы превенции и искоренения данного проявления начали появляться не так давно¹.

На рубеже XX–XXI в.в. правоохранительные органы столкнулись с проблемой квалификации и разграничения преступлений, совершаемых на почве ненависти по различным мотивам, с использованием всевозможных способов устрашения населения, путем демонстрации экстремистской символики, посредством сети Интернет. Законодатель урегулировал данную проблему принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»², в котором дал основные понятия, которые касаются экстремистской деятельности и профилактики данного явления. В дальнейшем был также принят Федеральный закон «О противодействии терроризму»³, где более подробно было раскрыто понятие терроризма.

Несмотря на то, что государство уделяет особое внимание данным преступлениям, их не становится меньше. По данным портала правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, количество преступлений террористической направленности повысилось на 3,1% за последние девять месяцев⁴. Проблема роста преступности в данной сфере, на наш взгляд, заключается не только в самой опасности последствий, но и в невозможности установить ее причину. Перед судом, как правило, предстают исполнители, а не организаторы рассматриваемых преступлений. Данные преступления планируются и совершаются организованными группами, имеющими лидера, способного побудить к совершению любых действий, вплоть до самопожертвования.

Расследование данной категории преступлений имеет определенные трудности, которые начинаются с осмотра места происшествия. Следует отметить, что следователь, хоть и обладает общими познаниями в разных областях науки, но в основном эти знания затрагивают лишь правовое поле, что обуславливает необходимость привлечения к осмотру места происшествия специалиста, владеющего необходимыми в данной сфере знаниями.

Как обоснованно отмечается в научной и учебной литературе осмотр места происшествия по указанной категории преступлений имеет свои осо-

¹ Будницкий О. В. История терроризма в России в документах, библиографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 13.

² О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : в ред. 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002 № 30. Ст. 3031.

³ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Статистические данные преступлений террористической направленности в Российской Федерации // Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/aboutportal> (дата обращения: 01.11.2019).

бенности, которые можно систематизировать следующим образом⁵:

1. Осмотр начинается с определения границ места происшествия и охраны осматриваемого участка. Установить границы места происшествия чаще всего помогает специалист-криминалист, ведь именно он наиболее точно может обозначить места образования следов в окружающей обстановке, а также степень влияния на них погодных и иных факторов. Данные мероприятия необходимы для того, чтобы избежать уничтожения и искажения следов, а также обеспечить безопасность участников следственного действия и гарантировать тайну следствия.

2. Необходимо привлечь специалиста, который не только поможет обнаружить и зафиксировать следы, но и окажет помощь следователю в определении мотива совершения преступления по отставленным на месте предметам⁶.

3. Следует определить место подготовки к преступлению. Такими местами могут быть места изготовления и распространения плакатов, листовок и рисунков; места расположения радиостанций, студий и устройств, с которых происходило вещание и пропаганда экстремистских идей; места хранения и изготовления взрывных устройств, оружия и боеприпасов, применяемых для совершения преступлений террористической и экстремистской направленности и др. В данном случае привлекаются специалисты, обладающие знаниями, например, в области символики, радиоэлектроники, взрывотехники и др.

4. Обеспечение безопасности участников следственных действий. Часто, при совершении террористических актов, используются взрывные устройства, которые в дальнейшем могут быть обнаружены при проведении следственных действий. Специалисты в рассматриваемой сфере могут: определить место изготовления и установления взрывного устройства; провести безопасное изъятие взрывоопасных объектов; сохранить материальные следы, которые будут возможно в дальнейшем использовать как вещественные доказательства; обозначить важнейшие направления для производства судебно-экспертных исследований и получения экспертных заключений. Так, даже при допросе свидетелей подобных преступлений, в особенности «религиозного и национального» терроризма, часто привлекают специалистов и переводчиков, которые имеют достаточные познания в области теологии, религии и т. п. Рассматриваемая особенность имеет особую роль в обеспечении безопасности участников следственных действий и лиц, находящихся возле места совершения или подготовки преступления.

Таким образом, специалист выступает единственным субъектом, способным оказать помощь следователю изучить и зафиксировать в полном объеме обстановку места происшествия, изъять следы и другие объекты, которые впоследствии будут использованы в качестве доказательств.

⁵ См.: Осмотр места происшествия: особенности проведения, фотофиксации, описания следов, орудий и предметов, назначения судебных экспертиз : учебно-практ. пособие. Тамбов : Изд-во Р. В. Першина, 2016.

⁶ Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях. Москва : Проспект, 2011. С. 87.

В связи с изложенным, учитывая важность участия специалиста в осмотре места происшествия при совершении преступлений экстремистской и террористической направленности, полагаем целесообразным дополнить ст. 168 УПК РФ следующим положением: «Следователь вправе, а в случаях, предусмотренных главой 24 настоящего Кодекса по преступлениям, предусмотренным статьями 205–205⁵, 207 УК РФ, обязан привлечь к участию в следственном действии специалиста в соответствии с требованиями части пятой статьи 164 настоящего Кодекса».

В завершении отметим, что преступления рассматриваемой категории представляют высокую общественную опасность, в том числе, на международном уровне, поэтому обязательное участие специалиста в первоначальном следственном действии – осмотре места происшествия – представляется необходимым.

Информация об авторе

Кузьмина Алиса Олеговна – курсант 3 курса, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России. 295053, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Академика Х. Х. Стевена, д. 14. Мобильный телефон: +79787055073. Адрес электронной почты: alisakuz13@gmail.com

УДК 343.985.7

М 33

Е. С. Матвеева,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Криминалистические версии о совершении преступлений лицами, страдающими психическими аномалиями, не исключаящими вменяемости

В статье анализируются особенности расследования преступлений, совершаемых лицами с дефектами психики. Автор рассматривает закономерности и основные признаки осуществления преступной деятельности данной категорией лиц. На основе анализа делается вывод о необходимости научного обобщения практического опыта расследования данных преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая версия, психическая аномалия, вменяемость, дефекты психики.

В процессе расследования преступлений одной из основных задач является установление личности преступника. В практической деятельности наиболее часто встречается ситуация, при которой привлечение лиц к уголовной ответственности не сопровождается выдвиганием и анализом версий об их психическом здоровье. В результате, назначая наказание, суды не учитывают наличие у виновных психических аномалий и необходимость приме-

нения к ним принудительных мер медицинского характера¹.

В современной юридической литературе отсутствует однозначная позиция о понятии «психической аномалии», в связи с чем дать точное определение данному термину, которое бы охватывало все имеющиеся точки зрения по данному вопросу, не представляется возможным. Однако из всего массива мнений можно выделить виды психических аномалий, не исключающих вменяемости: 1) расстройства личности (психопатия), которые проявляются в излишней раздражительности, агрессии, эмоциональной аффективной взрывчатости; 2) последствия черепно-мозговой травмы; 3) психический инфантилизм; 4) органическое поражение центральной нервной системы.

Симптомы органического поражения центральной нервной системы могут различаться в зависимости от основного заболевания, на фоне которого оно развивается. Состояние, приобретённое вследствие органического поражения центральной нервной системы, проявляется в нарушении интеллекта, мышления, памяти, понимания, речи. Это: 1) олигофрения (в степени дебилности); 2) шизофрения, как правило, в стадии ремиссии; 3) эпилепсия; 4) алкоголизм; 5) наркомания².

В процессе расследования преступлений следователь выдвигает определённые криминалистические версии, под которыми понимаются «обоснованные предположения относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающие на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащие целям установления объективной истины»³. Криминалистические версии базируются на определённых фактах и сведениях, которые были получены в результате таких следственных и иных действий, как осмотр места происшествия, обнаружение, фиксация и изъятие следов, поквартирный и подворный обходы, допрос потерпевших и свидетелей, в некоторых случаях – допрос подозреваемого. Таким образом, полученная информация может свидетельствовать о психическом состоянии лица в момент совершения им общественно-опасного деяния.

На данном этапе следователь выдвигает криминалистические версии о наличии у субъекта преступления определённых психических аномалий, отражающихся в его действиях, а также в следах, оставленных на месте совершения преступления. Прежде всего, это способ совершения преступления, неблагоприятные условия или обстановка, приискание негодных средств, орудий.

При расследовании насильственных преступлений необходимо обращать внимание на следующие материальные следы, которые могут быть оставлены субъектом преступления: 1) на теле потерпевшего имеются множе-

¹ Антипова С. А. Криминалистическая значимость особенностей тактики допроса лиц с дефектами психики // Следователь. 2002. № 4. С. 36.

² Сазонова Н. И. Личностные особенности с психическими аномалиями, многократно судимых за насильственные преступления // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2009. № 2. С. 146.

³ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. Москва : Мегатрон XXI, 2000. С. 201.

ственные телесные повреждения, которые, как правило, были нанесены подручными предметами, используемыми в качестве оружия (нож, отвертка, бутылка, стул); 2) следы жестокого обращения с потерпевшим: глумление над трупом, пытки над потерпевшим (например, сечение розгами); 3) наличие следов, которые указывают на незавершённую попытку скрыть совершённое преступление; 4) следы, оставленные от перемещения трупа без цели скрыть совершённое общественно-опасное деяние⁴.

При расследовании корыстных преступлений следами, которые свидетельствуют о вероятности совершения деяния лицом, страдающим психическими аномалиями, будут являться: 1) наличие следов взлома на нескольких преградах (например, в случае если был взломан дверной замок, а вход осуществлялся через окно); 2) наличие на месте преступления следов взлома, которые были оставлены разными инструментами; 3) на месте совершения преступления лицом не были похищены ценные вещи либо похищено имущество, не представляющее особой ценности (например, кража столовых приборов); 4) обнаружение на месте преступления вещей, принадлежащих преступнику (например, оставление верхней одежды или предметов связи).

К обстоятельствам, которые характерны для корыстно-насильственных преступлений, совершенных данной категорией лиц, можно отнести: 1) использование удавок для сдавливания шеи потерпевшего с целью подавления его воли; 2) несоответствие выбранного способа совершения преступления его целям. Виновный использует наиболее жестокие способы совершения преступления, результатом которых является получение незначительной выгоды.

В литературе приведена точка зрения, согласно которой путем допроса потерпевшего, свидетелей можно получить информацию о наличии у виновного лица какой-либо психической аномалий, которые условно можно подразделить на следующие группы: 1) касающиеся внешности виновного: анатомические особенности (непропорциональное строение тела), функциональные особенности, которые могут проявляться, например, в неуклюжих движениях, небрежность во внешнем виде; 2) касающиеся криминального и посткриминального поведения виновного, а также обстоятельств совершения общественно-опасного деяния. Сюда можно отнести проявление особой жестокости в отношении потерпевшего и иных лиц, несоответствие выбранного способа совершения преступления его целям, хищение предметов, не представляющих особой ценности, совершение преступления в условиях очевидности.

При допросе подозреваемого необходимо обращать внимание на его внешние и поведенческие особенности с целью выявления оснований полагать, что у лица имеются психические аномалии. На основании полученной информации следователь может выдвинуть частные версии о вменяемости

⁴ Толстолужинская Е. М. Особенности выдвижения версий о совершении преступления субъектом, страдающим психическими аномалиями // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе : сб. науч. ст. Ч. 2. Москва, 2003. С. 157.

лица: 1) деяние совершено лицом, являющимся вменяемым; 2) деяние совершено лицом, являющимся вменяемым, но по каким-либо причинам выдающим себя за психически больного; 3) деяние совершено лицом, являющимся невменяемым; 4) деяние совершено лицом, вменяемым в отношении инкриминируемого ему деяния, но имеющим психические аномалии»⁵.

Таким образом, выявление лиц, страдающих психическими аномалиями, имеет важное значение для правоприменителей. Нередко происходит ситуации, при которых люди, имеющие определённые заболевания психики, приравниваются к психически здоровым, однако во многих случаях психические аномалии выступают детерминантой совершения преступлений. В настоящее время существует методика расследования преступлений, совершённых лицами с психическими аномалиями, однако для эффективности применения данных рекомендаций необходимо научным путём обобщить опыт расследования преступлений, совершаемых лицами с психическими аномалиями, с целью всестороннего изучения личности подозреваемого, прогнозирования конфликтных ситуаций и возможного поведения подозреваемого, а также изучения особенностей тактико-психологического воздействия на допрашиваемого, страдающего дефектами психики.

Информация об авторе

Матвеева Екатерина Сергеевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.985.7
М 91

С. С. Муратова,
студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики взяточничества

В статье рассмотрен вопрос криминалистической характеристики преступлений, связанных со взяточничеством, в части способа совершения и предмета данного преступления. На основании обобщения судебно-следственной практики и литературы приводятся наиболее типичные данные о способе совершения взяточничества. Автор аргументирует значимость деятельности следственных органов в целях противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, взятка, способ совершения преступления, сокрытие преступления.

⁵ Толстолужинская Е. М. Указ. соч. С. 157.

Одной из важнейших проблем любого государства является коррупция. Коррупция представляет собой социально-негативное явление, которое разрушает нормальное функционирование государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, создает в сознании граждан представление о том, что их личные интересы возможно удовлетворить путем подкупа должностных лиц, также она затрудняет социальное, политическое и экономическое развитие государства. Среди коррупционных проявлений наиболее распространенным и опасным является взяточничество.

Взяточничество включает в себя преступления, предусмотренные ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (получение взятки), ст. 291 УК РФ (дача взятки), ст. 291¹ УК РФ (посредничество во взяточничестве), ст. 291² УК РФ (мелкое взяточничество). По статистике, представленной Министерством внутренних дел Российской Федерации, за период январь–декабрь 2018 г. в России зарегистрировано 12 527 указанных преступлений, что на 3,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года, раскрыто из них 11 489¹. В целом преступления данного вида составляют 41% от всех преступлений коррупционной направленности, что говорит об особой значимости противодействия данным преступным проявлениям, в целях выполнения стратегической задачи по борьбе с коррупцией.

Для эффективного раскрытия и расследования преступлений, а также предупреждения их совершения наукой разрабатываются криминалистические методики. Составной частью любой частной криминалистической методики, к которой относится и методика расследования взяточничества, является криминалистическая характеристика определенного вида преступления.

Криминалистическая характеристика преступления – это абстрактная модель определенного преступления. Так, в одном из источников указано, что криминалистическая характеристика преступления – это система типичных признаков преступления того или иного вида, рода². Центральной частью криминалистической характеристики являются данные о способе совершения преступления и его сокрытии, так как именно они отражают функциональную сторону преступной деятельности³. Под способом совершения преступления в литературе принято понимать детерминированную условиями внешней среды и психофизическими свойствами личности систему взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления⁴. То есть способ совершения взяточничества с позиции криминалистики состоит из трех взаимосвязанных частей: подготовительные действия, действия связанные с передачей взятки, сокрытие преступления.

При описании подготовительного этапа данных преступлений необхо-

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД Российской Федерации. Москва, 2019. С. 7.

² Аверьянова Т. В. Криминалистика : учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, Ю. Г. Корухова, Е. Р. Россинской. Москва : Норма : Инфра-М, 2010. С. 657.

³ Там же. С. 658.

⁴ Зуйков Г. Г. Поиск по признакам способов совершения преступлений : учеб. пособие. Москва : Изд-во ВШ МВД СССР, 1970. С. 74.

димо учитывать, кто является инициатором передачи взятки. Так, если взятка передается по инициативе взяткодателя то, данный этап заключается в сборе информации о должностном лице, поиске контактов, рычагов давления. Взяткодатель пытается установить внеслужебные отношения с должностным лицом, оказать «приятельскую» услугу, либо иным способом добиться расположения должностного лица с целью формирования своего положительного образа. В дальнейшем взяткодатель либо намекает на возможность получения незаконного вознаграждения за совершение действий в его пользу или в пользу представляемых им лиц, либо прямо сообщает об этом.

Склонение к даче взятки со стороны взяткополучателя может быть выражено в замедлении выполнения необходимых действий, ссылками на загруженность в работе, сообщении о том, что без вмешательства должностного лица необходимое решение не будет принято и так далее, что в свою очередь сопровождается предложением передать взятку.

Необходимо иметь в виду, что требование должностного лица передать взятку, соединенное с угрозой причинить вред правам и законным интересам, а также заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать взятку (в частности, умышленное нарушение сроков рассмотрения обращений граждан), представляет собой вымогательство взятки и является особо квалифицирующим признаком для преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ и одним из условий освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ.

Передача предмета взятки, исходя из содержания диспозиций соответствующих статей УК РФ, может быть совершена лично либо через посредника. Под личной передачей, на наш взгляд, необходимо понимать не только передачу из рук в руки, но и так называемую «опосредованную передачу», в частности, когда денежные средства, являющиеся предметом взятки, вносят на счет взяткополучателя. Такой вывод нашел свое подтверждение в судебно-следственной практике⁵. Если предмет взятки передается через посредника, то необходимо иметь в виду, что посредник лишь выполняет поручение взяткодателя и, действуя от его имени, осуществляет его волю, поэтому в отличие от взяткодателя посредник не имеет своего интереса от обусловленных взяткой действий⁶.

Несомненно, способ передачи взятки в полной мере зависит от предмета взятки. К предмету взятки законодатель относит деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера, иные имущественные права. Обобщенная характеристика предмета взятки, а также механизма его передачи и, следовательно, момента окончания преступления даны в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступ-

⁵ См.: Приговор Каменского районного суд Ростовской области № 1-235/2019 от 21 июня 2019 г. по делу № 1-235/2019. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.01.2020).

⁶ Васецов А. Соучастие и посредничество во взяточничестве // Советская юстиция. 1986. № 1. С. 7.

лениях»⁷, который также обращает внимание на обязательность установления денежной оценки предмета взятки, что, в свою очередь, требует привести соответствующие доказательства, в том числе, заключение эксперта (например, товароведческой экспертизы). Учитывая последнее замечание, следует, что в случае невозможности установления стоимости предмета, переданного в качестве взятки, например, когда товар изъят из оборота либо оказываются услуги неимущественного характера, лицо не может быть привлечено к ответственности за взяточничество.

Следующей немаловажной частью криминалистической характеристики способа совершения взяточничества является сокрытие преступления. Сокрытие преступления по своей сути является маскировкой совершаемого либо совершенного деяния. Субъекты взяточничества стараются использовать благоприятные условия для передачи взятки: маскируется цель встречи, выбирается место, где передача может состояться без свидетелей либо в надежном кругу, для контактов или непосредственного выполнения действий используются лица, не осведомленные о преступном характере таких действий и т. д. Если преступление уже совершено, то в большинстве случаев оно маскируется под добровольное выполнение взяткодателем якобы долговых обязательств, возникших, например, из причинения вреда либо договорных обязательств. Документы, свидетельствующие о совершении противоправных действий, изымаются и уничтожаются раньше сроков, хранятся с нарушением установленных правил, на свидетелей, взяткодателя, посредников со стороны взяткополучателя нередко оказывается давление и т. д.

Необходимым элементом криминалистической характеристики преступления является способ совершения преступления. При производстве предварительного следствия по указанной категории дел необходимо учитывать, что способ совершения взяточничества представляет собой совокупность трех этапов: подготовка к получению (даче) взятки, непосредственное получение (передача) взятки и действия, направленные на сокрытие совершенного преступления. Понимание специфики каждого этапа и знание всех присущих им особенностей влияют на эффективность раскрытия и расследования данных преступлений.

Информация об авторе

Муратова Софья Сергеевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

⁷ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.985.2

Н 63

Т. Ю. Николаева,

студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

Некоторые проблемы проведения исследования на полиграфе при раскрытии и расследовании преступлений

В статье рассматриваются правовые, организационные и методические проблемы, возникающие в результате проведения исследования на полиграфе. Проанализированы научные подходы и судебная практика относительно целесообразности получения доказательств по уголовным делам путем проведения данного вида исследования. Автор аргументирует значимость психофизиологической экспертизы на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: допрос, исследование, полиграф, психофизиологические изменения, экспертиза, эксперт-полиграфолог.

Внедрение новых способов раскрытия и расследования преступлений, как правило, связано с преодолением некоторых практических трудностей. Не исключением является и введение в конце XX в. нового вида исследования – исследования на полиграфе. В настоящее время в научной литературе продолжают вестись дискуссии относительно места полиграфа в системе доказательств, его соответствие требованиям допустимости и достоверности.

Так, одни утверждают о целесообразности получения доказательств по конкретному уголовному делу путем применения полиграфа¹. Другие, напротив, полагают, что в настоящее время отсутствуют основания для применения такого вида исследования, что делает невозможным его рассмотрение как доказательство по уголовному делу².

Заметим, что с 2002 г. разрабатывается и дорабатывается проект Федерального закона о применении полиграфа, в котором предполагается установить цели и задачи применения данного исследования, уточнить требования, предъявляемые к полиграфологам, а также определить пределы использования как самого полиграфа, так и полученных результатов³. Однако до настоящего времени данный законопроект принят не был, а проводимые на полиграфе исследования основываются на ведомственных актах (регламентах, инструкциях). Не стоит забывать о специфичности данного исследования, в

¹ См. напр.: Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. В 3-х т. Т. 3. Москва : Юристъ, 2001. С. 25–27.

² См. напр.: Печников Н. П. Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту : монография. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. С. 34–35.

³ О применении полиграфа : проект Федерального закона № 478780-5 : по сост. на 24 декабря 2010 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

связи с чем некоторые нормативно-правовые аспекты могут носить сугубо локальный характер, что делает невозможным установление определенных императивных предписаний.

Полагаем, что принятие вышеуказанного законопроекта будет способствовать решению терминологической путаницы, которая имеет место в настоящее время. В средствах массовой информации, в повседневной жизни нередко полиграф подменяют термином «детектор лжи» при идентичном смысловом наполнении. Однако необходимо заметить, что полиграф как прибор не выявляет ложь как таковую, а исключительно фиксирует психофизиологические изменения человека⁴. Соответственно, с лингвистической точки зрения употребление понятия «детектор лжи» при обозначении некоего прибора, предназначенного для исследования субъективной значимости предъявляемых человеку стимулов, является недопустимым.

Другой не менее актуальной проблемой проведения исследования на полиграфе является недостаток квалифицированных экспертов-полиграфологов. Необходимо отметить, что в 1996 г. Институтом криминалистики ФСБ началось освоение нового вида экспертизы – психофизиологической экспертизы с применением полиграфа; осуществлялась теоретическая и практическая подготовка квалифицированных экспертов. Правовой основой по подготовке полиграфологов являются «Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (ГТППК-34/36), утвержденные заместителем Министра образования Российской Федерации⁵.

Однако не следует забывать, что и специалисты бывают разные, по справедливому замечанию некоторых авторов «появились шарлатаны, обещающие в каких-то коммерческих «школах» выучить на полиграфолога за три недели, в том числе, посредством дистанционного обучения»⁶. Представляется, что за указанный промежуток времени невозможно сформировать комплекс знаний, умений и навыков, необходимых для качественного проведения допроса с использованием полиграфа. В практике нередки случаи, когда результаты судебно-психофизиологических экспертиз, выполненные такими специалистами, суды обоснованно исключали из числа доказательств, имеющих в материалах уголовного дела.

Однако не только нарушение процедуры проведения допроса с использованием полиграфа со стороны эксперта-полиграфолога влечет за собой непризнание такого исследования в качестве доказательства по уголовному де-

⁴ Холодный Ю. И. Теоретические концепции криминалистических исследований с применением полиграфа: приглашение к дискуссии // Вестник криминалистики. 2012. № 1 (41). С. 12.

⁵ Судебный эксперт по проведению психофизиологического исследования с использованием полиграфа : государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации от 05 марта 2004 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Фалеев М. Чиновник на просвет // Российская газета. 2009. № 246 (5070). URL: <https://rg.ru/2009/12/22/poligraf.html> (дата обращения: 21.01.2020).

лу. В настоящее время отношение сотрудников правоохранительных органов, а также суда к возможности получения дополнительных доказательств путем проведения исследования на полиграфе является неоднозначным, даже несмотря на предоставленную ВНИИ МВД РФ статистику, в соответствии с которой точность показаний современных полиграфов составляет 96%⁷. Такое противоречивое отношение объясняется вероятностным характером результатов исследования. Известно, что вероятные выводы не могут быть положены в основу приговора суда, однако на стадии предварительного расследования могут послужить основой для проверки следственных версий. Да и суды исходят из возможности признания заключения психофизиологических экспертиз доказательствами, не вызвавшими сомнений у суда, так как не противоречили показаниям иных свидетелей и другим доказательствам, в том числе вещественным⁸.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что трудности и проблемы, связанные с проведением исследований на полиграфе при раскрытии и расследовании преступлений, не обособлены друг от друга, постепенное преодоление одних непременно будет создавать предпосылки для разрешения других. Борьба с причинами возникновения ошибок при проведении исследования на полиграфе является в настоящее время основной задачей повышения эффективности его использования.

Информация об авторе

Николаева Татьяна Юрьевна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.1

О 26

Т. Н. Обухова,

Е. С. Сотникова,

*студентки 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Неправомерное психологическое воздействие на стадии предварительного расследования

В статье анализируются понятие и основные признаки неправомерного психологического воздействия, критерии его разграничения от правомерного психологического воздействия. Приводятся примеры некоторых допустимых в деятельности сотрудников правоохранительных органов методов психологического воздействия.

⁷ Селиванов Н. А., Дворкин А. И. Расследование преступлений повышенной общественной опасности : пособие для следователей. Москва, 1999. С. 27.

⁸ Определение Верховного Суда по делу № 203-О11-1 от 17 февраля 2011 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ключевые слова: неправомерное психологическое воздействие, предварительное расследование, участники уголовного судопроизводства.

Психологическое воздействие – это активная, целенаправленная деятельность, продуктом которой является изменение параметров психики (мотивов, целей, отношений, установок, потребностей) объекта воздействия, значимых для достижения целей воздействующего¹.

Значимым отличием неправомерного психологического воздействия от правомерного является то, что используются деструктивные вербальные и невербальные средства, в результате чего объект воздействия находится в состоянии эмоционального психологического стресса, фрустрации, эмоционального возбуждения или напряжения. Основным критерием, – пишет В. Ф. Енгальчев, – неправомерного психического воздействия на личность служит ограничение ее свободы осознанного выбора поведения²», что противоречит принципам законности и нравственности.

Использование деструктивных вербальных и невербальных средств сопровождается ситуационно обусловленным эмоциональным реагированием объекта воздействия, выражающимся в возникновении различного рода негативно окрашенных эмоциональных реакций (страха, гнева, тревоги, испуга и т. д.), что приводит к изменению психического, соматического или эмоционального состояния субъекта как результата неправомерного воздействия.

В судебной практике неоднократно встречаются факты утверждения участниками уголовного судопроизводства о том, что в отношении них было применено психологическое воздействие в ходе следственных действий, и в этой связи они были вынуждены дать по уголовному делу ложные сведения (оговорить себя или других). Так, согласно апелляционному определению от 28 августа 2019 г. осужденный Гугнин М. Ю. утверждает, что на следствии оговорил себя под воздействием незаконных методов допроса, а проверка по его заявлению об этом проведена неполно и необъективно. Доводы Гугнина М. Ю., а также другого соучастника убийства, о даче показаний вследствие неправомерного воздействия со стороны работников правоохранительных органов тщательно проверялись судом первой инстанции и отвергнуты обоснованно, с приведением в приговоре убедительных мотивов принятого решения³.

Очевидно, что применение неправомерного психологического воздействия со стороны сотрудников правоохранительных органов в отношении участников уголовного судопроизводства может объясняться разными при-

¹ Аврамцев В. В. Профессиональное общение в деятельности юриста : учеб. пособие. Нижний Новгород, 2000. С. 14.

² Енгальчев В. Ф. Судебно-психологическая экспертиза психического воздействия // Энциклопедия юридической психологии / под ред. А. М. Столяренко. Москва, 2003. С. 53.

³ Приговор по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство; по п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ за вымогательство : апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 28 августа 2019 г. № 72-АПУ19-9. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

чинами, это, чаще всего, желание более легкого пути получения необходимой информации по уголовному делу, достижение служебно-карьерных целей и др. Выбор правомерного психологического воздействия более сложен и затратен по времени, он требует приобретения знаний и навыков в части применения средств, приемов и методов правомерного психологического воздействия. Кроме того, на законодательном уровне закреплены нормы, запрещающие пытки, насилие или другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение или наказание (ст. 21 Конституции РФ).

В ходе уголовного судопроизводства запрещается осуществление действий и принятие решений вопреки желанию участников процесса, а также умаление их чести и достоинства в ходе разбирательства. Неправомерное психологическое воздействие чаще всего встречается в формах принуждения и обмана, но на законодательном уровне понятие, признаки и конкретные формы психологического воздействия не определены, что ведет к спорным моментам в практике судов по установлению правомерности воздействия на участников уголовного процесса.

Реализация неправомерного психологического воздействия в ходе досудебного разбирательства в уголовном судопроизводстве является существенным нарушением, которое выступает основанием многих неблагоприятных последствий: негативное влияние на процесс собирания доказательств и их оценки; отмена или изменение уголовно-процессуальных решений; допущение ошибок субъектами уголовно-процессуальных отношений; отказ в содействии правоохранительным органам как добросовестными, так и недобросовестными участниками уголовного процесса; создание препятствий при достижении тактических и стратегических задач стороны защиты и обвинения⁴.

Трудности, возникающие в разграничении правомерных и неправомерных психологических методов воздействия, возникают в результате неверного понимания содержания понятий, пришедших из психологии, неадаптированных к применению и использованию в юридической науке, а также в результате расширительного толкования основополагающих положений, затрагивающие проблемы предупреждения как физического, так и психологического насилия.

Психологическое воздействие – это, прежде всего, использование приемов, которые обеспечивают оптимальную форму передачи доказательственного материала, изменяющих ход психических процессов, субъективной позиции объекта воздействия, убеждение его в необходимости дать необходимую информацию, оказание помощи следствию. Критерии допустимости определяются уголовным законодательством⁵. К наиболее распространенным методам психологического воздействия в уголовном судопроизводстве относятся: метод передачи информации, убеждения, принуждения, внушения.

Метод передачи информации есть сообщение о фактах, событиях, зна-

⁴ См.: Зорин Р. Г. Правовая оценка факта оказания неправомерного психического воздействия на личность в уголовном судопроизводстве // Вестник Брестского университета. 2011. С. 111–121.

⁵ Кроз М. В. и др. Криминальное психологическое воздействие Москва, 2008. С. 19–23.

ниях. Его целью в уголовном процессе является оказание помощи при воспоминании забытого, изменение направленности мыслительных процессов лица, дающего ложные показания, изменение установки, взглядов, мировоззрения, возбуждение определенного эмоционального состояния⁶.

Метод убеждения – основной и цивилизованный метод воздействия. Он предполагает разностороннее влияние на личность с целью образования у нее определенных качеств, а также, побуждение к какой-либо деятельности. Убеждение во всех случаях включает в себя следующие элементы: изложение доводов; передачу информации, подтверждающей правдивость приведенных доводов; выслушивание сомнений и возражений убеждаемого; изложение свежих доводов со стороны следователя.

Принуждение как метод воздействия регламентируется в деятельности сотрудников правоохранительных органов на законодательном уровне (раздел IV «Меры процессуального принуждения» УПК РФ)⁷. Например, физическое принуждение основано на применении силы и регламентировано федеральным законом «О полиции» (ст. 20)⁸.

Метод внушения – оказывает существенное влияние на поведенческую сферу объекта воздействия незаметно для него. Внушенная идея раскрывается в виде поступков, которые объект считает само собой разумеющимися⁹.

В заключение отметим, что из всех известных в психологии методов, убеждение является наиболее приемлемым в деятельности сотрудников правоохранительных органов. Именно убеждение и знание его приемов позволяет изобличать ложные показания со стороны допрашиваемого без нарушения его прав и главное, что такой метод позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства. При этом высшим результатом правомерного психологического воздействия на личность допрашиваемого, изначально который дает ложные сведения, считаем не только признание им своей виновности, но и искреннее раскаяние в содеянном.

Информация об авторах

Обухова Татьяна Николаевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). Электронный адрес: *obikhova.17@yandex.ru*,

Сотникова Елена Сергеевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). Электронный адрес: *elenasotn2000@gmail.com*

⁶ Чуфаровский Ю. В. Психология оперативно-розыскной и следственной деятельности : учеб. пособие. Москва, 2013. С. 109.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁸ О полиции : Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁹ Степаненко Д. А. Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости // Российский следователь. 2014. № 9. С. 52–56.

УДК 347.963

П 22

С. С. Пахомов,

*студент 2 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Психологические особенности судебной речи государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей

В статье рассматриваются некоторые психологические особенности судебной речи государственного обвинителя в суде присяжных заседателей, представлены разработанные психологами рекомендации по ее подготовке.

Ключевые слова: государственный обвинитель, присяжные заседатели, судебная речь, психологические особенности.

Суд присяжных в России имеет важное значение в развитии демократических институтов общества и, прежде всего, в развитии принципа народного суверенитета, поскольку отражает право граждан на участие в отправлении правосудия и является одним из главных признаков правового государства, закрепленного в ст. 3 Конституции Российской Федерации.

Участие в судебном разбирательстве с участием присяжных требует от прокурора профессионального мастерства. Это обстоятельство подчеркивается в приказе Генерального прокурора Российской Федерации: «Поддержание государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, необходимо поручать прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами»¹.

Прокурору необходимо владеть психологическими механизмами публичного общения, уметь применять разнообразные психологические приемы коммуникативного воздействия на участников процесса, поскольку это является важным фактором, повышающим эффективность его деятельности по поддержанию государственного обвинения в суде присяжных². Данная необходимость обусловлена состязательным характером судебного разбирательства по уголовному делу с участием присяжных заседателей. При этом стоит отметить, что при подготовке судебной речи прокурор не должен ставить перед собой как главную задачу убедить коллегии присяжных заседателей в обоснованности обвинения любой ценой, использовать любые средства психологического воздействия на их сознание. Государственный обвинитель обязан использовать только имеющиеся в уголовном деле доказательства,

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 25 декабря 2012 г. № 65. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ратинова Н. А. Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. 2015. № 5. С. 89.

предварительно убедившись в их содержательной и процессуальной безупречности, с соблюдением всех правовых и этических норм, подчеркивая уважительное отношение к присяжным заседателям и значение их решения в законном, обоснованном и справедливом разрешении уголовного дела.

Суд присяжных, помимо определяемой Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) специфики, отличается от традиционной формы судопроизводства значительно большим удельным весом и значением психологического компонента. Это касается и судебной речи государственного обвинителя, которая также имеет свои психологические особенности. В судебной речи государственный обвинитель должен посредством системы рациональной аргументации и эмоционального воздействия повлиять на формирование внутреннего убеждения коллегии присяжных, опровергнуть доводы, предлагаемые процессуальным оппонентом. От того, насколько психологически грамотно построена речь государственного обвинителя, в значительной мере зависит вердикт коллегии присяжных. Структурно судебная речь состоит из вступительного заявления и выступления в прениях сторон.

Согласно ст. 335 УПК РФ судебное следствие начинается со вступительного заявления государственного обвинителя, в котором он предлагает существо предъявленного обвинения и предлагает порядок исследования представленных им доказательств. Данное заявление имеет большое значение, поскольку является фундаментом будущего обвинительного либо оправдательного приговора. Государственный обвинитель должен понимать, что решение по делу будет принимать не профессиональный судья, а простые граждане, которые не представляют, как устроены и функционируют судебная система и правоохранительные органы. Поэтому речь государственного обвинителя должна быть понятной для присяжных, не следует вплетать не знакомые для присяжных термины, особенно юридические. Это положительно скажется на первом впечатлении, которое прокурор произведет на коллегию присяжных, способствует установлению эмоционального контакта с аудиторией. У государственного обвинителя, – по мнению А. В. Коробейникова, – это должно получиться лучше, чем у адвоката. Для этого нужно быть не только юристом, но и психологом³.

Следующей частью судебной речи государственного обвинителя является выступление в прениях сторон. Основная задача государственного обвинителя на рассматриваемой стадии процесса – доказать и убедить присяжных заседателей, что вменяемое подсудимому деяние имело место, что это деяние совершено подсудимым и что подсудимый виновен в его совершении. На эти вопросы присяжные заседатели должны будут дать ответы в совещательной комнате в соответствии с положениями ч. 1 ст. 339 УПК РФ. Для выполнения этой задачи необходимо, чтобы внутреннее убеждение присяж-

³ Коробейников А. В. Вступительное заявление государственного обвинителя // Криминалист. 2018. № 2. С. 92.

ных было сформировано под влиянием не эмоциональных эпитетов сторон, а представлением объективных доказательств. Однако если представление доказательств выглядит блекло и неярко, то все усилия могут не дать своего результата.

Государственный обвинитель должен обладать ораторским мастерством, чтобы использовать художественно выразительные и риторические средства, которые в ряде случаев оказывают на присяжных существенное воздействие, в том числе и психологическое. Однако этого, как правило, бывает недостаточно для вынесения присяжными обвинительного вердикта. Выразительные приемы не спасут слабую с точки зрения аргументации речь, так как присяжные ждут от прокурора неопровержимых доказательств, свидетельствующих о виновности подсудимого. Поэтому прокурор должен выбрать правильную стратегию выступления и исследования доказательств, чтобы обеспечить максимальное восприятие информации присяжными. Так, наиболее убедительные доказательства необходимо озвучить в начале и конце выступления, так как, по мнению психологов, люди возбудимого типа лучше воспринимают начало обращенной к ним фразы, а тормозного типа точнее запоминают ее конец⁴. Во время представления доказательств прокурору необходимо постоянно привлекать внимание коллегии присяжных заседателей к себе и ходу своего рассуждения и заострять их внимание на наиболее убедительных доказательствах, в этом случае повышаются шансы доказать коллегии присяжных заседателей обоснованность своей позиции относительно причастности подсудимого к преступлению и виновности в его совершении.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что для успешного выступления в суде присяжных прокурору недостаточно быть только юристом, необходимо обладать еще и психологическими знаниями. Психология присяжных заседателей существенно изменилась со времен XIX в., когда появился суд присяжных в России, изменились многие аспекты взаимодействия участников уголовного процесса. Эти и другие стороны вновь возмущенного в уголовное судопроизводство института присяжных заседателей требуют тщательного анализа всех его сторон, в котором психологическая составляющая играет не последнюю роль.

Информация об авторе

Пахомов Сергей Сергеевич – студент 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). E-mail: sergeypakhomov033@gmail.com

⁴ Романов В. В. Юридическая психология. 2-е изд. Москва : Юрайт-Издат, 2014. С. 384.

УДК 343.9
П 32

К. В. Пиншина,
студентка 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

**К вопросу о применении графологического анализа
для диагностики предрасположенности человека к нервным
и психическим расстройствам**

В статье анализируются теоретические аспекты применения графологии. Изучены исторические аспекты развития и становления графологии, обобщены сведения о ней как о науке. Рассмотрен метод графологического анализа, как способ определения предрасположенности человека к психическим заболеваниям, нарушениям его высшей нервной деятельности.

Ключевые слова: графология, метод графологического анализа, психические заболевания, нарушения высшей нервной деятельности.

Человек оставляет свои следы во всём, что делает. В частности, можно говорить и о том, что его черты, характер проявляются в мимике, интонациях, ходьбе, речи и, несомненно, письме. Ещё древнегреческий философ Аристотель говорил: «Как нет людей одинаково говорящих, так и нет людей одинаково пишущих»¹, с чем сложно не согласиться. Ведь каждый человек от рождения и до смерти приобретает настолько разный жизненный опыт, который прямо отражается на особенностях его личности, делая его уникальным.

В настоящее время уже давно не секрет, что мелкая моторика человека напрямую связана с его мозговой активностью, протекающими в голове нервными процессами и эмоциональными состояниями в то или иное время. Как отмечал И. М. Сеченов: «Всякое представление, возникающее в психике, любая тенденция, связанная с этим представлением, заканчиваются и отражаются в движении»². Непроизвольное напряжение тех или иных мышц имеет прямую связь с особенностями психического состояния, мышечный тонус влияет на характер движений, в том числе почерк человека, проявляя индивидуальные особенности в размере, ширине и строении букв и слов и т. д.

Первые попытки показать отражение личности человека в почерке были сделаны Камилло Бальдо в научном трактате в 1622 г. Позднее, в середине XIX в. сложилась графологическая школа, основателями которой стали Л. Ж. Г. Фландрен и Ж. И. Мишон. Тогда же впервые был использован термин «графология» как учение о почерке, исследование его с точки зрения отражения в нем свойств и психических состояний личности, получивший широкое распространение³.

¹ Аристотель. Сочинения. В 4 томах. Т. 1. / ред. В. Ф. Асмус. Москва : Мысль, 1976. С. 371–448.

² Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. Санкт-Петербург, 1863. С. 23.

³ Michon J. H. Méthode pratique de graphologie. Paris : Bibliothèque graphologique. P. 54.

Опытный эксперт способен определить волевые и душевные качества человека, его рабочие характеристики, темперамент и физическую активность, поведение в обществе, надежность, уровень интеллекта, т. е. составить его основной психологический портрет. С помощью метода анализа, на данный момент, пока не установлены общие принципы для определения роста, цвета глаз и волос, веса, профессии и сведений о возрасте, но в истории имеются примеры, когда специалисты по почерку делали предположение о той или иной характеристике преступника, которая потом подтверждалась следственным путём. Основатель антропологической школы Ч. Ломброзо в 1895 г. выдвинул гипотезу об особенностях рукописей «прирождённых преступников», на её основе, в частности, он различал две группы почерков преступников: убийц, разбойников и грабителей (насильственные) и воров (ненасильственные)⁴.

Однако можно ли определить по почерку измененные патологические состояния, вызванные психическими заболеваниями, маниакальными синдромами или зависимостью? Какие признаки могут свидетельствовать о нездоровом поведении человека? Следует уточнить, что здесь имеется в виду такие проявления зависимости как алкоголизм, наркомания и игромания. Вредные привычки, что поработают человека и в той или иной степени ведут его к деградации.

При алкогольной зависимости специалисты выделяют две группы признаков, которые могут свидетельствовать о большой склонности человека к этой зависимости. В первом случае предрасположенность проявляется как свидетельство несформированности, внутренней слабости личности, её податливости и чрезмерной влияемости, пессимизм, негативизм и депрессии. При исследовании почерка такого типа людей можно обнаружить следующие графические маячки: неоднородность, неустойчивость признаков, большое количество невольных штрихов, отсутствие постоянства в форме, наклоне, размере при слабом нажиме. Строки неровные, расстояние между ними, словами и буквами не равномерны, при том что расстояния стремятся к сокращению, движение заторможенное, медленное, нервное. Во втором случае предрасположенность проявляется в чрезмерном напряжении человека, усиленном самоконтроле, стрессах и внутренних конфликтах, под воздействием которых человек «ломается». В почерке для данного типа людей характерны: общая неустойчивость признаков, человек зациклен на поддержании ровности, но она выглядит скорее нарочитой, чем естественной, пытается контролировать однородность размера и наклона, букв, всё это на фоне медленной не спонтанной скорости письма. Неравномерные расстояния между буквами, словами и строками. Сильный нажим с неестественными перепадами, форма букв резкая, угловатая, линии нервные со сбоями и изломами, с внезапными исчезновениями.

О предрасположенности к игровой зависимости могут, в частности,

⁴ Ломброзо Ч. Преступный человек. Москва : Эксмо, 2005. С. 77.

свидетельствовать следующие графические признаки: быстрый, летящий почерк с сильным нажимом. Ход строк – неровный и тесный, усложнения, загруженность, путанность, внимание концентрируется на второстепенных элементах формы букв при общей плохой читабельности текста, неровности полей особенно тех, что располагаются слева листа⁵.

Переходя к анализу более серьёзных расстройств, стоит обратить внимание, что метод графологического анализа, как и всякое исследование, имеет под собой вероятностную основу и поставить точный медицинский диагноз не может ни один даже самый квалифицированный эксперт. Тем не менее, с высокой долей вероятности в почерке можно обнаружить следы сильно отличающихся друг от друга расстройств.

Обратимся к невротическим расстройствам, которые возникают вследствие действия психотравмирующих факторов, умственного и эмоционального перенапряжения, чаще всего проявляются в виде чувства тревоги, депрессии или различных видов фобий. Почерк человека, страдающего таким видом расстройства, при первом приближении выглядит весьма обычно и адекватно, но на уровне микроструктуры проявляются такие признаки, как неустойчивость и непостоянство почерка, скованность формы и движения, статичность, почти незаметные сбои в линиях, штрихах, будто на мгновение дрогнула рука, негармоничные перепады нажима (например, при отсутствии перепада расслабления и напряжения, толщины, интенсивности, цвета, при постоянстве либо напряжения, либо расслабления), иногда, перепады в нажиме присутствуют, но абсолютно, наоборот (там, где движение должны быть по идеи расслабленными – нажим усилен, а там где должен быть усилен – отсутствует).

При маниакальных синдромах больные испытывают эйфорию, сопровождающуюся большим выбросом энергии, в отсутствие обстоятельств для такого состояния в реальной действительности. Графические признаки, которые обнаруживаются в их почерке: очень быстрый темп, ускоряющийся к концу текста, при этом сочетается с большими по размеру буквами, плохой читабельностью, и периодическими выбросами штрихов в направлении вверх и вниз, текст в пространстве не организован, размещен беспорядочно, искажены поля (резко сужаются или расширяются), строки резко идут вверх.

Почерк больных шизофренией обладает такими характеристиками, как вычурность, нарочитая стилизованность, нажим очень слабый при этом расстояние между словами чрезмерное, присутствует сильный наклон букв, ярко выражено стремление к подчеркиванию отдельных слов и фраз, большое количество восклицательных и вопросительных знаков, заглавные буквы чаще всего украшены (например, завитушками).

Составление психологического портрета личности по почерку процесс трудоёмкий, требующий наличия специальных знаний, опыта, общей организованности. Тем не менее, опыт ученых зарубежных стран в данной сфере

⁵ Гольдберг И. И. Психология почерка. Москва : У-Фактория АСТ, 2008. С. 102.

показывает высокую степень полезности графологии во многих аспектах жизни общества, в том числе, правоохранительной деятельности. Мы полагаем, что развитие и применение метода графологического анализа позволит наряду с заключениями иных специалистов, использовать заключения экспертов-графологов для определения психического состояния лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений, опровержения или подтверждения его предрасположенности к той или иной болезни, что, несомненно, важно для всестороннего и полного исследования обстоятельств совершенного противоправного деяния.

Информация об авторе

Пиншина Кристина Владимировна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.98

С 43

Е. Н. Стрелков,

*студент 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ*

Криминалистическое учение о розыске: эволюция взглядов

В данной статье рассмотрены вопросы, касающиеся эволюции взглядов на понятие розыска и его содержание. Автором дано собственное определение данного понятия. Особое внимание уделено содержанию и элементам, входящих в розыскную модель следственных и оперативных подразделений. Работа имеет междисциплинарный характер – написана на стыке криминалистической теории и теории оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: розыск, следственная версия, оперативная версия, оперативно-розыскные мероприятия, расследование преступления.

К числу частных криминалистических теорий принято относить криминалистическое учение о розыске. Становление и развитие данной частной криминалистической теории не является завершённым. Впервые данное учение было упомянуто в начале 20-го века советскими учеными-криминалистами. В их трудах мы можем найти первые теоретические основы, послужившие фундаментом не только для становления и развития розыскной деятельности следователя, но и оперативно-розыскной деятельности в частности.

Среди ученых нет единства мнений по определению понятия розыска. Так, И. Н. Якимов в 1929 г. высказал мнение о том, что под розыском следует понимать весь процесс расследования преступления, который начинается с обнаружения и установления признаков конкретного преступления и закан-

чивается установлением виновного лица (установлением похищенных ценностей). Розыск должен осуществляться как гласными, так и не гласными средствами, сосредоточенными в руках одного органа (должностного лица). Он относил розыск к одному из самых сложных видов искусства и сравнивал его с искусством военным, поскольку и то и другое имеют дело с массами людей и опираются на психологию масс¹. Данное мнение разделяют такие ученые, как П. П. Михеев, Н. Н. Семенов, акцентируя внимание на том, что розыск должен проводиться «негласными средствами»². В. И. Громов детализировал понятие розыска, основываясь на задачах, которые поставлены перед данным видом деятельности. Он считал, что «под розыском следует понимать деятельность органа дознания по установлению фактических обстоятельств совершения преступления, личности лица, орудия преступления, вещественных доказательств»³.

В последующее десятилетие ученые-криминалисты не упоминают в своих трудах понятие розыскной деятельности, розыска. В 1939 г. С. А. Голунский дал определение оперативно-розыскным мероприятиям, под которыми понимал действия органа дознания по раскрытию преступления⁴. Данное определение является близким современному законодательному определению.

Иная точка зрения в определении понятия розыска была дана в 1949 г. учеными А. И. Винбергом и Б. М. Шавером. Они трактовали розыск как деятельность, присущую исключительно следователю, которая нацелена на обнаружение уже известного лица и установленного имущества. Н. В. Терзиев расширил данное понятие, включив в него поиск пропавших без вести лиц⁵.

В дальнейшем понятие розыскной деятельности применительно к следователю было детализировано В. И. Поповым лишь в 1970 г. Он считал, что под следственным розыском следует понимать поисковую деятельность следователя, которая направлена на установление конкретного места нахождения виновного лица⁶. Данная деятельность обладает специфическим характером, который не позволяет объединить ее и сделать частью расследования преступления. В свою очередь, наряду со следственным розыском он выделял оперативный розыск, под которым понимал осуществляемую оперативными подразделениями милиции деятельность, направленную на раскрытие

¹ Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Москва : ЛексЭст, 2003. С. 46.

² Михеев П. П., Семенов Н. Н. Криминалистика. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы в вопросах и ответах : пособие для внешкольной подготовки сотрудников уголовно-розыскных учреждений. Москва, 1926. С. 3.

³ Громов В. И. Дознание и предварительное следствие. Методика расследования преступлений. Осмотр места преступления : сб. науч. тр. Москва : ЛексЭст, 2003. С. 233–234.

⁴ Голунский С. А. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений. Москва : Юриздат, 1939. С. 26.

⁵ См.: Настольная книга следователя / под ред. Г. Н. Сафонова. Москва : Госюриздат, 1949. С. 321–323.

⁶ Попов В. И. Розыскная деятельность в системе уголовного процесса и криминалистики // Ученые труды Казахского университета. Алма-Ата, 1967. Т. 8. С. 237–245.

совершенных (розыск в широком смысле) и предупреждение готовящихся преступлений (розыск в специальном смысле). Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что следственный розыск и оперативный розыск в широком смысле есть не что иное, как комплексная деятельность по расследованию преступления.

В дальнейшем в рамках концепции, предложенной В. И. Поповым, в середине 80-х г. А. А. Закатовым было опубликовано несколько работ, касающихся розыскной деятельности следователя.

Подводя итог вышесказанному, наиболее точным, по-нашему мнению, видится следующее определение розыска: Розыск – это деятельность следственных и оперативных подразделений, которая направлена на установление и отыскание лица, совершившего преступление, путем выдвижения следственных версий и проверки их оперативно-розыскными мероприятиями. Считаем необходимым отметить тот факт, что не все оперативно-розыскные мероприятия направлены на розыск лица, совершившего преступление, поэтому розыск в специальном смысле мы не можем включать в определение данного понятия.

Перейдем к рассмотрению содержания данного криминалистического учения. Основываясь на теоретических разработках А. Р. Ратинова, И. М. Лузгина можно прийти к выводу, что содержанием розыскной деятельности является совокупность розыскных мероприятий и следственных действий. Однако такое определение считаем небесспорным, поскольку объектом криминалистики, включая данную частную криминалистическую теорию, могут выступать лишь средства и приемы проведения данных мероприятий и действий. На наш взгляд, Р. С. Белкин дал более точное понятие содержания данной частной теории. По его мнению, в содержание криминалистического учения о розыске входят отдельные закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования информации, которые определяют метод и направленность розыскной деятельности⁷.

Закономерностью в данном случае является тот набор общих характеристик преступления, которые отражаются в материальной среде. Именно на основе анализа этих характеристик и строится поисковая деятельность следователя. Для выдвижения объективной и обоснованной следственной версии следователю необходимо учитывать ряд составляющих признаков преступления, которые, так или иначе, найдут свое отражение. К примеру, взаимосвязь способа совершения преступления с физическими возможностями и профессиональными навыками лица. Лицо, совершившее кражу с проникновением в жилище через форточку окна, с большей долей вероятности могло обладать специальной подготовкой (например, в области спортивной акробатики), или быть из определенной возрастной группы (несовершеннолетний). Кроме того, имеется связь между объектом преступного посягательства и

⁷ Белкин Р. С. Курс советской криминалистики. Частные криминалистические теории : пособие. Москва : Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. С. 113–115.

личностью лица совершившего это посягательство. Ограбление медицинского персонала лечебных учреждений зачастую совершается лицами, страдающими наркотической зависимостью. Мы можем сделать вывод, что взаимосвязь также может быть между поведением разыскиваемого лица и условиями, в которых оно находится, между характером совершенного деяния и принадлежностью лица к определенной преступной группе, между орудием совершения преступления и материальным положением преступника и т. д.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем сделать некоторые выводы.

Во-первых, криминалистическое учение о розыске, как одна из частных криминалистических теорий, сформировавшаяся в начале 20-го века, находится на пути своего становления, поэтому теоретическая основа, касающаяся понятия и содержания данного учения, не является полностью сформированной. Во-вторых, в теории зачастую происходит отождествление понятий следственного и оперативного розыска. Необходимо помнить, что следственный розыск направлен на раскрытие и расследование совершенного преступления (действует в ретроспективе), в свою очередь перед оперативным розыском стоит задача пресечения готовящихся и совершенных преступлений (перспектива действия). Недопустима подмена и смешение данных понятий. В-третьих, для успешного расследования преступлений, следственным и оперативным подразделениям, при выдвижении розыскных версий, необходимо основываться на взаимосвязи отдельных характеристик преступления (личность лица совершившего преступление, его социальный статус, профессиональные навыки, способ совершения и т. д.).

Информация об авторе

Стрелков Евгений Николаевич – студент 4 курса, Иркутский юридический института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

УДК 343.98:341

X 98

Т. В. Хунг,

аспирант 2 курса ТулГУ

К вопросу о способе преступления в структуре криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Социалистической Республике Вьетнаме

В статье подробно анализируются интерпретации понятия «способ преступления», дается авторское определение этого термина. Рассматриваются типичные способы преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в Социалистической Республике Вьетнам.

Ключевые слова: способ преступления, криминалистическая характеристика преступления, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, наркотик, наркотическое средство, законодательство Социалистической Республики Вьетнам.

Способ преступления всегда является ключевым объектом криминалистического исследования, позволяя обнаружить и раскрывать закономерность, сущность и содержание преступной деятельности, а также определять и разрабатывать комплекс средств и метод ее противодействия.

По мнению А. Ю. Решетникова: «В настоящее время, в условиях глобализации экономики, культуры, политики и иных сфер жизни общества транснациональная преступность стала представлять серьезную угрозу не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества, следовательно, исследование и использование данных о способах преступной деятельности играют важную роль и имеют особое значение по борьбе с ней»¹. Г. Г. Зуйков справедливо полагал, что способ совершения преступления является системой взаимосвязанных и взаимообусловленных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, детерминированных условиями внешней среды и свойствами личности, условиями места и времени и зачастую связанных с использованием соответствующих орудий и средств². По мнению Н. П. Яблокова «способ совершения преступления (в криминалистическом смысле) является объективно и субъективно обусловленной системой поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, оставляющую различного рода характерные следы вовне, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути происшедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления»³.

Вьетнамский ученый Б. К. Диен считает, что «данные о способе совершения и сокрытия преступления являются элементом криминалистической характеристики и имеют важное значение в расследовании преступления»⁴.

Итак, на основе перечисленных мнений ученых-криминалистов применительно к характеристике преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, предлагаем следующее определение рассматриваемого понятия: под способом незаконного оборота наркотиков следует понимать как совокупность связанных и сериально-различных действий (бездействий) по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также по использованию орудий и средств, направленных на подготовку, совершение и сокрытие преступлений данной катего-

¹ См.: Криминология : краткий курс лекций. Москва : Юрайт, 2012. С. 145.

² Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления // Соц. законность. 1971. № 11. С. 14.

³ Криминалистика : учебник / под общ. ред. А. И. Бастрькина. Москва : Экзамен, 2014. С. 76.

⁴ Диен Б. К. Наука уголовного расследования. Ханой : Народная полиция, 2017. С. 220.

рии.

Рассматривая особенности способов незаконного оборота наркотиков, необходимо детально анализировать преступные действия, закреплённые в составах преступлений данной категории в соответствии с гл. 20 УК СРВ, в том числе:

1. Культивирование опиума, кокаина, марихуаны или других растений, содержащих наркотические средства. По данному составу преступления к способам преступления относятся следующие преступные действия: посев опиума, кокаина, марихуаны или других растений, содержащих наркотические средства; выращивание опиума, кокаина, марихуаны или других растений, содержащих наркотические средства; выведение новых сортов растений, содержащих наркотические средства.

2. Незаконное производство, хранение, перевозка, торговля, присвоение наркотических средств, прекурсоров, инструментов, оборудования, используемых в незаконном производстве наркотических средств. К ним относятся следующие способы: конструирование и изготовление, установка, проверка, испытание оборудования, выпуск и обеспечение качества наркотических средств, прекурсоров, инструментов, оборудования, используемых в незаконном производстве наркотических средств; владение наркотическими средствами, прекурсоров, инструментов, оборудования, используемых в незаконном производстве наркотических средств, в том числе, для личного спроса (а также содержание при себе, в помещении, квартире, тайнике и иных местах); перевозка наркотических средств, прекурсоров, инструментов, оборудования, используемых в незаконном производстве наркотических средств; торговля наркотическими средствами, прекурсорами, инструментами, оборудованием, используемыми в незаконном производстве наркотических средств; незаконное присвоение наркотических средств, прекурсоров, используемых в незаконном производстве наркотических средств выражаются в изъятии, обособлении указанных предметов, обращении их в свою пользу либо в пользу других лиц путем установления над ними незаконного владения.

3. Незаконная организация потребления наркотических средств осуществляется путем подыскания, приобретения или найма помещения, финансирование, ремонт, обустройство, изменение структуры (конструкция) помещения и другие действия, совершенные для последующего использования указанного помещения в целях потребления наркотических средств.

4. Содержание притонов для незаконного потребления наркотических средств выражается в использовании помещения, отведенного и (или) приспособленного для потребления наркотических средств, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны и т. п.).

5. Под способом принуждения других к незаконному потреблению наркотических средств следует понимать, как физическое или психическое

воздействие, которое является способом заставить потерпевшего совершить незаконное потребление наркотических средств против собственного волеизъявления, а также принуждение может осуществляться путем угрозы или насилия⁵.

6. Склонение к незаконному потреблению наркотических средств может осуществляться как путем физического или психического насилия, так и путем обмана, обещаний, агитации, демонстрации личного примера, создания у склоняемого ложного понятия о чести, достоинстве, сотрудничестве, дружбе и др. Как правило, отмечалось ранее, склонение к употреблению наркотических средств чаще всего осуществляется в группах, которые занимаются их изготовлением и употреблением для *привязывания* людей с целью распространения и сбыта наркотиков.

7. Нарушение правил управления, использования наркотических средств, прекурсоров, препаратов, вызывающих привыкание, психотропных препаратов выражается в следующих действиях: нарушение правил экспорта, импорта, временного импорта реэкспорта, транзита наркотических средств, прекурсоров; нарушение правил исследования, экспертизы, производства и сохранения наркотических средств, прекурсоров; нарушение правил доставки, хранения, перевозки наркотических средств, прекурсоров; нарушение правил распространения, продажи, использования, передачи наркотических средств, прекурсоров; нарушение положений управления, контроля и сохранения наркотических средств, прекурсоров в пограничных воротах, границах, на море; передача наркотических средств, психотропных веществ или других наркотических средств для тех, кто не разрешается хранить и использовать.

Итак, по нашему мнению, данные о способах подготовки, совершения и сокрытия преступлений данной категории (или исследование способов их подготовки, совершения и сокрытия) играют важную роль и имеют как научное значение для совершенствования и разработки частных криминалистических методик, так и сугубо практическое значение для расследования по аналогичным уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков.

Информация об авторе

Тью Ван Хунг – аспирант кафедры судебной экспертизы, Институт права и управления, Тульский государственный университет, 300012, Россия, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 155, 5 учебный корпус,

+7 905 903 43 87 chuvanhung051092@gmail.com.

⁵ Битжанова Ж. С. Угроза и насилие как способы совершения преступления // Юридические науки: проблемы и перспективы : мат. II Межд. науч. конф. Пермь : Меркурий, 2014. С. 93.

УДК 343.98
X 17

К. В. Халиманенков,

студент 4 курса
ИЮИ (ф) УП РФ

К вопросу о введении обязательной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации

В статье анализируется роль дактилоскопии в раскрытии преступлений, а также целесообразность введения в Российской Федерации всеобщей дактилоскопической регистрации.

Ключевые слова: дактилоскопия, дактилоскопическая регистрация.

Эффективность раскрытия и расследования преступлений в большинстве случаев зависит от качества и количества информации, имеющей важное криминалистическое значение, а также ее доступности для участников уголовного преследования. Под данной информацией, прежде всего, следует понимать фактические данные, которые находятся в причинно-следственной связи с событием преступления и которые характеризуют способ его совершения, а также лиц, его совершивших, предметы, орудия преступления и тому подобные обстоятельства.

Возможность обнаружения следов пальцев рук на месте преступления позволяет разыскать и изобличить лицо, совершившее преступление. Такая возможность обусловлена наличием некоторых особенностей ладони человека. К таким особенностям относятся различные рельефные рисунки на поверхности пальцев и ладоней рук. Поверхность ладони руки покрыта папиллярными линиями – «линейными возвышениями незначительной высоты и ширины, разделяемыми бороздками»¹. Данные особенности ладони являются индивидуальными, то есть не повторяются у различных людей. Указанные особенности строения ладонной поверхности человека изучает дактилоскопия, являющаяся разделом трасологии.

Получение, учет дактилоскопической информации о лицах, подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершении преступления, осужденных за совершение преступления, а также лиц, подвергнутых административному аресту, производится в обязательном порядке, установленном законом.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ (далее – ФЗ № 128) государственная дактилоскопическая регистрация – «деятельность, осуществляемая указанными в настоящем Федеральном законе органами исполнительной власти и федеральными государственными учреждениями по получению, учету, хранению, классификации и выдаче дактило-

¹ Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова и др. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2015. С. 365.

скопической информации, установлению или подтверждению личности человека»². Под дактилоскопической информацией понимаются «биометрические персональные данные об особенностях строения папиллярных узоров пальцев и (или) ладоней рук человека, позволяющие установить его личность»³.

Деятельность по государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации строится, в частности, на принципе сочетания добровольности и обязательности. Так, ст. 9 ФЗ № 128 устанавливает перечень лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. Следует отметить, что закрепленный принцип добровольной дактилоскопической регистрации не нашел широкого практического применения среди населения, причем зачастую граждане не осведомлены о предоставленном им праве.

Таким образом, на сегодняшний день законом выделяются лишь отдельные категории лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. На наш взгляд, введение всеобщей дактилоскопической регистрации в условиях криминализации общества, а также увеличения чрезвычайных ситуаций позволит сократить число нераскрытых преступлений, неопознанных трупов при масштабных катастрофах и т. д.

Регистрация людей в настоящее время является неотъемлемым элементом регулирования общественных отношений. В течение жизни человек проходит регистрацию в различных государственных и негосударственных учреждениях, в подтверждение чего выдаются определенные документы. Причем не все такие документы содержат данные, позволяющие с достоверностью идентифицировать личность человека и соответственно определить правомерность обладания документом.

По мнению А. С. Самищенко «методы дактилоскопии, оставаясь в ряду наиболее эффективных методов установления личности человека, требуют своего дальнейшего развития и совершенствования»⁴. Прежде всего, речь идет о всеобщей обязательной дактилоскопической регистрации, которая, вполне очевидно, будет иметь как розыскное, так и превентивное значение. Поддерживая указанную точку зрения, следует отметить, что помимо повышения раскрываемости преступлений такая регистрация будет способствовать и упрощать повседневные «бытовые» процедуры удостоверения личности.

Криминалистическая регистрация имеет основной целью использование учетных данных в правоохранительной деятельности по обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Введение всеобщей дактилоскопической регистрации не будет влиять на ограничение прав и свобод, данная про-

² О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3806.

³ Там же.

⁴ Самищенко А. С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 3.

цедура не будет отличаться, например, от регистрации человека как физического лица при получении паспорта, водительского удостоверения, медицинского полиса и т. д. При введении всеобщей дактилоскопической регистрации необходима автоматизированная система, способная обрабатывать большое количество дактилоскопической информации. Стоит отметить, что дактилоскопический учет на сегодняшний день в особенности выделяется своей эффективностью благодаря тому, что применяются автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы, которые осуществляют большое количество проверок дактилоскопических материалов в год.

Автоматизированная информационная система (АДИС) «Папилон» – единственная отечественная компьютерная система, которая позволяет создавать и хранить большое количество дактилоскопической информации в электронном виде, а также осуществлять по ней поиск, используя папиллярные узоры следов пальцев рук и ладоней. Это достигается за счет применения иерархического описания структуры папиллярного узора каждого отпечатка⁵.

Таким образом, на наш взгляд, введение всеобщей дактилоскопической регистрации необходимо в целях: облегчения процедуры идентификации личности и регулирования гражданско-правовой сферы. Введение обязательной дактилоскопической регистрации позволит облегчить не только работу сотрудников государственных служб, но и получение гражданами ряда необходимых документов. Это, в свою очередь, оптимизирует деятельность многих государственных и частных организаций, так или иначе взаимодействующих с данными документами; установления личности человека, который в силу возраста либо болезни не может сообщить сведения о себе. Зачастую сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с необходимостью взаимодействовать с физиологически или психически недееспособными гражданами, которые по определённым причинам оказались оставлены без документов или людей, способных предоставить какую-нибудь информацию о них. Следовательно, даже установление такой личности может обрести затяжной характер. Введение всеобщей дактилоскопической регистрации позволит идентифицировать таких граждан без каких-либо затруднений; установления личности неопознанных трупов, а также расчлененных трупов, если обнаружена кисть руки трупа. Данная цель тесно переплетается с названной выше, поскольку идентификация останков на настоящий момент является достаточно трудоёмким и сложным процессом. Введение всеобщей дактилоскопии облегчит этот процесс и позволит не только выяснить личность погибшего или умершего, но и уведомить о факте смерти близких и родственников; установления личности человека при масштабных катастрофах, военных конфликтах. В данном случае, компьютерная база дактилоскопических данных позволяла бы решить проблему идентификации быстро и

⁵ Криминалистическое исследование следов кожного покрова человека : учебник / под ред. И. В. Кантора. Волгоград, 2013. С. 67.

точно, без нравственных травм близких и родственников погибших; предупреждение совершения преступлений, а также снижение количества нераскрытых преступлений. Любая информация, содержащаяся в криминалистических учетах, значительно увеличивает объем сведений, которыми можно оперировать для раскрытия преступлений и их полного и всестороннего расследования.

Информация об авторе

Халиманенков Константин Владимирович – студент 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ).

Электронный адрес: khalimanenkov@mail.ru

УДК 343.985.7

Ш 25

С. Ч. Шаракшинова,

студентка 4 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

**Криминалистическая характеристика вовлечения
в занятие проституцией**

В статье анализируется криминологическая характеристика преступления, предусмотренного ст. 240 УК РФ, – вовлечение в занятие проституцией. На основании анализа теоретического и практического материала, предлагается система криминалистически значимых признаков вовлечения в занятие проституцией. Автор рассматривает типичные следы вовлечения в занятие проституцией, характеристику потерпевших, субъектов преступления, способы его совершения и обстановку преступления.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая характеристика, вовлечение в занятие проституцией.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией предусмотрено ст. 240 Уголовного Кодекса РФ. Российские криминологи отмечают широкую распространенность проституции как социального явления, что сочетается с крайне небольшим количеством зарегистрированных преступлений, ассоциированных с проституцией, в том числе, и вовлечение в занятие проституцией¹. Высокая латентность вовлечения в занятие проституцией обусловлена объективными сложностями, возникающими при выявлении и расследовании преступлений указанной категории.

Проблема усугубляется недостаточным освящением вопросов криминалистической характеристики преступлений, связанных с проституцией в

¹ Демчук С. Д. Проституция как криминогенное социальное отклонение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 82–91.

криминалистической литературе. Заслуживают внимания диссертационные исследования, посвященные проблемам выявления и расследования указанной категории преступлений². Однако эти исследования проведены более 15 лет назад. За эти годы условия жизни социума претерпели значительные изменения, повсеместное внедрение информационных технологий отразилось и на сфере услуг сексуального характера. Так, вовлечение в занятие проституцией зачастую осуществляется с использованием телекоммуникационной сети «Интернет», что не получило освещения в указанных работах.

Под криминалистической характеристикой преступления в теории криминалистики традиционно понимается система криминалистически значимых признаков преступления, проявляющихся в особенностях способа совершения преступления и его сокрытия, типичной обстановки преступления, типичных материальных следов преступления, предмете преступления или потерпевшего, личности преступника³.

Криминалистическая характеристика вовлечения в занятие проституцией, по нашему мнению, включает в себя следующие компоненты: типичные следы преступления, потерпевшие от преступления, способ преступления, личность преступника, обстановка совершения преступления.

Вовлечение в занятие проституцией, как было отмечено выше, относится к преступлениям с высокой латентностью. Причиной подобного положения дел является в том числе то, что вовлечение в занятие проституцией оставляет достаточно небольшое количество материальных следов. Лицо, вовлекающее в занятие проституцией, может взаимодействовать либо с индивидуально определенным кругом потенциальных потерпевших – лицами, находящимися в личном знакомстве с преступником, либо с индивидуально неопределённым кругом лиц. В первом случае преступник склоняет к занятию проституцией в личной беседе, которая в современных условиях зачастую осуществляется посредством электронной переписки с применением мессенджеров: Whats Up, Viber, Telegram, что оставляет следы в памяти мобильных устройств и на серверах Интернет-провайдера.

Во втором случае, преступник размещает объявления, приглашающие на работу потенциальных работников интим-индустрии. Как правило, объявления содержат информацию в завуалированной форме: «Приглашаем на работу девушек приятной наружности от 18 лет», «Работа для девушек», «Высокая З/П для девушек». Подобные объявления могут размещаться на разных носителях, от уходящих в прошлое бумажных объявлениях около подъездов

² См.: Цыркун С. А. Выявление и расследование преступлений, связанных с содержанием притонов для занятия проституцией : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004 ; Шибанова Е. В. Выявление и расследование преступлений, связанных с проституцией : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

³ Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 30. Москва : Юрид. лит., 1979. С. 110–122 ; Бессонов С. А. К вопросу о структуре и природе криминалистической характеристики преступлений // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43). С. 52–57.

и граффити надписях на стенах, до набирающих популярность рассылки и контекстной рекламы в сети Интернет⁴.

Потерпевшими от данного вида преступления, как правило, являются девушки и молодые женщины возраста от 18 до 35 лет, что, конечно же, не исключает и случаи, когда потерпевшими становятся несовершеннолетние, либо женщины более зрелого возраста. Особенно уязвимыми оказываются лица, находящиеся в тяжелой жизненной ситуации, мигранты, как иностранцы, так и жители России, сменившие регион проживания и оказавшиеся в стесненных материальных условиях. В крупных городах в проституцию зачастую вовлекаются студенты высших учебных заведений, особенно прибывшие с периферии, резко вышедшие из-под родительского контроля, испытывающие сложности с жильем, и желающие соответствовать непривычным для них условиям жизни больших городов, с их современными атрибутами в виде дорогих развлекательных заведений и модной одежды⁵. В группе риска оказываются и лица, в несовершеннолетнем возрасте столкнувшиеся с сексуальным насилием⁶. Зачастую в занятие проституцией вовлекаются лица, работающие в развлекательной индустрии: танцоры в ночных клубах, в том числе, мужчины, либо оказывающие квазимедицинские услуги массажа, без наличия соответствующего образования.

Способы совершения вовлечения в проституцию можно разделить на сопряженные с насилием и не являющиеся таковыми.

Насилие может выражаться в связывании, запираии лица, нанесении телесных повреждений. Так, Кузьминским районный суд г. Москвы, рассматривая дело о вовлечении в занятие проституцией, установил, что виновные лица «сняли с И. С. А. одежду и стали наносить ей многочисленные удары руками и ногами по различным частям тела, повалив при этом ее на пол. Одновременно одно из неустановленных следствием лиц, с целью исключения возможности оказать сопротивление, облегчения своих намерений, заклеил И. С. А. рот липкой лентой типа «скотч», а также связал ее руки за спиной брюками, а О. Д. А. в это же время, действуя согласованно с указанным неустановленным лицом, также с целью облегчения своих намерений, насильно всыпала молотый перец в глаза и влагалище потерпевшей»⁷.

Ненасильственные способы могут быть выражены в уговорах, обещаниях материального благополучия и красивой жизни, шантаже, угрозах распространения порочащей информации о потерпевшей.

Субъектом данного преступления могут выступать как мужчины, так и

⁴ Шувалова Д. Н. Криминалистическая характеристика и выявление преступлений, связанных с проституцией // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30) С. 164–169.

⁵ Романенко В. В. Трансформация социального пространства женской проституции (на примере молодых женщин, оказывающих сексуальные услуги в Санкт-Петербурге) // ЖССА. 2015. № 5. С. 139.

⁶ Русакова М. М. Влияние перенесенного в детстве сексуального насилия на вовлечение женщин в проституцию // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 345–359.

⁷ Приговор суда по делу № 01-0229/2016 // Судебная практика : сайт. URL: <http://www.sudpraktika.ru/precedent/100633.html> (дата обращения: 23.03.2020).

женщины, с преобладанием последних. Зачастую вовлечением в занятие проституцией занимаются лица, либо в прошлом занимавшиеся оказанием услуг сексуального характера, либо действующие проститутки, вовлекающие в ремесло своих подруг и знакомых. При этом первые зачастую выступают в качестве организаторов занятия проституцией и обладают корыстными мотивами, а вторые могут действовать, в том числе, исходя из собственных нравственных представлений, и руководствуются желанием обеспечить материальное благополучие своих подруг.

Обстановка вовлечения в занятие проституцией характеризуется сложившимся в современном социуме культом материального богатства, идеологией рынка, оправдывающей куплю-продажу любых ценностей, включая половую свободу, десакрализацией интимной сферы жизнедеятельности, падением значения института семьи. Типичными местами совершения преступлений указанной категории выступают ночные клубы, бары, наркопритоны. Вовлечение в занятие проституцией посредством сети Интернет, осуществляется на специализированных сайтах (relax138.ru; irkutsk.hotxxx.mobi и др.) и форумах.

Проституция на сегодняшний день остается распространенным негативным социальным явлением, глубоко ассоциированным с преступностью, и требует адекватной реакции со стороны правоохранительных органов. Разработка криминалистической характеристики преступлений, связанных с проституцией, послужит надежным теоретическим фундаментом для формулирования рекомендаций по раскрытию преступлений данной категории.

Информация об авторе

Шаракшинова Сэсэгма Чингисовна – студентка 4 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). Электронный адрес: sharakshins@gmail.com

УДК 343.953

III 55

Х. В. Шибалкина,

студентка 2 курса

ИЮИ (ф) УП РФ

Мотивы преступного поведения личности при совершении преступлений террористической направленности

В статье рассматриваются социально-психологические особенности личности террористической направленности. Отражены основные мотивы преступного поведения террориста, а также затрагивается вопрос об актуальности проблемы терроризма в современном мире.

Ключевые слова: терроризм, террорист, личность, особенность, мотив.

Терроризм является одной из глобальных проблем современности. На сегодняшний день данная проблема особенно актуальна и привлекает внимание многих исследователей и практических работников в связи с повышенной опасностью преступлений террористической направленности. Для эффективного противодействия террористической угрозе, применения мер предупредительного характера необходимо понять причины совершения террористических актов, мотивацию преступника-террориста. Выявление мотивов, побуждающих человека совершить то или иное преступление, представляется возможным лишь при анализе свойств, присущих его личности. В данном случае необходимо обратиться к социально-психологическим особенностям личности преступника-террориста.

Формирование личности террориста, по мнению Г. И. Белокурова, происходит под воздействием трех основных составляющих развития личности: 1) социокультурная среда; 2) механизмы личностного развития, которые не осознаются лицом (специфика поведения, манеры общения, психологические барьеры и др.); 3) становление террористической направленности, в том числе через сознанные стремления, ценности и мотивы, нередко и религиозные¹. Следовательно, при специфическом проявлении каждой из этих составляющих в отдельно взятом индивиде высока вероятность формирования личности террористической направленности.

Для большинства террористов, по мнению исследователей, характерны следующие психологические особенности личности: мессианство, жажда самоутверждения, нарциссизм, паранойяльность, склонность к поиску во вне источников личных проблем, постоянная оборонительная готовность, низкий порог терпимости, импульсивность, раздражительность, высокая агрессивность, высокая тревожность, тяга к смерти².

Убежденность террористов в собственной миссии может быть чисто эмоциональной, а может основываться на «рациональных» идеологических постулатах. «Они настолько уверены в своем совершенстве и превосходстве над другими людьми, что воспринимают мир черно-белым, а причины своих ошибок видят только в окружающем их обществе. Для лиц склонных к терроризму характерен примат эмоций над разумом; предвзятость оценок, низкий порог терпимости и отсутствие должного самоконтроля, они легко и естественно сживаются с идеей насилия», – отмечает Ю. М. Антонян³. Личностная специфика террориста такова, что он стремится к смерти. Террористы, которые видят в смерти, своей или чужой, единственный путь решения проблем, не испытывают страха перед возможной гибелью⁴.

Вышеизложенные социально-психологические особенности личности

¹ Белокуров Г. И. Мотивационная направленность личности террориста // Юридическая психология. 2008. № 2. С. 19.

² Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. Москва : Норма, 2009. С. 364.

³ Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование : монография. Москва : Норма, 2010. С. 193.

⁴ Там же. С. 195.

при совершении преступлений террористической направленности позволяют понять основные мотивы поведения преступника-террориста.

Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов выделяют следующие мотивы личностей преступников террористической направленности: *влечение к смерти и агрессия* (возможность удовлетворения подобных влечений делает терроризм особенно привлекательным, даже при наличии канализации агрессии в социально-приемлемые формы: охранник, полицейский, военный и др.); *потребность в аффилиации и общении* (участие в террористической организации обеспечивает удовлетворение потребности в принадлежности, установлении эмоционального контакта; общение обыкновенных людей нагоняет на них скуку, ведь даже с близкими людьми человек общается с помощью немногочисленного набора фраз); *желание всемогущества* (из жителя маленькой деревни иной террорист превращается почти в гражданина мира, на которого обращено внимание всех средств массовой информации); *потребность в безопасности* (полная реальных опасностей жизнь террориста защищена иллюзорным ощущением надежного контроля над любой ситуацией; организация решает все проблемы); *потребность в новых и сильных ощущениях* (человек, погруженный в обыденную рутину и мир общепринятых социальных ролей, ощущает утрату собственного «Я»; в этом смысле терроризм есть своеобразная виртуальная игра, придающая миру исчезающую плотность); *потребность в самореализации* (вступление в организацию даёт чувство уполномоченности, осмысленности жизни, собственной значимости); *потребность в символической самоидентификации* (терроризм придает жизни человека, испытывающего экзистенциальный вакуум, высшие цели)⁵.

Как указывают вышеупомянутые авторы, в основе решения о вступлении человека в террористическое движение лежит возможность быстрого и относительно нетрудоемкого удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей⁶.

Ю. М. Антонян справедливо обращает внимание на сложность обнаружения подлинных мотивов терроризма, так как данное явление имеет два аспекта: рациональный и иррациональный. Рациональность заключается в том, чтобы с помощью чрезвычайного насильственного акта, который настолько выходит за рамки социальных норм, что заставляет систему идти на уступки террористам достигнуть конкретной цели. Иррациональный аспект терроризма включает в себя экзистенциальный опыт, который переживает его участник. При террористическом акте создается уникальная психологическая ситуация, в которой люди начинают действовать по совершенно иным законам, нежели в обычной жизни, в системе принятых связей⁷. Автор выделяет

⁵ Зинченко Ю. П., Сурнов К. Г., Тхостов А. Ш. Мотивация террориста // Вестник Московского университета. 2007. № 2. С. 25–29.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Антонян Ю. М. Мотивация терроризма. Личность террориста // Терроризм. URL: <https://psyfactor.org/lib/terror14.htm> (дата обращения: 03.02.2020).

следующие мотивы преступной деятельности террориста: корыстная мотивация; мотив мести; «наведение страха»; получение политических выгод; установление справедливости; обеспечение торжества своей религии или нации; мотивы истерической самоактуализации; достижение конкретных целей; уничтожение политических и иных противников⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о полимотивационности личности обвиняемых, совершающих преступления террористической направленности. Следует говорить о том, что при осуществлении террористической деятельности у преступника присутствуют несколько мотивов и формируются они на основе его социально-психологических особенностей. Сами по себе мотивы в значительной мере бессознательны и заметно отличаются в конкретных видах поведения террориста, даже в рамках одного и того же преступного акта – разные его участники могут стимулироваться разными мотивами⁹.

Информация об авторе

Шибалкина Христина Витальевна – студентка 2 курса, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (ИЮИ (ф) УП РФ). Электронный адрес: *shibalkinak@list.ru*

⁸ Антонян Ю. М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. С. 201.

⁹ Специфика мотивации личности экстремиста, террориста // Оперативно-розыскная террология : открытый фонд. URL: <https://alldetectives.ru/ort/transformsitiya-lichnosti-ot-radikala-do-terrorista/spetsifika-motivatsii-lichnosti-ekstremista-terrorista.html> (дата обращения: 05.02.2020).

Проблемы становления гражданского общества

*VIII Международная научная студенческая
конференция*

Иркутск, 20 марта 2020 года

Часть III

Подписано в печать 18.03.2020.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 14,7.
Усл. печ. л. 14,8. Тираж 10 экз. Заказ № 661.

Иркутский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.